

Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний
Вологодский государственный университет

ISSN 2713-2811

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

**Сетевой
научно-практический журнал
частного и публичного права**

pravojournal.ru

1 (11) / 2021

Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний
Вологодский государственный университет

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

**Сетевой
научно-практический журнал
частного и публичного права**

№ 1 (11) ISSN 2713-2811
Вологда 2021

Издается с июня 2018 года
Выходит пять раз в год

Учредители:

Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний»,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Вологодский государственный университет»

Главный редактор:
Е. Л. Харьковский

Все права защищены. Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.
Авторские материалы рецензируются и не возвращаются. Редакция сохраняет за собой
право производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Представлен в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по пяти научным специальностям: 12.00.01, 12.00.08, 12.00.09, 12.00.11, 12.00.12

Дата выхода в свет: 31.03.2021

Журнал представлен на сайте в свободном бесплатном доступе
в полнотекстовом формате

Адрес редакции: 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2
Телефоны: (8172) 51-82-50, (8172) 51-46-12, (8172) 51-98-70
E-mail: ejournal@inbox.ru

Сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет: pravojournal.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства
массовой информации Эл № ФС77-76066 от 24 июня 2019 г. ISSN 2713-2811

© ВИПЭ ФСИН России, 2021

© ВоГУ, 2021

Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penal Service of Russia Vologda State University

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

Online scientific and practical
journal of private and public law

№ 1 (11) ISSN 2713-2811
Vologda 2021

Published since June 2018

Published five times a year

Founders:

Federal Official Educational Institution of Higher Education
"Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service",
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Vologda State University"

Editor-in-Chief:
Evgeny L. Kharkovsky

All rights reserved. Journal materials can be reprinted only with the permission of the publisher.

Manuscripts are reviewed and not returned to the authors.

The editor reserves the right to abridge and edit the manuscripts submitted

Presented in the system of the Russian Science Citation Index (RSCI)

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of PhD., for the degree of Dsc. should be published of the following scientific specialties: 12.00.01; 12.00.08; 12.00.09; 12.00.11; 12.00.12.

Date of publication: 31.03.2021

The journal is presented on the website in free access in full-text format

Address of the editorial office:

2, Shchetinin street, Vologda, 160000, Russian Federation

Phones: (8172) 51-82-50, (8172) 51-46-12, (8172) 51-98-70

E-mail: ejournal@inbox.ru

Website: pravojournal.ru

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media.

Certificate of registration PI № ФС77-76066 dated June 24, 2019. ISSN 2713-2811

© VILE FPS of Russia, 2021

© VoSU, 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Харьковский Е. Л. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент (главный редактор);

Голодов П. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент (заместитель главного редактора);

Крюкова О. Ю. – старший научный сотрудник отделения организации и координации научно-исследовательской деятельности и международного сотрудничества организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук (ответственный секретарь);

Гаврилов Б. Я. – заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Зубкова В. И. – главный научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований и сравнительного правоведения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Квашнин В. А. – профессор кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, доктор исторических наук, доцент;

Козаченко И. Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор;

Корень Т. А. – заместитель директора по учебной и научной работе Могилевского филиала Частного учреждения образования «БИП – институт правоведения» (Республика Беларусь), кандидат юридических наук;

Кругликов Л. Л. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук высшей школы и Российской академии естественных наук;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Кузнецова Е. В. – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Кургузкина Е. Б. – профессор Российского государственного университета правосудия (Центральный филиал, г. Воронеж), доктор юридических наук;

Кучин О. С. – профессор кафедры криминалистики МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, академик РАЕ, доцент, заслуженный деятель науки и техники РАЕ;

Мешко Г. – профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения), доктор наук, профессор криминологии;

Мишальченко Ю. В. – генеральный советник Экономического суда СНГ, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Пантелеева Н. В. – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент;

Поникаров В. А. – профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Попович М. М. – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Санташов А. Л. – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин факультета психологии и права ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Силкин В. П. – доцент кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, кандидат юридических наук;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор;

Сухондяева Т. Ю. – доцент кафедры гражданского права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

Углицких Д. В. – доцент кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, кандидат юридических наук;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;

Шаталов А. С. – профессор кафедры судебной власти Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор;

Хатуаева В. В. – заведующая кафедрой уголовно-процессуального права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор;

Чукмаитов Д. С. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуского государственного университета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор.

EDITORIAL COUNCIL:

Kharkovsky E. L. – Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Ph.D. in Law, Associate Professor., (Editor-in-chief);

Golodov P. V. – Professor of the Department of Administrative Law Disciplines of the Faculty of Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD in Law, Associate Professor, (Deputy Editor-in-chief);

Krukova O. Yu. – Senior Researcher of the Subbranch of Organization and Coordination of Research Activities and International Cooperation of the Organizational and Scientific Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD in Law (Executive secretary);

Gavrilov B. Ya. – Head of the Department of Control of Crime Investigation Agencies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Dsc. in Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Valid Member of the Peter Academy of Sciences and Arts;

Zubkova V. I. – Chief Researcher of the Laboratory of Social and Legal Research and Comparative Law of the Lomonosov Moscow State University, Dsc. in Law, Professor;

Kvashnin V. A. – Professor of the Department of Jurisprudence of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University, Dsc. in History, Associate Professor;

Kozachenko I. Ya. – Head of the Department of Criminal Law of the Ural State Law University, Dsc. in Law, Professor;

Koren' T. A. – Deputy Director for Academic and Scientific Work of the Mogilev Branch of the Private Educational Institution "BIP - Institute of Law" (Republic of Belarus), PhD in Law;

Kruglikov L. L. – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Demidov Yaroslavl State University, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Valid Member of the International Higher Education Academy of Sciences (IHEAS) and the Russian Academy of Natural Sciences;

Kuzminykh A. L. – Professor of the Department of Philosophy and History of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in History, Associate Professor;

Kuznetsova E. V. – Associate Professor of the Department of State Law Disciplines of the Faculty of Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD in Law, Associate Professor;

Kurguzkina E. B. – Professor of the Russian State University of Justice (Central Branch, Voronezh), Dsc. in Law;

Kuchin O. S. – Professor of the Department of Criminalistics of the Lomonosov Moscow State University, Dsc. in Law, Associate Professor, Academician of RAE, Honored Worker of Science and Technology of RAE;

Meshko G. – Professor of the Department of Criminal Justice and Security of the University of Maribor (Slovenia), Doctor, Professor of Criminology;

Mishalchenko Yu. V. – General Counsel of the CIS Economic Court, Dsc. in Law, Dsc. in Economics, Professor;

Nagornyykh R. V. – Professor of the Department of Administrative Law Disciplines of the Faculty of Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor;

Panteleeva N. V. – Head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Kuleshov Mogilev State University (Republic of Belarus), PhD in Law, Associate Professor;

Ponikarov V. A. – Professor of the Department of Administrative and Financial Law of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor;

Popovich M. M. – Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Faculty of Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD in Law, Associate Professor;

Romashov R. A. – Professor of the Department of State Law Disciplines of the Faculty of Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor;

Santasov A. L. – Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Faculty of Law of Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor;

Seliverstov V. I. – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Lomonosov Moscow State University, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Silkin V. P. – Associate Professor of the Department of Jurisprudence of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University, PhD in Law;

Starostin S. A. – Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dsc. in Law, Professor;

Sukhondyaeva T. Yu. – Associate Professor of the Department of Civil Law of the the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor;

Uglitskikh D. V. – Associate Professor of the Department of Jurisprudence of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University, PhD in Law;

Shabanov V. B. – Head of the Department of Criminalistics of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Dsc. in Law, Professor;

Shatalov A. S. – Professor of the Department of Judicial Power of the National Research University "Higher School of Economics», Dsc. in Law, Professor;

Khatuaeva V. V. – Head of the Department of Criminal Procedure Law of the Central Branch of the Russian State University of Justice, Dsc. in Law, Professor;

Chukmaitov D. S. – Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Zhetysu State University after Ilyas Zhansugurov (Republic of Kazakhstan), Dsc. in Law, Professor.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА.....	9
КОЛОСКОВ А. М., ШИХНАБИЕВА О. Р. Понятие и виды мер государственного принуждения: сравнительный анализ концепций дореволюционного и современного периодов.....	14
МИРОНОВ А. В. Проблемы правовой охраны прав и законных интересов потребителей телематических услуг связи в контексте реализации отдельных положений федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» при оказании образовательных услуг.....	20
АГАСИЕВ Э. Г. Отдельные теоретические аспекты криминализации приготовительных действий.....	24
БАКУЛИН В. К. Категория «мера» в теории уголовно-исполнительного права.....	28
КОМБАРОВ Р. В. Проблемы реализации наказания в виде ограничения свободы в современных условиях.....	32
ЛАПШИН В. Ф. , НАДЫСЕВА Э. Х. Ошибки законодательной техники, допущенные при установлении ответственности за акт международного терроризма.....	36
МОРОЗОВ А. В. Сфера закупок для государственных и муниципальных нужд как объект уголовно-правовой охраны.....	41
НЕКРАСОВ В. Н. Технологии в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации.....	47
ПОНИКАРОВ В. А. Отдельные основы уголовно-исполнительного и иного надзора за контингентом в местах лишения свободы.....	51
РАХМАЕВ Э. С., ПОТАПОВ А. М. Об отдельных аспектах принудительных мер воспитательного воздействия на несовершеннолетних.....	55
РУДАКОВ А. М., ФАРАФОНОВ Д. Е. Административно-правовые меры противодействия проникновению запрещенных предметов в места лишения свободы.....	62
САНТАШОВ А. Л. Актуальные вопросы квалификации нарушения санитарно-эпидемиологических правил в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19).....	67
ТИТЛОВА Д. В. Особенности установления ответственности за преступления, сопряженные с использованием допинга в сфере спорта.....	72
КОЛПАКОВА Л. А., КОЧЕТОВА Е. А. Процессуальные вопросы взаимодействия судебно-следственных органов и уголовно-исполнительных инспекций при исполнении меры пресечения в виде запрета определенных действий.....	78
ЧЕРЕМИСИНА Т. В. О причинах удовлетворения судом жалоб на действия следователя (в порядке ст. 125 УПК РФ).....	83
БАКУЛИНА Л. В., ХАЛИЛОВ Р. Н. Современные проблемы правоохранительной деятельности в сфере обеспечения личной безопасности осужденных.....	87
АЛЕКСАНДРОВА Е. Г. Некоторые особенности работы со следами преступлений, совершенных с использованием беспилотных летательных аппаратов на территориях исправительных учреждений.....	93
ЗАЛИВОХИНА О. С., КУЧИН О. С. Компьютерная этика и киберэтика в судебно-экспертной деятельности.....	97
ВАСИЛЬЕВА Я. В. Применение термина «деликт» в науке административного права.....	103
ГОРЧАКОВА М. С. Принципы контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.....	107
МЕЛЬНИКОВА Н. А., ПОТЫЛИЦЫНА С. В. Ценностные основы административного права.....	112
НАГОРНЫХ Р. В. О совершенствовании административно-правового регулирования в области кадрового обеспечения деятельности органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания.....	117

CONTENT

CHIEF EDITOR'S NOTE.....	9
KOLOSKOV A. M., SHIKHNABIEVA O. R. The concepts and types of measures of state coercion: a comparative analysis of the concepts of the pre-revolutionary and modern periods.....	14
MIRONOV A. V. Problems of legal protection of rights and legitimate interests of consumers of telematic communication services in the context of the implementation of certain provisions of the federal law "On the contract system in the procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs" in the provision of educational services.....	20
AGASIEV E. G. Some theoretical aspects of the criminalization of preparatory actions.....	24
BAKULIN V. K. Category "measure" in the theory of penal law.....	28
KOMBAROV R. V. Problems of implementing punishment in the form of restraint of freedom in modern conditions.....	32
LAPSHIN V. F., NADYSEVA E. KH. Errors of legislative technique made in establishing responsibility for an act of international terrorism.....	36
MOROZOV A. V. The sphere of procurement for state and municipal needs as an object of criminal law protection.....	41
NEKRASOV V. N. Technologies in the penal legislation of the Russian Federation.....	47
PONIKAROV V. A. Some elements of penal and other supervision over the contingent in places of deprivation of liberty.....	51
RAKHMAEV E. S., POTAPOV A. M. On certain aspects of compulsory measures of educational influence on minors.....	55
RUDAKOV A. M., FARAFONOV D. E. Administrative and legal measures to counter entering of prohibited articles into places of deprivation of liberty....	62
SANTASHOV A. L. Topical issues of qualifying violations of sanitary and epidemiological rules in the context of the spread of the new coronavirus infection (COVID-19).....	67
TITLOVA D. V. Features of establishing liability for crimes involving the use of doping in the field of sports.....	72
KOLPAKOVA L. A., KOCHETOVA E. A. Procedural issues of interaction between judicial investigative bodies and penitentiary inspections by executing restraint measure in the form of a prohibition of certain actions.....	78
CHEREMISINA T. V. On the reasons for redress by the court grievances against the actions of the investigator (in accordance with Article 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation).....	83
BAKULINA L. V., KHALILOV R. N. Modern problems of law enforcement in the field of ensuring convicts' personal safety.....	87
ALEKSANDROVA E. G. Some features of work with traces of crimes committed with using unmanned aerial vehicles in the territories of correctional institutions.....	93
ZALIVOKHINA O. S., KUCHIN O. S. Computer ethics and cyberethics in forensic expert activity.....	97
VASILIEVA YA. V. Application of the term «tort» in the science of administrative law.....	103
GORCHAKOVA M. S. Principles of the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs.....	107
MELNIKOVA N. A., POTYLITSYNA S. V. Value bases of administrative law.....	112
NAGORNYKH R. V. On improving administrative and legal regulation in the field of staffing the bodies and institutions executing criminal sentences.....	117

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Перед Вами первый в 2021 г. выпуск сетевого научно-практического журнала «Ius publicum et privatum». Особенность его состоит в том, что решением Высшей аттестационной комиссии от 5 февраля 2021 г. журнал был включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по пяти научным специальностям: Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (12.00.01); Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (12.00.08); Уголовный процесс (12.00.09); Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность (12.00.11); Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность (12.00.12). Высокая оценка журнала Высшей аттестационной комиссией стала результатом плодотворной работы большого количества авторов, членов редакционной коллегии. Выражаю коллективу редакционной коллегии, редакционного совета, авторам искреннюю признательность за проявленный к изданию интерес и активное участие в его развитии с самых первых моментов становления.

Журнал продолжит движение вперед в соответствии со своей миссией, которой является создание дискуссионной площадки по актуальным вопросам, касающимся современного состояния российского законодательства, эффективности применения правовых норм и совершенствования законодательного процесса, анализа теоретических и исторических аспектов государственно-правовых явлений, зарубежного законодательства.

Выпуск открывают материалы, публикуемые в рамках специальности **«Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве Российской Федерации»**. Статья «Понятия и виды мер государственного принуждения: сравнительный анализ концепций дореволюционного и современного периодов» подготовлена доцентом кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидатом юридических наук, доцентом А. М. Колосковым и консультантом отдела строительства и транспорта Управления ЖКХ, строительства и транспорта, архитектуры и градостроительства администрации Шекснинского муниципального района О. Р. Шихнабиевой. Исследование посвящено рассмотрению различных подходов к понятию государственного принуждения и классификации его мер. Предпринята попытка сравнительного анализа воззрений отечественных правоведов начала XX в. и представлений современных российских ученых о типологизации мер государственного принуждения. Рассматриваются общие и отличительные черты во взглядах современных ученых-юристов на классификацию мер государственного принуждения.

Раздел продолжает статья доцента кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России кандидата юридических наук, доцента А. В. Миронова «Проблемы правовой охраны прав и законных интересов потребителей телематических услуг связи в контексте реализации отдельных положений федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» при оказании образовательных услуг». В ней анализируются пробелы в законодательстве о связи, не позволяющие создавать необходимые гарантии качества оказываемых услуг, акцентируется внимание на важности обеспечения должного соотношения норм законодательства о связи и норм гражданского законодательства, освещаются проблемы определения существенных и обязательных условий в договорах на предоставление телематических услуг связи.

Наиболее популярной является специальность **«Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»**, в которую вошли одиннадцать статей. В статье аспиранта Университета прокуратуры Российской Федерации, заместителя прокурора Кадуйского района Вологодской области Э. Г. Агасиева «Отдельные теоретические аспекты

криминализации приговорительных действий» рассмотрены актуальные проблемы криминализации приговорительных действий. По мнению автора, существует три формы государственного реагирования на приготовление к совершению преступления, применяемые в нашей стране: непривлечение лица к ответственности из-за отсутствия его общественной опасности или в связи с незначительной общественной опасностью, привлечение к ответственности за приготовление как начальную стадию окончанного преступления за тяжкие и особо тяжкие преступления, привлечение лица к ответственности за приговорительные действия, образующие самостоятельное окончанное преступление.

Статья старшего преподавателя кафедры уголовного права Казанского федерального университета кандидата юридических наук В. К. Бакулина посвящена анализу философской категории «мера», которая в силу своей универсальности и всеобъемлемости находит выражение в праве, ведь субъективное право и юридическая обязанность – это всегда мера возможного или необходимого поведения субъектов правоотношений. Показана взаимосвязь категории «мера» с институтами уголовного и уголовно-процессуального права. Подчеркивается многообразие проявлений категории «мера» в других институтах уголовно-исполнительного права, что позволяет предложить примерную модель систематизации мер, закрепленных уголовно-исполнительным законодательством, и дать определение меры в уголовно-исполнительном праве.

Следующая статья этой рубрики, «Проблемы реализации наказания в виде ограничения свободы в современных условиях», подготовлена доцентом кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России кандидатом юридических наук Р. В. Комбаровым. Автор рассматривает вопросы реализации уголовного наказания в виде ограничения свободы в современных условиях. В ходе исследования проблем, возникающих при исполнении наказания в виде ограничения свободы, им было проведено анкетирование 318 сотрудников уголовно-исполнительных инспекций из семи регионов, на основании чего делаются выводы и предлагаются способы преодоления трудностей, возникающих в процессе реализации рассматриваемого наказания.

Статья «Ошибки законодательной техники, допущенные при установлении ответственности за акт международного терроризма» подготовлена профессором кафедры уголовного права Московского государственного областного университета доктором юридических наук, доцентом В. Ф. Лапшиным и исполняющим обязанности декана юридического факультета Московского государственного областного университета кандидатом юридических наук, доцентом Э. Х. Надысейвой. Исследование посвящено правовому анализу содержания нормы российского уголовного закона об ответственности за совершение акта международного терроризма. Это позволило выявить ряд существенных нарушений правил законодательной техники, допущенных при описании отдельных юридически значимых признаков. По итогам исследования сделан научно обоснованный вывод о нецелесообразности включения нормы об ответственности за акт международного терроризма в Особенную часть российского уголовного закона.

В статье соискателя кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов А. В. Морозова «Сфера закупок для государственных и муниципальных нужд как объект уголовно-правовой охраны» раскрываются особенности развития относительно новых общественных отношений, возникающих при размещении заказов и выборе контрагентов, подтвердивших свою готовность на возмездной основе обеспечить органы государственной или муниципальной власти необходимыми материальными ценностями, выполнить работы или оказать услуги. Данная сфера в настоящее время вышла за пределы сугубо экономических отношений и не без оснований все чаще стала рассматриваться в качестве объекта коррупционных посягательств. По результатам работы сформулированы выводы относительно сущности закупок для государственных и муниципальных нужд и предложено обоснование особенностей обеспечения охраны данных общественных отношений средствами уголовного закона.

Статья доцента кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России кандидата юридических наук В. Н. Некрасова «Технологии в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации» посвящена изучению влияния такого вида результатов инновационной деятельности, как технологии, на отечественное уголовно-исполнительное законодательство и готовности законодателя к их появлению. В целях соблюдения законодателем правила законодательной техники о единстве используемой терминологии обосновывается целесообразность внесения соответствующих изменений в УИК РФ.

Статья «Отдельные основы уголовно-исполнительного и иного надзора за контингентом в местах лишения свободы» подготовлена профессором кафедры административно-го и финансового права Академии ФСИН России доктором юридических наук, доцентом В. А. Поникаровым. Предметом исследования в ней выступают содержание и признаки надзора, предложения по совершенствованию уголовно-исполнительного законодательства. Уголовно-исполнительный надзор рассматривается в качестве профилактики различного рода правонарушений, анализируются проблемы, возникающие при осуществлении надзора за осужденными в исправительных учреждениях. Кроме того, автором определены некоторые направления реформирования уголовно-исполнительного надзора за осужденными.

Следующая статья – «Об отдельных аспектах принудительных мер воспитательного воздействия на несовершеннолетних» – подготовлена заместителем начальника экономического факультета Академии ФСИН России кандидатом юридических наук, доцентом Э. С. Рахмаевым и начальником факультета профессионального обучения и дополнительного профессионального образования ВИПЭ ФСИН России кандидатом юридических наук, доцентом А. М. Потаповым. Авторы исследуют исторические особенности становления такого правового института, как принудительные меры воспитательного воздействия на несовершеннолетних, характеризуют поэтапный процесс его развития, формулируют фактические выводы о его современном состоянии, количестве и содержании мер воспитательного воздействия, статистических показателях их применения, существующих проблемах в данной области. В частности, отмечается незначительная доля применения судами мер воспитательного воздействия при сохранении высокого удельного веса преступлений несовершеннолетних небольшой и средней тяжести. Констатируется, что сложившаяся судебная практика связана с наличием пробелов в уголовно-правовом регулировании применения мер воспитательного воздействия.

Статья «Административно-правовые меры борьбы с запрещенными предметами в местах лишения свободы», авторами которой являются научный сотрудник организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России А. М. Рудаков и курсант 4 курса юридического факультета ВИПЭ ФСИН России Д. Е. Фарафонов, посвящена актуальной в настоящее время проблеме проникновения запрещенных предметов в места лишения свободы. В ней рассмотрены административно-правовые и социально-экономические меры, которые, по мнению авторов, позволят оказать влияние на лиц, замышляющих правонарушения.

Статья главного научного сотрудника научно-исследовательского отдела Московской академии Следственного комитета Российской Федерации доктора юридических наук, доцента А. Л. Санташова посвящена рассмотрению актуальных проблем квалификации нарушения санитарно-эпидемиологических правил (ст. 236 УК РФ). Особое внимание автор уделяет анализу судебной практики при токовании признаков массового заболевания или отравления людей либо создания угрозы наступления таких последствий. Данные вопросы актуализируются в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) и борьбой с ней. Прогнозируются возможные негативные сценарии развития ситуации с данным заболеванием в пенитенциарных учреждениях.

Завершает рубрику статья аспиранта кафедры уголовного права Академии ФСИН России Д. В. Титловой, которая посвящена анализу норм-новелл российского уголовного законодательства, устанавливающих ответственность за использование допинг-препаратов в сфере любительского и профессионального спорта. Пропаганда спортивного образа жизни, по мнению автора, является одним из условий охраны здоровья нации, вследствие чего безопасность здоровья лиц, принимающих непосредственное участие в спортивных состязаниях различного уровня, надлежит обеспечивать специальными уголовно-правовыми средствами, а это предполагает выделение отдельного объекта в структуре Особенной части УК РФ.

Специальность «Уголовный процесс» представлена двумя работами. Статья заместителя начальника кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности юридического факультета ВИПЭ ФСИН России кандидата юридических наук, доцента Л. А. Колпаковой и курсанта 3 курса юридического факультета ВИПЭ ФСИН России Е. А. Кочетовой «Процессуальные вопросы взаимодействия судебно-следственных органов и уголовно-исполнительных инспекций при исполнении меры пресечения в виде запрета определенных действий» посвящена проблемам, возникающим при исполнении УИИ меры пресечения в виде запрета определенных действий, лежащим в плоскости взаи-

модействия с лицами, в чьем производстве находится уголовное дело, и судами. На основе проведенного исследования делается вывод о том, что информационное взаимодействие указанных субъектов выступает основной формой, создающей предпосылки для эффективного исполнения установленных судом запретов. Приводится унифицированный для различных этапов судопроизводства алгоритм взаимодействия УИИ с органами предварительного расследования и судами в случаях нарушения подконтрольным лицом установленных ограничений. На основе анализа юридической практики предлагаются правовые механизмы реагирования УИИ на ошибки, сомнения и неясности в судебных решениях, поступивших на исполнение.

Статья «О причинах удовлетворения судом жалоб на действия следователя (в порядке ст. 125 УПК РФ)», подготовленная научным сотрудником научно-исследовательского отдела Московской академии Следственного комитета России Т. В. Черемисиной, посвящена проблемам принятия решения судом по жалобам в отношении необоснованного применения следователями ст. 24 УПК РФ. В ней исследуются вопросы участия следователя в судебных заседаниях, приводятся актуальные примеры удовлетворения жалоб граждан в отношении следователей. Автор приходит к выводу, что при реализации заявителем права обращения в суд в порядке ст. 125 УПК РФ необходимо учитывать пределы судебного рассмотрения жалобы и перспективы оценки судом решения, принятого должностным лицом.

В рамках специальности **«Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность»** публикуется статья «Современные проблемы правоохранительной деятельности в сфере обеспечения личной безопасности осужденных», подготовленная сотрудниками кафедры уголовного права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета кандидатом юридических наук Л. В. Бакулиной и кандидатом юридических наук, доцентом Р. Н. Халиловым. В работе рассматривается проблема безопасности, в том числе личной, которая носит межотраслевой и междисциплинарный характер. Авторы отмечают, что категорию «безопасность» в современном мире изучает не только юридическая наука, но и совокупность других общественных наук. Особое внимание уделяется анализу правоохранительной деятельности в сфере обеспечения безопасности осужденных к лишению свободы.

По специальности **«Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, оперативно-розыскная деятельность»** размещены две статьи. Первая – «Некоторые особенности работы со следами преступления, совершенного с использованием беспилотного летательного аппарата на территориях исправительных учреждений» – подготовлена аспирантом кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия Е. Г. Александровой и посвящена такому следственному действию, как осмотр места происшествия. Указанное следственное действие рассматривается в рамках расследования преступлений, при совершении которых были использованы беспилотные летательные аппараты на территориях исправительных учреждений. Исследователем выявлена потребность в привлечении специалистов различных областей науки, техники и ремесла с целью обнаружения большего количества следов и недопущения их утраты. Приведен алгоритм проведения осмотра места происшествия с учетом специфики совершения преступления с использованием беспилотного летательного устройства, предложен эффективный способ сохранения следов для последующего назначения судебных экспертиз.

Вторая статья – «Компьютерная этика и киберэтика в судебно-экспертной деятельности» – подготовлена аспирантом кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия О. С. Зливохиной и профессором кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия доктором юридических наук, доцентом, академиком РАЕ, заслуженным деятелем науки и техники РАЕ О. С. Кучиным. В статье рассматриваются вопросы этического характера, связанные с процессом информатизации судебно-экспертной деятельности. Компьютерно-этическая и киберэтическая тематика особенно актуальна как для криминалистики, так и для судебной экспертологии, поскольку данные области науки и практической деятельности тесно связаны с использованием информационных технологий. Авторы анализируют связь современных направлений учения о нравственности с методологией судебно-экспертной деятельности и компетенцией эксперта, освещают проблемы ответственности эксперта, оценки информации, обеспечения безопасности в сети Интернет.

Завершают выпуск материалы по специальности **«Административное право; административный процесс»**. Статья «Применение термина “деликт” в науке административного

права» подготовлена доцентом кафедры административного и финансового права Северо-Западного института (филиала) Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) кандидатом юридических наук Я. В. Васильевой. Исследование посвящено анализу современного состояния науки административного права в части административно-правовой терминологии. Рассматриваются мнения ученых о содержании термина «деликт» с целью конкретизации толкования и консолидации его в теории права как правовой категории. Анализируются предлагаемые наукой доктринальные определения термина «административный деликт» и допустимость его употребления в сфере административной ответственности. Автор приходит к выводу о широком значении рассматриваемого термина, отсутствии тождественности его понятию «административное правонарушение».

Следующая статья, «Принципы контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», автором которой является магистрант 3 курса факультета психологии и права ВИПЭ ФСИН России М. С. Горчакова, посвящена актуальной проблеме совершенствования принципов отечественной контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Проведен анализ отдельных принципов, представленных в научной литературе, но не закрепленных в законодательстве. Автор приходит к выводу о том, что соблюдение принципов осуществления государственных заказов гарантирует возможность совершенствования данной сферы, делает возможным осуществление всесторонней, эффективной, адаптивной к изменениям экономической ситуации закупочной деятельности государства, его органов и учреждений.

В статье доцента кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России кандидата юридических наук, доцента Н. А. Мельниковой и магистранта 2 курса факультета психологии и права ВИПЭ ФСИН России С. В. Потилицыной «Ценностные основы административного права» рассматривается аксиологический подход к административному праву и исследуются формы воплощения его ценностных основ, дается характеристика одной из существующих классификаций видов ценностных ориентаций. Авторами проведен анализ содержания каждой из групп ценностей с учетом особенностей их толкования, при этом сформулированы теоретические положения относительно ценностных основ административного права, обоснованы социальная роль и значение данной отрасли. Особое внимание уделено предмету административного права и административному законодательству в современных условиях.

Завершает раздел статья профессора кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России доктора юридических наук, доцента, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации Р. В. Нагорных, которая посвящена проблеме совершенствования административно-правового регулирования в области кадрового обеспечения уголовно-исполнительной системы в условиях современного этапа административной реформы в нашей стране. Автором обоснованы предложения о необходимости разработки новой Концепции развития УИС до 2030 г. и Концепции кадровой политики УИС до 2030 г. Принятие этих документов следует рассматривать в качестве важнейшего практического направления нового этапа административной реформы в нашей стране, обусловленного принятием поправок в Конституцию Российской Федерации в 2020 г.

Опубликованные в данном выпуске статьи отличаются актуальностью, научной новизной и оригинальностью. Хотелось бы отметить, что среди авторов нашего журнала есть как молодые начинающие исследователи – курсанты, студенты, магистранты и аспиранты, так и ученые, уже достигшие определенных успехов на научной ниве, – доктора и кандидаты наук, преподаватели вузов и эксперты в области различных отраслей гуманитарного знания.

Надеемся, что представленные в данном выпуске материалы будут полезны и интересны нашим читателям и получат высокую оценку научного сообщества.

Приглашаем к сотрудничеству, желаем творческих успехов, научных открытий и достижений!

С уважением,
главный редактор
кандидат юридических наук, доцент
Харьковский Евгений Леонидович

Понятие и виды мер государственного принуждения: сравнительный анализ концепций дореволюционного и современного периодов

А. М. КОЛОСКОВ – доцент кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

О. Р. ШИХНАБИЕВА – консультант отдела строительства и транспорта Управления ЖКХ, строительства и транспорта, архитектуры и градостроительства администрации Шекснинского муниципального района;

В статье исследуются различные подходы к определению понятия государственного принуждения и классификации его мер. Предпринимается попытка сравнительного анализа воззрений отечественных правоведов начала XX в. и представлений современных российских ученых о типологизации мер государственного принуждения; рассматриваются общие и отличительные черты во взглядах современных исследователей.

Ключевые слова: принуждение; государственное принуждение; меры принуждения; классификация мер государственного принуждения.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Для цитирования: Колосков А. М., Шихнабиева О. Р. Понятие и виды мер государственного принуждения: сравнительный анализ концепций дореволюционного и современного периодов. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 1 (11), с. 14–19, DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-14-19.

The concepts and types of measures of state coercion: a comparative analysis of the concepts of the pre-revolutionary and modern periods

A. M. KOLOSKOV – Associate Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

O. R. SHIKHNABIEVA – Consultant of the Construction and Transport Department of the Housing and Utilities Administration, Construction and Transport, Architecture and Urban Planning Administration of the Sheksninsky Municipal District Administration;

The article examines various approaches to defining the concept of state coercion and classifying its measures. An attempt is made to perform a comparative analysis of the views of Russian jurists at the beginning of the 20th century and the ideas of modern Russian scientists about the typology of measures of state coercion; common and distinctive features in the views of modern researchers are considered.

Key words: coercion; state coercion; coercive measures; classification of measures of state coercion.

12.00.01 – Theory and history of law and state; history of doctrines about law and state.

For citation: Koloskov. A. M., Shikhnabieva O. R. The concepts and types of measures of state coercion: a comparative analysis of the concepts of the pre-revolutionary and modern periods. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 1 (11), pp. 14–19, DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-14-19.

Государственное принуждение традиционно рассматривается как применение государственными органами и должностными лицами специальных мер воздействия на лиц, обязанных выполнять возложенные на них обязанности и соблюдать запреты, установленные законодательством.

Роль государственного принуждения состоит в защите прав и интересов граждан и организаций, охране правопорядка и собственности, создании условий для деятельности органов власти. Именно поэтому основной целью государственного принуждения является обеспечение устойчивого правопорядка в обществе, сохранность прав и свобод человека и гражданина.

В науке существует множество различных точек зрения на суть понятия государственного принуждения. Так, П. В. Глаголев рассматривает государственное принуждение как правовые средства государства для защиты общественных отношений, которые складываются во всех сферах жизнедеятельности, от противоправных посягательств с целью предотвращения возникновения обстоятельств, угрожающих личной и общественной безопасности граждан, юридических лиц и общества в целом¹.

Д. Н. Бахрах считает, что государственное принуждение – это своего рода реакция органов власти на опасное и незаконное поведение отдельных лиц. Применение принуждения вызывает конфликт между волей, выраженной в законе, и индивидуальной волей тех, кто его нарушает². Другими словами, государственное принуждение применяется к субъектам права, нарушившим правовые нормы.

Таким образом, государственное принуждение осуществляется в области защиты общественных отношений, складывающихся в различных сферах общественной жизни, от любых посягательств, опасных и нарушающих закон действий. Его цель – предупреждение совершения противоправных действий и предотвращение возникновения нежелательных для общественной жизни, безопасности граждан, правопорядка, общества и государства в целом обстоятельств.

Как и любой механизм, государственное принуждение имеет свой инструмент воздействия – меры государственного принуждения.

А. И. Каплунов отмечает, что меры принуждения – это установленные законом способы, приемы, средства и действия, позволяющие заставить лицо исполнять юридические обязанности и соблюдать правовые запреты, либо это дополнительные обременения в связи с совершением лицом противоправных деяний. Их применение обеспечивает предупреждение и пресечение правонарушений, привлечение виновных лиц к ответственности, восстановление нарушенных субъективных прав, защиту личности и ее имущества от источника опасности³.

Мы считаем, что меры принуждения – это инструменты государственных органов и должностных лиц для осуществления воздействия на субъектов для предотвращения или прекращения их деяний, нарушающих установленные законодательством запреты.

Некоторые исследователи фактически отождествляют меры и формы государственного принуждения, классифицируемые по следующим основаниям:

- по предмету правового регулирования (уголовно-правовое, гражданско-правовое, административно-правовое и другое принуждение);
- предметному содержанию направленности правовых ограничений (физическое, имущественное, организационное и другое принуждение);
- субъектам применения (судебное, внесудебное, общественное принуждение);
- нормативным основаниям (материально-правовое, процедурно-процессуальное принуждение);
- фактическим основаниям применения (предупредительные (превентивные) меры, пресечение, восстановление, юридическая ответственность)⁴.

Попытки классифицировать меры государственного принуждения предпринимались отечественными юристами еще в

конце XIX в. Так, к примеру, Е. Н. Трубецкой в качестве критерия разделения использовал отношение принуждения к праву, то есть выделял правомерное (исходящее из признанной правом власти) и неправомерное (применяемое самозванными властями) принуждение⁵.

Проведя глубокий анализ общественных отношений, которые связаны с применением, способами реализации, видами и целями государственного принуждения, и исходя из того, что эти меры относятся к средствам правоохраны, профессор А. А. Жижиленко в свою классификацию включил меры предупреждения противоправного деяния («неправды») и меры, направленные на устранение «правовых последствий» противоправного деяния⁶.

Главной отличительной чертой приведенной классификации является то, что меры предупреждения направлены на создание условий, затрудняющих появление опасного деяния, а меры устранения, в свою очередь, используются как реакция на уже сбывшееся или действующее противоправное деяние.

Что касается широкого спектра правовых последствий противоправных действий, то А. А. Жижиленко было предложено разделить меры устранения в зависимости от их функций и цели на четыре группы: санкции, меры пресечения, меры защиты, меры по предотвращению и возмещению ущерба.

Особую роль в пресечении противоправных действий А. А. Жижиленко отводил предусмотренным законодательством Российской империи мерам государственного принуждения, которые он сгруппировал следующим образом:

- использование оружия;
- меры по ликвидации;
- привод;
- меры задержания.

Весомый вклад в разработку классификации мер государственного принуждения внесли в XX в. ученые-полицисты, которые выделили характеристики полицейского государства и определяющие формы позитивной (без использования мер государственного принуждения) и негативной (с применением государственных мер принуждения) полицейской деятельности⁷.

Стоит отметить, что большинство существующих в настоящее время исследований в сфере классификации мер государственного принуждения построено на трудах профессора И. Т. Тарасова⁸, изучавшего проблему функционирования институтов

государственной власти и, в частности, вопросы государственного принуждения как ее составляющие. Его классификация форм государственного принуждения, применяемых органами власти, включала четыре группы:

- 1) использование судебной власти в качестве средства принуждения сотрудниками правоохранительных органов и органов власти;
- 2) личное задержание;
- 3) принуждение с использованием оружия;
- 4) исключительное, осадное или чрезвычайное (военное) положение⁹.

В начале XX в. мир испытал серьезные потрясения. Изменились хозяйственная жизнь и экономика, облик городов. Значимые перемены произошли в политической жизни общества, в которую теперь были вовлечены не только представители власти, но и широкие народные массы. В этот период активно развивалась и полицейско-правовая теория, в рамках которой государственное принуждение рассматривалось как одно из средств государственного управления обществом, когда органы власти и их должностные лица осуществляют свои полномочия по предотвращению опасности, препятствующей развитию благосостояния граждан. Деятельность полиции осуществлялась в двух направлениях: 1) административная деятельность по устранению угрозы лишь для определенной сферы и отрасли жизнедеятельности; 2) обеспечение безопасности государства как целостного образования.

По мнению А. Е. Назимова, при ограничении личных и имущественных прав граждан применяются меры принуждения, выражающиеся в предупреждении, пресечении и устранении угрозы нарушения чужих прав и интересов¹⁰.

Начало XX в. богато на исследования в области государственного управления вообще и государственного принуждения в частности. Так, профессор В. В. Ивановский предложил следующую классификацию принудительных мер, оказывающих наибольшее влияние на личность человека и применяемых органами исполнительной власти в сфере правоохранительной деятельности:

1. Отчуждение вида на жительство, требование явки, привод, запрет на выезды.
2. Полицейский надзор не только как превентивная мера полиции, но и как суровая внесудебная санкция, связанная со значительными ограничениями правоспособности подследственных.

3. Полицейский арест, применяемый как мера пресечения и мера предупреждения.

4. Использование оружия, выражающееся в двух формах: применение оружия полицией и использование военной силы по приказу гражданской администрации.

5. Исключительное (военное) положение как мера государственного принуждения с применением специальных законов, направленная на целые группы лиц (поселение, город) и используемая как повышенная охрана для сохранения государственного порядка¹¹.

Еще один представитель полицейстики начала XX в. М. Н. Палибин¹² рассматривал полицейскую деятельность как вид государственной или иной деятельности, направленной на создание «условий безопасности и благополучия, без которых развитие личности не представляется возможным». При этом он выделял несколько мер государственного принуждения: личное задержание, обыск домов и выемки, арест имущества, вскрытие частной переписки, принуждение с использованием оружия.

М. Н. Палибин считал, что в случае угрозы нарушения целостности и риска потери государством независимости, «когда от данной минуты зависит самое бытие государства», оно должно использовать специальные меры охраны, временно ограничив свободы граждан.

Таким образом, рассмотренные подходы ученых-юристов начала XX в. к классификации мер государственного принуждения отличаются разнообразием как критериев классификации, так и фактического содержания.

Особый интерес в рамках проводимого исследования представляют взгляды современных правоведов на классификацию мер государственного принуждения.

Так, А. И. Каплунов, П. В. Демидов¹³, Н. В. Макарейко¹⁴ и другие подразделяют меры государственного принуждения в зависимости от способов охраны правопорядка и обеспечения общественной безопасности на предупреждение, пресечение, правосстановление, юридическую ответственность (наказание) и процессуальное обеспечение.

В свою очередь А. Ю. Анненков¹⁵, А. А. Васечко¹⁶ и В. А. Чашников¹⁷ классифицируют меры государственного принуждения по таким критериям, как причины их применения (карательные или правосстановительные), варианты поведения субъекта правопринуждения (физическое или пси-

хологическое принуждение), закрепление в законодательстве (в законных или подзаконных актах) и круг лиц, к которым может быть применено принуждение.

Кроме того, меры государственного принуждения в современных научных публикациях, например работах А. Б. Агапова¹⁸, А. М. Волкова¹⁹ и других, часто подразделяют на меры предупредительного характера, носящие профилактический характер, меры пресечения, нацеленные на прекращение имеющихся и предотвращение новых противоправных деяний, и правосстановительные меры, применяющиеся за проступки с минимальной степенью общественной опасности.

Особо следует отметить, что отраслевая принадлежность мер государственного принуждения обеспечивается спецификой правового регулирования. Так, меры административно-правового принуждения применяются в различных областях государственного управления. Например, соответствующие меры в сфере исполнения уголовных наказаний были изучены Р. В. Наторных²⁰, Н. А. Мельниковой²¹, Н. В. Анискиной²² и др.

Наиболее распространенной и устоявшейся классификацией мер государственного принуждения в теории государства и права является их разделение на предупредительные, пресекающие, меры защиты (правосстановительные) и меры юридической ответственности. В то же время ряд ученых, в частности Д. Н. Бахрах, выделяют также меры процессуального обеспечения²³.

Проанализировав различные точки зрения современников на классификацию мер государственного принуждения, можно сделать следующий вывод: перечисленные разделения по видам дают возможность определить индивидуальные особенности каждой из мер, выявить ее правовую природу, а также место и роль в правовом механизме.

И если в начале XX в. отмечалось многообразие подходов к группированию мер государственного принуждения, что обусловлено изменяющейся политической обстановкой в стране, появлением нового уклада государственного управления, то в современный период наблюдается единство мнений при незначительных различиях в отдельных деталях.

Таким образом, понятию и видам мер государственного принуждения уделяется значительное внимание со стороны

ученых прошлого столетия и современных правоведов, что объясняется значимостью государственного принуждения как с точки зрения формирования стабильно функционирующего государственно-

го аппарата, способного противостоять угрозам и вызовам действительности, так и с позиции обеспечения и защиты прав, свобод и законных интересов личности и общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Глаголев П. В. Юридическая ответственность в системе мер государственного принуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2007. 18 с.

² См.: Бахрах Д. Н., Российский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право : учеб. для вузов. 2-е изд., изм. и доп. М., 2005. 800 с.

³ См.: Каплунов А. И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел (системно-правовой анализ) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 498 с.

⁴ См.: Сарсенов К. М. Государственное принуждение и его реализация в деятельности органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996. 196 с.

⁵ См.: Трубецкой Е. Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1917. 227 с.

⁶ См.: Жижиленко А. А. Наказание: его понятие и отличие от других правоохранительных средств. Петроград, 1914. 684 с.

⁷ См.: Нижник Н. С. Полицейско-правовая теория: основные этапы становления в России // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции) : материалы междунар. науч.-теорет. конф. (г. Санкт-Петербург, 28 апреля 2016 г.) : в 2 т. / под ред. Н. С. Нижник. СПб., 2016. Т. 2. С. 230.

⁸ См.: Тарасов Н. К. «Государственное принуждение»: трактовка дефиниции в юридической литературе конца XIX – начала XX века // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории : материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. / ред. кол.: Л. В. Карнаушенко, А. А. Швеца, Е. А. Пушкарев и др. Краснодар, 2019. С. 287.

⁹ См.: Он же. Феномен «принуждение»: подходы к определению сущности в современной гуманитарной науке // Там же. С. 296.

¹⁰ См.: Назимов А. Е. Лекции по полицейскому праву / под ред. студ. Б. Ф. Лемеша-Лемешинского. Одесса, 1903. С. 145–146.

¹¹ См.: Ивановский В. В. Учебник административного права (Полицейское право. Право внутреннего управления). 3-е изд. Казань, 1908. С. 298.

¹² См.: Палибин М. Н. Повторительный курс полицейского права. 2-е изд. СПб., 1900. 255 с.

¹³ См.: Демидов П. В. Частное правовое принуждение как категория современной теории права: научные и практические проблемы : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 78.

¹⁴ См.: Макарейко Н. В. Государственное принуждение как средство обеспечения общественного порядка : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1996. С. 102.

¹⁵ См.: Анненков А. Ю. Государственно-правовое принуждение: философско-правовые основы понимания // Эконом. и юрид. науки. 2017. № 3–2. С. 52–60.

¹⁶ См.: Васечко А. А. Международный договор как источник внутригосударственного права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

¹⁷ См.: Чашников В. А. Государственно-правовое принуждение: общетеоретические вопросы : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 87.

¹⁸ См.: Агапов А. Б. Административное право : учеб. для бакалавриата и магистратуры : в 2 т. М., 2019. Т. 1. Общая часть. 472 с.

¹⁹ См.: Волков А. М. Административное право России : учеб. М., 2019. 328 с.

²⁰ См.: Нагорных Р. В. Административно-правовое принуждение // Сущность, формы и методы реализации исполнительной власти : учеб. пособие для магистратуры по направлению подготовки «Юрист в сфере государственного управления» / Васильева Я. В. и [др.]. Вологда, 2019. С. 133–155.

²¹ См.: Мельникова Н. А. Виды административной деятельности органов и учреждений ФСИН России: их классификация и сущность // Вестн. Владимир. юрид. ин-та. 2008. № 4 (9). С. 56–58.

²² См.: Анискина Н. В. Классификация мер административного принуждения, применяемых сотрудниками ФСИН России // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2019. Т. 13, № 2. С. 200–206.

²³ См.: Бахрах Д. Н. Административное принуждение в СССР, его виды и основные тенденции развития : дис. ... д-ра юрид. наук. Пермь, 1971.

¹ См.: Glagolev P. V. Yuridicheskaya otvetstvennost' v sisteme mer gosudarstvennogo prinuzhdeniya : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Orel, 2007. 18 s.

² См.: Baxrah D. N., Rossijskij B. V., Starilov Yu. N. Administrativnoe pravo : ucheb. dlya vuzov. 2-e izd., izm. i dop. M., 2005. 800 s.

³ См.: Kaplunov A. I. Administrativnoe prinuzhdenie, primenyaemoe organami vnutrennix del (sistemno-pravovoj analiz) : dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2005. 498 s.

⁴ См.: Sarsenov K. M. Gosudarstvennoe prinuzhdenie i ego realizaciya v deya-tel'nosti organov vnutrennix del : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. SPb., 1996. 196 s.

⁵ См.: Trubeckzkoj E. N. Lekcii po e'nciklopedii prava. M., 1917. 227 s.

⁶ См.: Zhizhilenko A. A. Nakazanie: ego ponyatie i otl'chie ot drugix pravooxranitel'ny'x sredstv. Petrograd, 1914. 684 s.

⁷ См.: Nizhnik N. S. Policejsko-pravovaya teoriya: osnovny'e e'tapy' stanovle-niya v Rossii // Gosudarstvo i pravo: e'voljuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy' razvitiya (navstrechu 300-letiyu rossijskoj policii) : materialy' mezhdunar. nauch.-teoret. konf. (g. Sankt-Peterburg, 28 aprelya 2016 g.) : v 2 t. / pod red. N. S. Nizhnik. SPb., 2016. T. 2. S. 230.

⁸ См.: Tarasov N. K. «Gosudarstvennoe prinuzhdenie»: traktovka definicii v yuridicheskoi literature koncza XIX – nachala XX veka // Pravo i gosudarstvo: problemy' metodologii, teorii i istorii : materialy' VIII Vseros. nauch.-prakt. konf. / red. kol.: L. V. Karnauschenko, A. A. Shvecz, E. A. Pushka-rev i dr. Krasnodar, 2019. S. 287.

⁹ См.: On zhe. Fenomen «prinuzhdenie»: podchody' k opredeleniyu sushhnosti v sovremennoj gumanitarnoj nauke // Tam zhe. S. 296.

- ¹⁰ См.: Nazimov A. E. Lekcii po policejskomu pravu / pod red. stud. B. F. Lemesha-Lemeshinskogo. Odessa, 1903. S. 145–146.
- ¹¹ См.: Ivanovskij V. V. Uchebnik administrativnogo prava (Policejskoe pravo. Pravo vnutrennego upravleniya). 3-e izd. Kazan', 1908. S. 298.
- ¹² См.: Palibin M. N. Povtoritel'nyj kurs policejskogo prava. 2-e izd. SPb., 1900. 255 s.
- ¹³ См.: Demidov P. V. Chastnoe pravovoe prinuzhdenie kak kategoriya sovremennoj teorii prava: nauchny'e i prakticheskie problemy : dis. ... kand. jurid. nauk. N. Novgorod, 2005. S. 78.
- ¹⁴ См.: Makarejko N. V. Gosudarstvennoe prinuzhdenie kak sredstvo obespecheniya obshhestvennogo porjadka : dis. ... kand. jurid. nauk. N. Novgorod, 1996. S. 102.
- ¹⁵ См.: Annenkov A. Yu. Gosudarstvenno-pravovoe prinuzhdenie: filosofsko-pravovy'e osnovy' ponimaniya // E'konom. i jurid. nauki. 2017. № 3-2. S. 52–60.
- ¹⁶ См.: Vasechko A. A. Mezhdunarodnyj dogovor kak istochnik vnutrigosudarstvennogo prava : dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2008.
- ¹⁷ См.: Chashnikov V. A. Gosudarstvenno-pravovoe prinuzhdenie: obshheteoreticheskie voprosy' : dis. ... kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2006. S. 87.
- ¹⁸ См.: Agapov A. B. Administrativnoe pravo : ucheb. dlya bakalavriata i magistratury' : v 2 t. M., 2019. T. 1. Obshhaya chast'. 472 s.
- ¹⁹ См.: Volkov A. M. Administrativnoe pravo Rossii : ucheb. M., 2019. 328 s.
- ²⁰ См.: Nagorny'x R. V. Administrativno-pravovoe prinuzhdenie // Sushhnost', formy' i metody' realizacii ispolnitel'noj vlasti : ucheb. posobie dlya magistratury' po napravleniyu podgotovki «Yurist v sfere gosudarstvennogo upravleniya» / Vasil'eva Ya. V. i [dr.]. Vologda, 2019. S. 133–155.
- ²¹ См.: Mel'nikova N. A. Vidy' administrativnoj deyatel'nosti organov i uchrezhdenij FSIN Rossii: ix klassifikaciya i sushhnost' // Vestn. Vladimir. jurid. in-ta. 2008. № 4 (9). S. 56–58.
- ²² См.: Aniskina N. V. Klassifikaciya mer administrativnogo prinuzhdeniya, primenyaemy'x sotrudnikami FSIN Rossii // Vestn. in-ta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2019. T. 13, № 2. S. 200–206.
- ²³ См.: Baxrax D. N. Administrativnoe prinuzhdenie v SSSR, ego vidy' i osnovny'e tendencii razvitiya : dis. ... d-ra jurid. nauk. Perm', 1971.

DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-20-23
УДК 347.421

Проблемы правовой охраны прав и законных интересов потребителей телематических услуг связи в контексте реализации отдельных положений федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» при оказании образовательных услуг

А. В. МИРОНОВ – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин факультета психологии и права ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

На основе анализа действующего гражданского законодательства, регулирующего сферу услуг, а также законодательства о связи в статье рассматриваются проблемы правового регулирования телематических услуг связи. Речь идет о наличии пробелов в профильном законодательстве, не позволяющих создавать необходимые гарантии качества оказываемых услуг связи, а также о важности обеспечения соотношения норм профильного законодательства и норм гражданского законодательства в связи с наличием общего предмета правового регулирования. Раскрыты проблемы определения существенных и обязательных условий в договорах на предоставление телематических услуг связи, в частности наличие усмотрения поставщика услуг связи при определении «диапазона качества», что существенно ущемляет права потребителей. Рассматриваются вопросы правового регулирования блокировки сайтов по причине наличия нарушений, определенных законодательством о связи: в настоящее время отсутствуют как критерии неправомерного использования телематических услуг связи, так и реальные рычаги воздействия на недобросовестных потребителей со стороны операторов.

Ключевые слова: телематические услуги связи; критерии оценки качества услуг связи; блокировка сайтов; диапазон показателей качества Интернета, предоставляемого абоненту; меры по ограничению доступа к определенному информационному ресурсу.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Для цитирования: Миронов А. В. Проблемы правовой охраны прав и законных интересов потребителей телематических услуг связи в контексте реализации отдельных положений федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» при оказании образовательных услуг. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 1 (11), с. 20–23. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-20-23.

Problems of legal protection of rights and legitimate interests of consumers of telematic communication services in the context of the implementation of certain provisions of the federal law "On the contract system in the procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs" in the provision of educational services

A. V. MIRONOV – Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Faculty of Psychology and Law of the Vologda

Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia,
PhD. in Law, Associate Professor

Based on the analysis of the current civil legislation regulating the sphere of services as well as the legislation on communications, the article deals with the problems of legal regulation of telematic communications services. We are talking about gaps in the specialized legislation, which do not allow creating the necessary guarantees of the quality of the provided communication services as well as the importance of ensuring the ratio of the norms of the specialized legislation and the norms of civil legislation in connection with the presence of a general subject of legal regulation. The problems of defining essential and obligatory conditions in contracts for the provision of telematic communication services are disclosed, in particular, the presence of the discretion of the communication service provider in determining the "quality range", which significantly infringes upon the rights of consumers. The issues of legal regulation of blocking sites due to the presence of violations determined by the legislation on communications are considered: at present there are no criteria for the unlawful use of telematic communication services as well as real leverage on unscrupulous consumers from operators.

Keywords: telematic communication services; criteria for assessing the quality of communication services; blocking sites; the range of indicators of the quality of the Internet provided to the subscriber; measures to restrict access to a specific information resource.

12.00.01 – Theory and history of law and state; history of doctrines about law and state.

For citation: Mironov A. V. Problems of legal protection of rights and legitimate interests of consumers of telematic communication services in the context of the implementation of certain provisions of the federal law "On the contract system in the procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs" in the provision of educational services. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 1 (11), pp. 20–23. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-20-23.

Значение Интернета в образовательном процессе высшего учебного заведения сложно переоценить. В настоящее время в Вологодском институте права и экономики ФСИН России разработана и действует собственная образовательная электронная среда, в рамках которой обучающимся предоставляется доступ к информационно-справочным правовым системам, электронным библиотечным системам и программным продуктам, которые создают необходимые условия для дистанционного обучения и организации самостоятельной подготовки обучающихся¹.

Возможность мгновенного доступа к необходимым образовательным ресурсам, связь с преподавателями посредством электронной почты и других интернет-сервисов, осуществление оперативной передачи информации делают крайне востребованными услуги по предоставлению доступа в Интернет².

Анализ заключаемых в сфере услуг по предоставлению доступа в Интернет договоров показывает, что существующие в законодательстве конструкции обязательств по поводу телекоммуникаций нуждаются в совершенствовании в силу правовой неопределенности в установлении правовой природы договоров.

Кроме того, отсутствует целостное понимание формы и существенных условий

таких договоров. Неоднозначными являются основания и пределы ответственности интернет-провайдеров при оказании телекоммуникационных услуг, что во многом обусловлено неопределенностью законодателя в выборе тех или иных юридических конструкций для установления договорных отношений.

В настоящее время основными источниками регулирования порядка заключения госконтрактов на оказание телематических услуг связи и, соответственно, правовой охраны их потребителей являются подзаконные акты.

Так, например, Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Российской Федерации (Роскомнадзор России) и Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации (ФАС России) четко обозначили свою позицию³ относительно соблюдения требований к госконтрактам, установленных Постановлением Правительства Российской Федерации от 10.09.2007 № 575 (ред. от 25.10.2017) «Об утверждении Правил оказания телематических услуг связи»⁴ (далее – Правила) и Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. 27.06.2019) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»⁵

(далее – Закон о контрактной системе), согласно которым ответственность за нарушения прав потребителя несет оператор связи, а оказание услуг связи в соответствии с Правилами является лицензионным условием осуществления деятельности в области оказания телематических услуг связи и их нарушение образует административное правонарушение, ответственность за которое установлена ч. 3 ст. 14.1 КоАП РФ.

Несмотря на всю императивность и четкость позиции контролирующих органов, актуальным остается вопрос о соотношении норм ГК РФ, Федерального закона от 07.07.2003 № 126-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О связи»⁶ (далее – Закон о связи) и Правил, поскольку перечисленные нормативные правовые и подзаконные акты являются основными в обеспечении правовой защиты прав потребителя телематических услуг связи.

Так, п. 1 ст. 4 Закона о связи устанавливает, что законодательство в области связи основывается на Конституции Российской Федерации, настоящем законе и иных федеральных законах. В силу п. 1, 2 ст. 44 Закона о связи на территории Российской Федерации услуги связи оказываются на основании гражданского законодательства и правил оказания услуг связи, утверждаемых постановлениями Правительства России. Более того, в п. 2 ст. 779 гл. 39 ГК РФ («Возмездное оказание услуг») прямо указано, что положения настоящей главы применяются к договорам об оказании услуг связи.

В связи с этим считаем, что требуется внесение изменений в п. 1 ст. 4 Закона о связи для включения положения о том, что отношения между телекоммуникационной компанией и клиентами по поводу оказания телекоммуникационных услуг регулируются ГК РФ.

Анализ законодательства и мнений ряда ученых⁷ позволяет сделать вывод о том, что деятельность по предоставлению доступа в сеть Интернет на федеральном уровне регулируется в основном Законом о связи. На сегодняшний день в действующем законодательстве отсутствует понятие сети Интернет, что затрудняет толкование нормативных правовых актов. Однако Модельный закон Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ «Об основах регулирования Интернета» от 16.05.2011⁸ такое определение дает. Полагаем, что аналогичное определение или схожее с ним по смыслу и целям защиты прав пользователей сети Интернет должно быть внесено и в Закон о связи.

Кроме того, действующее законодательство о связи, в том числе Правила оказания

телематических услуг связи, не содержит понятий договора об оказании услуг по предоставлению доступа в сеть Интернет и договора на оказание телематических услуг связи. В связи с этим предлагаем включить в Правила оказания телематических услуг связи следующее определение: «Договор на оказание телематических услуг связи – это соглашение между оператором и абонентом об оказании абоненту телематических услуг связи».

Такое положение дел свидетельствует о необходимости совершенствования законодательства в данной сфере, одной из проблем которого являются недостатки в содержательной части понятийного аппарата.

Несмотря на то что защита прав пользователей Интернета в целом урегулирована законодателем, остаются вопросы по определению надлежащего качества этих услуг. В частности, законодательно не закреплены критерии, по которым можно оценить качество оказываемых оператором услуг по предоставлению доступа в сеть Интернет. Показатели качества телематических услуг связи, как следует из п. 22 Правил оказания телематических услуг связи, отнесены к договорным условиям. Фактически это приводит к тому, что оператором заранее устанавливается определенный диапазон показателей качества Интернета, предоставляемого абоненту, в формулировке «до», без установления нижней границы такого диапазона («до 500 Кбит», «до 300 Мбит»), что содержит в себе риски нарушения прав потребителей, в связи с чем представляется необходимым установление обязательных минимальных требований (с четкими показателями без пороговых значений, без употребления предлога «до») к качеству оказываемых телематических услуг связи.

В Правилах оказания телематических услуг связи достаточно детально регламентированы порядок заключения договора между оператором связи и абонентом, а также порядок и условия исполнения такого договора. Следует отметить, что тарифы на телематические услуги связи не подлежат государственному регулированию и устанавливаются оператором связи самостоятельно. Полагаем, что в рамках Закона о контрактной системе требуется обязательное государственное тарифное регулирование, в границах которого операторы могли бы сами осуществлять ценовую политику.

Пункт 5 ст. 46 Закона о связи гласит, что оператор связи, оказывающий услуги по предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», обязан

осуществлять ограничение и возобновление доступа к информации, распространяемой посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в порядке, установленном Законом об информации.

Ни Закон об информации, ни подзаконные акты не определяют технологию реализации или порядок выбора методов блокирования, что также не способствует выработке единого понимания как со стороны поставщиков телематических услуг, так и со стороны потребителей. Полагаем, что данный вопрос заслуживает отдельного изучения, а возможно, и обсуждения со стороны субъектов системы государственных и муниципальных закупок. Результатом может быть нормативный акт Роскомнадзора России в виде методических рекомендаций, детально разъясняющих алгоритм ограничения и возобновления доступа к информации, распространяемой посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

В качестве ориентира можно использовать анализ существующих методов управления доступом к интернет-ресурсам и рекомендации по их применению, подготовленные Роскомнадзором в апреле 2013 г.⁹

Говоря о применении поставщиками телематических услуг такого инструмента воздействия на недобросовестных потребителей, как блокировка доступа в Интернет, следует отметить отсутствие у него необходимого положительного эффекта, поскольку

ку существуют технические возможности для обхода всех методов блокирования. На практике при ограничении доступа к определенному информационному ресурсу операторы блокируют ресурсы, использующие общий IP-адрес с блокируемым ресурсом, что приводит к блокировке добросовестных потребителей.

Исходя из этого, требуется детальная проработка на законодательном уровне порядка блокировки сайтов в сети Интернет, содержащих информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено.

В заключение следует отметить, что в настоящее время законодатель в целом понимает необходимость регулирования сферы телематических услуг связи, о чем свидетельствует значительное количество изменений, внесенных в текст Закона о связи с момента его публикации в 2003 г. (около 70 поправок).

Однако вопрос юридической охраны прав и интересов потребителей телематических услуг, если они являются образовательными организациями и их договорные отношения строятся в правовом поле Закона о контрактной системе, остается актуальным. Значение Интернета в контексте качества и доступности образовательных услуг сложно переоценить, поскольку они напрямую зависят от качества телематических услуг связи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: URL: <http://vipe.fsin.su/docs/elektronnye-obrazovatelnye-resursy.php> (дата обращения: 21.09.2019).

² См.: URL: https://wciom.ru/news/ratings/polzovanie_internetom (дата обращения: 21.09.2019).

³ См.: Письмо Роскомнадзора России от 21.12.2016 № 10ПА-120286. URL: <https://xn--80aeqqegdfhc3b.xn--p1ai/articles/rkn-kontrakt> (дата обращения: 21.09.2019); Письмо ФАС России от 17.01.2017 № РП/1877/17 (дата обращения: 21.09.2019).

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 38. Ст. 4552; 2017. № 44. Ст. 6522.

⁵ См.: Там же. 2013. № 14. Ст. 1652.

⁶ См.: Там же. 2003. № 28. Ст. 2895; 2018. № 53. Ст. 8455.

⁷ См.: Кузнецова О. А. Гражданско-правовое регулирование договорных отношений в сфере телекоммуникационных услуг : моногр. М., 2018. С. 10; Жевняк О. В. Гражданско-правовой институт оказания услуг связи : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 4.

⁸ См.: URL: <http://www.iacis.ru/html/?id=22&pag=792&nid=1> (дата обращения: 16.09.2020).

⁹ См.: URL: http://rkn.gov.ru/docs/Analysys_and_recommendations_comments_fin.pdf (дата обращения: 21.09.2020).

¹ См.: URL: <http://vipe.fsin.su/docs/elektronnye-obrazovatelnye-resursy.php> (дата обращения: 21.09.2019).

² См.: URL: https://wciom.ru/news/ratings/polzovanie_internetom (дата обращения: 21.09.2019).

³ См.: Письмо Роскомнадзора России от 21.12.2016 № 10ПА-120286. URL: <https://xn--80aeqqegdfhc3b.xn--p1ai/articles/rkn-kontrakt> (дата обращения: 21.09.2019); Письмо ФАС России от 17.01.2017 № РП/1877/17 (дата обращения: 21.09.2019).

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 38. Ст. 4552; 2017. № 44. Ст. 6522.

⁵ См.: Там же. 2013. № 14. Ст. 1652.

⁶ См.: Там же. 2003. № 28. Ст. 2895; 2018. № 53. Ст. 8455.

⁷ См.: Кузнецова О. А. Гражданско-правовое регулирование договорных отношений в сфере телекоммуникационных услуг : моногр. М., 2018. С. 10; Жевняк О. В. Гражданско-правовой институт оказания услуг связи : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 4.

⁸ См.: URL: <http://www.iacis.ru/html/?id=22&pag=792&nid=1> (дата обращения: 16.09.2020).

⁹ См.: URL: http://rkn.gov.ru/docs/Analysys_and_recommendations_comments_fin.pdf (дата обращения: 21.09.2020).

DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-24-27
УДК 343.01

Отдельные теоретические аспекты криминализации приготовительных действий

Э. Г. АГАСИЕВ – аспирант Университета прокуратуры Российской Федерации, заместитель прокурора Кадуйского района Вологодской области

В работе рассмотрены актуальные проблемы криминализации подготовительных действий. По мнению автора, существует три формы государственного реагирования на приготовления к совершению преступления, применяемые в нашей стране: непривлечение лица к ответственности из-за отсутствия общественной опасности или в связи с незначительной общественной опасностью, привлечение к ответственности за приготовление как начальную стадию оконченного преступления (в случае, когда речь идет о тяжких и особо тяжких преступлениях), привлечение лица к ответственности за подготовительные действия, образующие самостоятельное оконченное преступление. По итогам проведенного исследования сделан вывод о том, что с учетом зарубежного опыта в уголовное законодательство следует внести изменения, в частности криминализировать преступления средней тяжести.

Ключевые слова: преступление; наказание; неоконченное преступление; приготовление к преступлению.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Агасиев Э. Г. Отдельные теоретические аспекты криминализации подготовительных действий. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 1 (11), с. 24–27. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-24-27.

Some theoretical aspects of the criminalization of preparatory actions

E. G. AGASIEV – Postgraduate Student of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Deputy Prosecutor of the Kaduy District of the Vologda Region

The article deals with the actual problems of the criminalization of preparatory actions. According to the authors opinion in Russia there are three forms of state response to preparations for committing a crime: failure to bring a person to justice due to the absence or insignificance of public danger; bringing to responsibility for preparation as the initial stage of a completed crime for grave and especially grave crimes; bringing a person to responsibility for preparatory actions that form an independent completed crime. It is concluded that based on the positive foreign experience it is necessary to make changes to the domestic criminal legislation, in particular to criminalize crimes of average gravity.

Key words: crime; punishment; unfinished crime; preparation for the crime.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Agasiev E. G. Some theoretical aspects of the criminalization of preparatory actions. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 1 (11), pp. 24–27. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-24-27.

Рост преступности, появление новых, остро-рых проблем современного мира. Так, малоизвестных форм совершения против- только за период с января по октябрь 2019 г. правных деяний образуют одну из самых на территории нашей страны зарегистриро-

вано 1720,7 тыс. преступлений (на 2 % больше, чем за аналогичный период прошлого года)¹.

Вместе с тем стоит обратить внимание на тот факт, что 73,8 тыс. преступлений, или 4,6 % от общего числа зарегистрированных преступлений, были выявлены на стадии приготовления и покушения (на 1,8 % больше, чем за аналогичный период прошлого года). На наш взгляд, такой показатель удельного веса неоконченных преступлений (всего лишь более 4 %) не соответствует фактической действительности. Весьма велика вероятность попадания неоконченных преступлений в число латентных.

В доктрине уголовного права приготовление к преступлению признается начальной стадией совершения преступления и наряду с покушением рассматривается в качестве разновидности неоконченного преступления. На сегодняшний день вопрос об уголовной ответственности за предварительную деятельность по совершению преступления носит дискуссионный характер. Для правильного его разрешения необходимо иметь четкое понимание того, что приготовление к совершению преступления является стадией неоконченного преступления и для верной квалификации необходимо установление признаков объективной стороны последнего (ч. 1 ст. 30 УК РФ).

Как писал Н. Д. Дурманов, предварительная деятельность по совершению преступления является преступной и наказуемой лишь тогда, когда имеет общественно опасный характер. Общественная опасность незавершенного преступления заключается, как правило, в поставлении объектов в опасность причинения ущерба, созданию реальной угрозы общественным отношениям².

Одно из первых определений общественной опасности сформулировано А. А. Пионтковским: «Общественная опасность преступного деяния порождается тем, что оно или непосредственно наносит вред общественным отношениям, или включает в себе возможность причинения соответствующего ущерба»³. Данная позиция стала весьма распространенной.

Как считал Л. Д. Гаухман, необходимо, чтобы создание условий само по себе характеризовалось общественной опасностью. Степень общественной опасности определяется в результате анализа и оценки как конкретных действий, в которых согласно закону проявляется или может проявляться создание условий для совершения преступления, так и физических обстоятельств со-

деянного⁴. Кроме того, то, что деяние лица, не обладающее общественной опасностью, не может быть признано преступлением, подчеркивается и Верховным Судом Российской Федерации⁵.

К сожалению, в современных диссертационных и монографических исследованиях отсутствует единство мнений по рассматриваемому вопросу. Одни авторы, например А. И. Ситникова, А. П. Козлов, считают приготовление к преступлению общественно опасным деянием и предлагают в связи с этим расширить перечень деяний, за которые должно назначаться уголовное наказание.

Иной позиции придерживается М. В. Гринь, который предлагает декриминализировать приготовление к преступлению, аргументируя это тем, что приготовительные действия имеют малую общественную опасность, характеризуются отдаленностью от объекта посягательства⁶. Подобное мнение не может не вызывать возражений, поскольку для многих посягательств требуется предварительная подготовка, а это демонстрирует повышенную общественную опасность лица, основательно готовящего преступление.

Отечественная правовая теория принимает за аксиому положение, согласно которому основанием уголовной ответственности выступает совершение действия (бездействия), содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ. Однако проблему основания уголовной ответственности за совершение неоконченного преступления, в частности приготовления к преступлению, это не решает. Ведь неоконченное преступление потому так и называется, что оно не доведено до конца. При совершении неоконченных преступлений нередко возникает сомнение относительно присутствия основания уголовной ответственности. Это происходит по той простой причине, что неоконченное преступление характеризуется тем, что при его совершении деяние обрывается в силу действия обстоятельств, которые не зависят от виновного лица.

Однако, даже несмотря на то, что законодатель установил наказуемость приготовительных действий к совершению тяжких и особо тяжких преступлений, привлечь лицо к уголовной ответственности не всегда представляется возможным. Это обусловлено тем, что наравне с указанными нормами существует и правило о малозначительности деяний, которые не будут признаны в последующем преступлением.

Такая малозначительность применительно к приготовлению к совершению преступления может выражаться как в низкой общественной опасности самих приготовительных действий, так и в значительной их отдаленности во времени от последующего покушения на преступление или доведения преступления до конца.

Одним из спорных аспектов уголовной ответственности за приготовление к преступлению является вопрос наказуемости приготовления к преступлениям небольшой и средней тяжести. Как вытекает из положения ч. 2 ст. 30 УК РФ, уголовная ответственность может наступать за приготовление только к тяжким и особо тяжким преступлениям.

Такая неточность возникает за счет декриминализации приготовлений к преступлениям небольшой и средней тяжести, поскольку оставление нетяжких приготовлений без какой-либо реакции со стороны государства зачастую лишает возможности выявить причины и условия, способствующие совершению преступлений⁷.

С другой стороны, привлечение к уголовной ответственности за приготовление по всем категориям преступлений усилит репрессивный характер уголовной политики государства, а также будет способствовать формальному увеличению уровня преступности.

Кроме этого, важен тот факт, что конструкции некоторых составов преступлений просто не предполагают возможности осуществления приготовительных действий. Как правило, речь идет об экологических преступлениях, которые выявляются уже по факту причинения вреда.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что законодатель исключил общую наказуемость за приготовление к преступлению, криминализовав только приготовление к тяжким и особо тяжким преступлениям. Наряду с этим УК РФ предусматривает ответственность также за некоторые приготовительные действия, закрепленные в качестве самостоятельных оконченных преступлений. Однако стоит отметить, что в некоторых случаях даже за приготовление к тяжким и особо тяжким преступлениям может быть затруднено привлечение лица к ответственности ввиду малозначительности приготовительных действий.

Таким образом, существует три формы государственного реагирования на приготовление к совершению преступления, при-

меняемые в нашей стране: непривлечение лица к ответственности из-за отсутствия общественной опасности или в связи с незначительной общественной опасностью, привлечение к ответственности за приготовление как начальную стадию оконченного преступления (в отношении тяжких и особо тяжких преступлений), привлечение лица к ответственности за приготовительные действия, образующие самостоятельное оконченное преступление.

В процессе доказывания вины лица немаловажным является вопрос определения причин прерванности преступного деяния. Как показывает практика, трудности у правоприменителя на указанной стадии возникают, и для их устранения в первую очередь необходимо установить, что послужило основанием таких действий: добровольный отказ либо недоведение преступного деяния до конца по не зависящим от субъекта обстоятельствам.

К примеру, распространены ситуации, когда субъектов неоконченных преступлений при всей очевидности их противоправного поведения удается задержать, однако в дальнейшем не получается привлечь к уголовной ответственности и наказанию по причине многочисленных ошибок и процессуальных нарушений, допускаемых как работниками оперативного аппарата и дознавателями, так и следователями, чем успешно пользуются опытные адвокаты при защите своих клиентов.

В свою очередь, ошибки и нарушения лиц, задействованных в выявлении и расследовании данных противоправных проявлений, во многом обусловлены особенностями самих неоконченных преступлений. В связи с этим отдельные ученые полагают, что декриминализация приготовления к преступлениям небольшой и средней тяжести существенным образом снижает превентивный потенциал уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм. По их мнению, сложившаяся ситуация, при которой приготовление к нетяжким преступлениям остается без внятной реакции со стороны государственного аппарата, лишает правоохранительные органы значительных возможностей по выявлению причин и условий, способствующих совершению преступлений. Это, в свою очередь, может подтолкнуть соответствующих субъектов к повторению попыток довести преступление до конца, а также в той или иной мере способствует появлению у преступников ощущения безнаказанности. Все вышесказанное приводит к

мысли о необходимости отказаться от положений ч. 2 ст. 30 УК РФ.

Однако ряд юристов полагают, что с такой позицией согласиться сложно, поскольку в период действия УК РСФСР 1960 г., в котором не было исключения уголовной ответственности за приготовление к нетяжким преступлениям, судебной практики по указанной категории уголовных дел фактически не было. Это и послужило для законодателя основанием при разработке УК РФ 1996 г. декриминализовать ответственность за приготовление к преступлениям небольшой и средней тяжести. Нам представляется, что нельзя ссылаться только на сложившуюся в иной период развития государства судебную практику, необходимо комплексно проанализировать современную ситуацию и лишь после этого определить с потребностью граждан, общества и государства в криминализации preparatory действий к преступлениям указанной категории.

Таким образом, проведенный анализ современного уголовного права показал, что

у законодателя отсутствует единый подход к проблеме наказуемости предварительной преступной деятельности, что является основной причиной неединообразного понимания сущности рассматриваемого явления и вызывает многочисленные дискуссии (в частности, критике подвергаются авторы, необоснованно предлагающие декриминализировать приготовление как вид неоконченного преступления).

С учетом зарубежного опыта нами предложено внесение в уголовное законодательство изменений, направленных, в частности, на криминализацию преступлений средней тяжести⁸.

Все вышеуказанное позволяет сделать вывод, что preparatory действия получают все большее распространение. Отсутствие официальной статистики, недостаточная профессиональная подготовленность правоохранительных органов, их низкая активность способствуют переходу preparatory действий в другие стадии, такие как покушение или оконченное преступление.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Состояние преступности в России за январь–октябрь 2019 г. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 02.12.2019).

² См.: Дурманов Н. Д. Понятие преступления. М.; Л., 1948. С. 156–164.

³ Пионтковский А. А. Учение о преступлении. М., 1961. С. 157.

⁴ См.: Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2001. С. 178.

⁵ См.: Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 1993. № 4. С. 12.

⁶ См.: Чернокозинская С. В. Приготовление к преступлению: понятие, основание и принципы криминализации, влияние на квалификацию преступления и наказание: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 28–29.

⁷ См.: Николаев К. Д. Понятие, признаки и формы приготовления к преступлению // Актуал. вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 4. С. 15.

⁸ См.: Агасиев Э. Г. К вопросу о криминализации preparatory действий в уголовном законодательстве зарубежных стран (компаративистский анализ) // Пенитенциарная наука. 2019. № 4. С. 517.

¹ См.: Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar`–oktyabr` 2019 g. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (data obrashheniya: 02.12.2019).

² См.: Durmanov N. D. Ponyatie prestupleniya. M.; L., 1948. S. 156–164.

³ Piontkovskij A. A. Uchenie o prestuplenii. M., 1961. S. 157.

⁴ См.: Gauhman L. D. Kvalifikaciya prestuplenij: zakon, teoriya, praktika. M., 2001. S. 178.

⁵ См.: Byul. Verxov. Suda Ros. Federacii. 1993. № 4. S. 12.

⁶ См.: Chernokozinskaya S. V. Prigotovlenie k prestupleniyu: ponyatie, osnovanie i principy kriminalizacii, vliyanie na kvalifikaciyu prestupleniya i nakazanie: dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2005. S. 28–29.

⁷ См.: Nikolaev K. D. Ponyatie, priznaki i formy` prigotovleniya k prestupleniyu // Aktual. voprosy` bor`by` s prestupleniyami. 2015. № 4. S. 15.

⁸ См.: Agasiev E`. G. K voprosu o kriminalizacii prigotovitel`ny`x dejstvij v ugovnom zakonodatel`stve zarubezhny`x stran (komparativistskij analiz) // Penitenciarnaya nauka. 2019. № 4. S. 517.

DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-28-31

УДК 343.8

Категория «мера» в теории уголовно-исполнительного права

В. К. БАКУЛИН – старший преподаватель кафедры уголовного права Казанского федерального университета, кандидат юридических наук

В статье анализируется философская категория «мера», которая в силу своей универсальности и всеобъемлемости находит выражение в праве, поскольку субъективное право и юридическая обязанность – это всегда мера возможного или необходимого поведения субъектов правоотношений.

Показана взаимосвязь категории «мера» с институтами уголовного и уголовно-процессуального права. Рассматриваются проявления данной категории в институтах уголовно-исполнительного права, что позволяет сформулировать определение меры в уголовно-исполнительном праве и систематизировать существующие. Выявлена необходимость изменения предмета уголовно-исполнительного права как отрасли права в связи с наделением уголовно-исполнительных инспекций полномочиями по исполнению мер процессуального принуждения, предусмотренных УПК РФ.

Ключевые слова: категория «мера»; безопасность; взыскание; поощрение; принуждение; пресечение.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Бакулин В. К. Категория «мера» в теории уголовно-исполнительного права. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 1 (11), с. 28–31. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-28-31.

Category “measure” in the theory of penal law

V. K. BAKULIN – Senior Lecturer of the Department of Criminal Law of the Kazan Federal University, PhD. in Law

The article analyzes the philosophical category “measure”, which due to its universality and comprehensiveness finds expression in law, since subjective law and legal obligation are always a measure of the possible or necessary behavior of the subjects of legal relations.

The relationship of the category “measure” with the institutions of criminal and criminal procedural law is shown. The article examines the demonstrations of this category in the institutions of the penal law, which makes it possible to formulate the definition of a measure in the penal law and systematize the existing ones. There is revealed the need to change the subject of the penal law as a branch of law in connection with the empowerment of criminal executive inspectorates with the authority to implement measures of procedural coercion, provided for by the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Key words: category “measure”; security; collection; encouragement; compulsion; suppression

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Bakulin V. K. Category “measure” in the theory of penal law. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 1 (11), pp. 28–31. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-28-31.

Одной из основных категорий гегелевской философии можно назвать категорию меры, которая выражает органическое единство качественной и количественной определенности предмета или явления. «Мера есть в своей непосредственности обычное каче-

ство, обладающее определенной, принадлежащей ему величиной»¹.

Бесспорно, мера как прежде всего философская, а не правовая категория в силу своей всеобъемлемости и универсальности находит выражение в праве, присутствуя в каждой его отрасли, в том числе и в уголовно-исполнительном.

Мера в праве, по мнению Е. А. Куликова, – это качественно-количественная характеристика правовой действительности. Она пронизывает всю правовую сферу, многообразием своих значений характеризуя и описывая правовые явления, процессы, результаты правового воздействия. В то же время данная категория выходит за рамки права и рассматривает его с внешней стороны, оценивая качественное состояние правовой сферы общества и правовой системы в целом. Мера является универсальной категорией: нет ни одного правового феномена, в котором бы она не проявлялась². Само право в современной теории интерпретируется как справедливая и разумная мера свободы и равенства³.

Мера является одновременно и определяющим, и конкретизирующим понятием. Полагаем, что в правовой науке понятие «мера» может быть объяснено через категорию «средства воздействия», которая достаточно широко употребляется в нормах отраслей уголовно-правового комплекса.

В уголовном праве проявление меры в первую очередь касается института наказания. Часть 1 ст. 43 УК РФ гласит, что наказание – это мера государственного принуждения (воздействия). Государство в лице органов правосудия принуждает преступника к законопослушному поведению путем применения к нему меры наказания (от более мягкой к более строгой мере), а также назначает ему срок в соответствии с санкцией (например, при лишении свободы от 2 месяцев до 20 лет). Любое уголовное наказание, предусмотренное ст. 44 УК РФ, может быть рассмотрено как мера, определяющая пределы претерпевания тех или иных последствий за совершенное преступление.

Известно, что такой признак преступления, как общественная опасность, характеризуется с количественной (степень опасности) и качественной (характер опасности) стороны. Бесспорно, что в этом случае проявляется взаимосвязь меры с уголовным правом. Через институт мер процессуального принуждения прослеживается взаимосвязь с уголовно-процессуальным правом.

В уголовно-исполнительном праве проявления меры очень разнообразны и касаются многих его институтов. Так, термин «мера» в УИК РФ употребляется 40 раз.

В этой связи считаем целесообразным осуществить операциональную систематизацию мер, закрепленных в уголовно-исполнительном законодательстве.

В первую очередь речь идет об иных мерах уголовно-правового характера, поскольку предметом уголовно-исполнительного права являются общественные отношения, возникающие при исполнении уголовных наказаний и применении иных мер уголовно-правового характера, предусмотренных ч. 2 ст. 2 УИК РФ. Следует отметить, что УИК РФ регулирует только восемь мер уголовно-правового характера: принудительную меру медицинского характера (ч. 1, 2 ст. 18 УИК РФ), условно-досрочное освобождение (ч. 1, 2 ст. 175 УИК РФ), замену неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ч. 3, 4 ст. 175 УИК РФ), отсрочку отбывания наказания осужденным (ст. 177 УИК РФ), отсрочку отбывания наказания осужденным, признанным в установленном порядке больным наркоманией (ст. 178.1 УИК РФ), условное осуждение (ст. 18–190 УИК РФ), амнистию (ч. 4 ст. 175 УИК РФ) и помилование (ст. 176 УИК РФ). Последние две меры реализуются внесудебными органами, поэтому их принадлежность к системе мер уголовно-правового характера является дискуссионной.

Концептуальная основа уголовно-исполнительного права состоит в том, что поводом исполнения уголовных наказаний и применения мер уголовно-правового характера являются приговор суда либо изменяющие его судебные документы, а также акты помилования и амнистии (ст. 7 УИК РФ). Иные меры уголовно-правового характера, как и наказание, назначаются по обвинительному приговору, однако карательная составляющая при назначении иных мер уголовно-правового характера минимальна. Ограничения прав и свободы, как отмечает Ф. Р. Сундуков, реализуемые при применении иных мер уголовно-правового характера, лишены карательной направленности⁴.

Таким образом, порядок применения (исполнения) отдельных мер уголовно-правового характера, предусмотренных УК РФ, в уголовно-исполнительном законодательстве не отражен. Закономерно, что наличие пробела актуализирует идею В. И. Селиверстова о принятии двухуровневого УИК РФ, состоящего из двух томов: 1) исполнение и от-

бывание уголовных наказаний, 2) исполнение и отбывание иных мер уголовно-правового характера⁵.

Кроме того, следует отметить, что в ст. 16 УИК РФ перечислены уголовные наказания и две иные меры уголовно-правового характера (условное осуждение и принудительные меры медицинского характера) и соответствующие учреждения и органы, их исполняющие.

Бесспорно, к системе мер, регулируемых уголовно-исполнительным законодательством, относятся и меры безопасности, закрепленные в ст. 13, ч. 3 ст. 68, ст. 86 УИК РФ.

Основополагающим принципом института правового положения осужденных является то, что Российская Федерация уважает, охраняет и гарантирует с изъятиями и ограничениями их права и свободы, а также обеспечивает их личную безопасность при исполнении уголовных наказаний.

Исходя из классификации оснований обеспечения личной безопасности в уголовно-исполнительном законодательстве⁶, необходимо отметить, что безусловным поводом в соответствии с ч. 2 ст. 13 и ч. 3 ст. 68 УИК РФ является возникновение угрозы его личной безопасности, что влечет перевод осужденного в безопасное место или иные меры, устраняющие угрозу личной безопасности.

Основанием обеспечения личной безопасности персонала (ст. 86 УИК РФ) является злостное неповиновение осужденных требованиям персонала, проявления буйства, захват заложников и т. д., что, несомненно, требует применения физической силы, специальных средств и оружия.

Как видим, в отношении осужденных применяются средства воздействия как карательного, так и некарательного характера в той мере, которая устанавливается уголовно-исполнительным законодательством.

Особое место в системе мер, регулируемых уголовно-исполнительным законодательством, занимают меры взыскания (ст. 60.14, 71, 115, 136, 151.1, 168 УИК РФ) и меры поощрения (ст. 45, 57, 59, 60.13, 71, 113, 134, 153, 167 УИК РФ).

Данные меры оказывают воспитательное воздействие на осужденного как карательно-предупредительного, так и поощрительного характера и коррелируют с отраслевым принципом рационального применения мер принуждения, средств исправления и стимулирования правопослушного поведения.

К системе мер, регулируемых уголовно-исполнительным законодательством,

с нашей точки зрения, относятся и меры принуждения, хотя в УИК РФ они упомянуты однажды в ст. 8, где содержится перечень принципов уголовно-исполнительного права. В уголовно-исполнительном законодательстве меры принуждения не регламентированы, поэтому возникает вопрос: являются ли меры принуждения и меры взыскания синонимичными понятиями? Субъектами применения мер взыскания являются начальник исправительного учреждения или лицо, его замещающее, субъектами применения мер государственного принуждения, то есть уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, – суд (за исключением амнистии и помилования). Мы придерживаемся мнения, что данные понятия тождественны. При этом меры принуждения являются более широким понятием, в их состав входят меры взыскания и меры безопасности, но субъекты их исполнения различны.

Одновременно возникает следующий вопрос: являются ли мерами принуждения обыски осужденных и помещений, в которых они проживают, а также досмотры их вещей?

На наш взгляд, обыски и досмотры в рамках ст. 82 УИК РФ относятся к режимным мероприятиям принудительного характера, осуществляемым администрацией ИУ для обеспечения нормальной деятельности исправительных учреждений.

Перечисленные выше меры принуждения оказывают предупредительное воздействие на осужденных.

Актуальным остается вопрос о включении в систему закрепленных уголовно-исполнительным законодательством мер процессуального принуждения, являющихся институтом уголовно-процессуального права. Такие меры пресечения, как запрет определенных действий (п. 4.1 ст. 98 УПК РФ), залог (п. 5 ст. 98 УПК РФ) и домашний арест (п. 6 ст. 98 УПК РФ) формально не являются мерами принуждения уголовно-исполнительного права, но их исполнение входит в предмет уголовно-исполнительного права.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 23.04.2012 № 360 «О некоторых вопросах деятельности уголовно-исполнительных инспекций» в Положение об уголовно-исполнительных инспекциях были вынесены изменения, обязывающие их контролировать меру пресечения в виде домашнего ареста.

На основании Федерального закона от 18.04.2018 № 72-ФЗ «О внесении изменений

в УПК РФ в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» в УПК РФ введены новая статья (105.1) и новые части (ч. 1 и ч. 8.1) ст. 106 УПК РФ, в соответствии с которыми контроль за соблюдением подозреваемыми или обвиняемыми возложенных судом запретов осуществляется уголовно-исполнительными инспекциями ФСИН России.

Выстроенная нами модель системы мер, регулируемых уголовно-исполнительным законодательством, позволяет сформули-

ровать определение следующего содержания: меры в уголовно-исполнительном праве – это система средств воздействия карательного и некарательного, предупредительного и поощрительного характера, направленная на коррекцию поведения осужденного, обеспечение безопасности осужденных и персонала исправительных учреждений и реализацию уголовной ответственности в целях исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гегель Г. Ф. Наука логики. URL: <http://philosophy.ru/library/nauka-logiki-tom-1> (дата обращения: 05.12.2020).

² См.: Куликов Е. А. Категория меры в праве: вопросы теории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. С. 9–10.

³ См.: Степаненко Р. Ф. Проблемы правопонимания в исследовательских практиках общеправовой теории маргинальности: опыт методологии междисциплинарности // Право и гос-во: теория и практика. 2015. № 6 (126). С. 25–33.

⁴ См.: Сундуrow Ф. Р. Наказание и альтернативные меры в уголовном праве. Казань, 2005. С. 55.

⁵ См.: Селиверстов В. И. Перспективы дальнейшей кодификации уголовно-исполнительного законодательства в Российской Федерации // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее. М., 2013. С. 479.

⁶ См.: Бакулин В. К. Классификация оснований обеспечения личной безопасности осужденных // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием : в 2 ч. Самара, 2020. Ч. 1. С. 26–27.

¹ Gegel' G. F. Nauka logiki. URL: <http://philosophy.ru/library/nauka-logiki-tom-1> (data obrashheniya: 05.12.2020).

² Sm.: Kulikov E. A. Kategoriya mery v prave: voprosy teorii : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Chelyabinsk, 2013. S. 9–10.

³ Sm.: Stepanenko R. F. Problemy` pravoponimaniya v issledovatel`skix praktikax obshhepravovoj teorii marginal`nosti: opy`t metodologii mezhdisciplinarnosti // Pravo i gos-vo: teoriya i praktika. 2015. № 6 (126). S. 25–33.

⁴ Sm.: Sundurov F. R. Nakazanie i al`ternativny`e mery` v ugodovnom prave. Kazan`, 2005. S. 55.

⁵ Sm.: Seliverstov V. I. Perspektivy` dal`nejshej kodifikacii ugodovno-ispolnitel`nogo zakonodatel`stva v Rossijskoj Federacii // Problemy` kodifikacii ugodovnogo zakona: istoriya, sovremennost`, budushhee. M., 2013. S. 479.

⁶ Sm.: Bakulin V. K. Klassifikaciya osnovanij obespecheniya lichnoj bezopasnosti osuzhdennyx` // Penitenciarная bezopasnost`: nacional`ny`e tradicii i zarubezhny`j opy`t : materialy` vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem : v 2 ch. Samara, 2020. Ch. 1. S. 26–27.

DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-32-35

УДК 343.8

Проблемы реализации наказания в виде ограничения свободы в современных условиях

Р. В. КОМБАРОВ – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье рассматриваются проблемы реализации уголовного наказания в виде ограничения свободы в современных условиях. В рамках исследования данной темы проанализированы анкеты 318 сотрудников уголовно-исполнительных инспекций из семи регионов России по данному вопросу. Автором предлагаются пути и способы решения проблем, возникающих в процессе исполнения ограничения свободы.

Ключевые слова: осужденный; ограничение свободы; уголовно-исполнительная инспекция; электронный мониторинг; место жительства.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Комбаров Р. В. Проблемы реализации наказания в виде ограничения свободы в современных условиях. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 1 (11), с. 32–35. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-32-35.

Problems of implementing punishment in the form of restraint of freedom in modern conditions

R. V. KOMBAROV – Associate Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law

The article considers the problems of implementation of criminal punishment in form of restraint of freedom in modern conditions. The article presents an analysis of the survey of 318 employees of Criminal Executive Inspections from seven regions on this issue. The author suggests ways and means of solving problems that arise in the process of execution of freedom.

Keywords: convicted person; restriction of freedom; Criminal Executive Inspection; electronic monitoring; place of residence.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Kombarov R. V. Problems of implementing punishment in the form of restraint of freedom in modern conditions. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 1 (11), pp. 32–35. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-32-35.

Реализация наказания в виде ограничения свободы является позитивным элементом системы наказаний, поскольку не только расширяет перечень уголовных наказаний, снижая количество осужденных к лишению свободы, но и позволяет не вырывать осужденного из жизни общества, не нарушает

его социальные и иные полезные связи. Несмотря на десятилетний опыт исполнения данного наказания, имеет место ряд проблем его реализации.

При анализе проблем, возникающих при исполнении наказания в виде ограничения свободы, было проведено анкетирование

318 сотрудников уголовно-исполнительных инспекций (далее – УИИ) из семи регионов: Воронежской, Калининградской, Нижегородской, Новосибирской, Ленинградской областей, Красноярского края, Республики Карелии.

Основной причиной возникновения проблем исполнения наказания в виде ограничения свободы являются судебные ошибки. Так, на начальных этапах реализации ограничения свободы имели место случаи установления судами ограничений, не указанных в ч. 1 ст. 53 УК РФ. Поскольку перечень ограничений является закрытым, установление дополнительных, не указанных в норме, неправомерно. Вместе с тем большая часть респондентов из числа сотрудников УИИ (57 %) считает, что перечень ограничений необходимо дополнить и сделать его открытым. Иными словами, судам необходимо дать возможность по своему усмотрению устанавливать ограничения, которые не отражены в норме закона и которые могли бы способствовать исправлению, например: пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании, осуществлять материальную поддержку членов семьи и т. п.

Также вызывает вопросы реализация возлагаемого на осужденного ограничения «не уходить из места постоянного проживания (пребывания) в определенное время суток». Суды, как правило, устанавливают данное ограничение в период с 22 до 6 часов. Согласно ч. 2 ст. 60 УИК РФ сотруднику УИИ в эти часы запрещено посещать жилище осужденного.

На практике многие инспекторы УИИ находят выход из данного положения, организуя совместные рейды с сотрудниками полиции. Как правило, войти в жилище с дозволения осужденного или членов его семьи сотрудникам полиции удается. Однако если данного согласия нет, то и сотрудник полиции проверить фактическое нахождение осужденного по месту жительства (пребывания) не может. Результаты опроса показали, что 32 % респондентов считают необходимым разрешить сотруднику УИИ посещать жилище осужденного в ночное время, 37 % полагают это допустимым при отсутствии другой возможности проверить соблюдение лицом установленного приговором суда ограничения.

Существует два выхода из сложившейся ситуации: во-первых, применение электронного мониторинга в отношении осужденных, которым установлено ограничение, запрещающее уходить из места жительства

(пребывания) в ночное время; во-вторых, снятие ограничения на посещение сотрудниками УИИ места жительства (пребывания) осужденного в это время. В последнем случае затрагиваются права не только самого осужденного к ограничению свободы, но и совместно проживающих с ним лиц, что, на наш взгляд, неприемлемо.

Так, ровно половина опрошенных сотрудников УИИ считает возможным применение средств электронного мониторинга в отношении осужденных, которым установлено ограничение, запрещающее уходить из места жительства (пребывания) в ночное время.

Кроме того, остро стоит вопрос надлежащего надзора за соблюдением данного ограничения в регионах. В первую очередь это связано с удаленностью УИИ от населенного пункта, что доказывает необходимость применения электронного мониторинга.

59 % опрошенных сотрудников придерживаются мнения, что осужденный к ограничению свободы должен отбывать наказание по месту последнего проживания, независимо от наличия регистрации или права собственности на данное жилище, если он обладает правом пользования им. 81 % респондентов отметил, что суд при назначении рассматриваемого наказания в обязательном порядке должен учитывать пожелание осужденного по месту проживания на период отбывания наказания.

Остается актуальным вопрос, касающийся контроля передвижения осужденного при реализации ограничения на посещение определенных мест, расположенных в пределах территории установленного муниципального образования, а также на посещение мест проведения массовых и иных мероприятий и запрета на участие в данных мероприятиях.

Ряд авторов справедливо отмечает наличие проблемы, связанной с отсутствием в уголовном законодательстве перечня массовых и иных мероприятий¹. Порядок определения мест и мероприятий, запрещенных для осужденного, при наложении ограничения на посещение определенных мест, расположенных в пределах территории муниципального образования, а также ограничения на посещение мест проведения массовых и иных мероприятий и запрета на участие в данных мероприятиях в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве никак не установлен. Только п. 49 Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы,

утвержденной приказом Минюста России от 11.10.2010 № 258², в качестве примера приводит места, связанные с употреблением алкогольных напитков либо наркотических средств. В свою очередь в п. 6.2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11.01.2007 № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»³ в качестве запрещенных мест указываются бары, кафе и т. п., а под массовыми следует понимать общественно-политические (митинги, шествия, демонстрации), культурно-зрелищные (народные гуляния, фестивали) и спортивные (спартакиады, соревнования) мероприятия.

55 % респондентов из числа сотрудников УИИ отметили, что в судебном решении лишь иногда содержится исчерпывающий перечень запрещенных для посещения мест. 19 % опрошенных указали на полное отсутствие такого списка в решении суда. Аналогичная ситуация складывается и с указанием в судебном решении исчерпывающего перечня мероприятий, в которых не может участвовать осужденный к ограничению свободы. Так, 56 % респондентов отметили, что это указывается в приговоре суда лишь иногда, а 21 % сотрудников подчеркнул его полное отсутствие.

Следует отметить, что некоторые массовые мероприятия способствуют формированию культуры самого осужденного и положительно влияют на его исправление (например, субботники или спортивные мероприятия), а другие могут быть связаны с осуществлением религиозных обрядов и церемоний. Поэтому в приговоре суда необходимо четко прописывать места и мероприятия, находящиеся под запретом для конкретного осужденного.

В то же время остается открытым вопрос о недопустимости нарушения осужденным границ муниципального образования, выезд за пределы которого ему запрещен приговором суда. На наш взгляд, данная проблема будет полностью разрешена, если на вооружении УИИ появится достаточное количество электронных средств слежения, в частности электронных браслетов, на которые изначально возлагались большие надежды при введении наказания в виде ограничения свободы в новом виде.

Без регулярного контроля невозможно добиться, чтобы осужденный постоянно ощущал карательное воздействие уголовного наказания и осознавал, что в случае нарушения установленных ограничений он будет нести предусмотренную законом от-

ветственность. Вместе с тем сотрудники УИИ не могут осуществлять данный контроль без соответствующих технических средств электронного мониторинга. Так, наше исследование показало, что 58 % сотрудников УИИ проводят личное (не по телефону) общение с осужденным от одного до двух раз месяц, 31 % – от трех до четырех раз месяц и только 11 % – более четырех раз месяц. В остальное время осужденный, не носящий на себе средств электронного мониторинга, остается абсолютно бесконтрольным. Встреча с подучетным лицом один-два раза в месяц не может гарантировать соблюдение им установленных ограничений. Полагаем, что электронный мониторинг является действенным средством постоянного и регулярного контроля за осужденным.

В настоящее время данное средство контроля применяется недостаточно широко. Так, например, по состоянию на июль 2020 г. на учете в УИИ УФСИН России по Воронежской области состояло 343 осужденных к ограничению свободы, к 36 из них (10,5 %) применялся электронный мониторинг; по состоянию на конец июня 2020 г. на учете в УИИ ГУФСИН России по Красноярскому краю находилось 819 осужденных к ограничению свободы, в отношении 366 из них (44,7 %) практиковался электронный мониторинг; по состоянию на сентябрь 2020 г. на учете в УИИ УФСИН России по Республике Карелии находилось 182 осужденных к ограничению свободы, к 33 из них (18,1 %) применялся электронный мониторинг; по состоянию на сентябрь 2020 г. на учете в УИИ ГУФСИН России по Новосибирской области находилось 512 осужденных к ограничению свободы, к 22 из них (4,3 %) применялся электронный мониторинг; по состоянию на сентябрь 2020 г. на учете в УИИ УФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области состояло 807 осужденных к ограничению свободы, к 50 из них (6,2 %) применялся электронный мониторинг.

Кроме того, необходимо разработать общую инструкцию, регламентирующую процесс применения технических средств надзора и контроля в целях единообразного понимания и выполнения УИИ требований уголовно-исполнительного законодательства при осуществлении надзора за осужденными. Данной точки зрения придерживаются 54 % респондентов из числа сотрудников УИИ. 40 % опрошенных указывают, что среди работников УИИ существуют недопонимание или расхождения в толковании требований уголовно-исполнительного

законодательства при осуществлении надзора за осужденными с помощью электронного мониторинга.

На наш взгляд, необходимо дальнейшее развитие и совершенствование средств электронного мониторинга за осужденными к ограничению свободы. Это могут быть, например, электронные приложения отслеживания, способные передавать информацию о месте нахождения и осуществлять идентификацию лица по фотографии, установленные на мобильные телефоны подучетных осужденных. Данное мнение разделяет 80 % принявших участие в анкетировании респондентов. Полагаем, что разработка такого механизма электронного мониторинга

может сократить расходование бюджетных средств, поскольку отпадет необходимость изготовления и поддержания работоспособности технических устройств и позволит осуществить постоянный контроль за большим количеством осужденных.

Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть, что реализация данного уголовного наказания не настолько широка, как это ожидалось изначально. На наш взгляд, исполнение ограничения свободы без надлежащего материально-технического оснащения и использования технических средств надзора и контроля будет затруднено и малоэффективно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Соколов И. В. Ограничение свободы как вид уголовного наказания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2012. С. 15; Капитонова Е. А. Ограничение свободы: современные проблемы применения // Законность. 2014. № 5. С. 33.

² См.: Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы : приказ Минюста России от 11.10.2010 № 258 (ред. от 02.11.2016) // Рос. газ. 2010. 27 окт.

³ См.: О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 11.01.2007 № 2 // Там же. 2007. 24 янв.

¹ Sm.: Sokolov I. V. Ogranichenie svobody` kak vid ugolovnogo nakazaniya : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Samara, 2012. S. 15; Kapitonova E. A. Ogranichenie svobody` : sovremennyye problemy` primeneniya // Zakonnost`. 2014. № 5. S. 33.

² Sm.: Ob utverzhdenii Instrukcii po organizacii ispolneniya nakazaniya v vide ogranicheniya svobody` : prikaz Minyusta Rossii ot 11.10.2010 № 258 (red. ot 02.11.2016) // Ros. gaz. 2010. 27 okt.

³ Sm.: O praktike naznacheniya sudami Rossijskoj Federacii ugolovnogo nakazaniya : postanovlenie Plenuma Verhov. Suda Ros. Federacii ot 11.01.2007 № 2 // Tam zhe. 2007. 24 yanv.

DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-36-40
УДК 343.3/7

Ошибки законодательной техники, допущенные при установлении ответственности за акт международного терроризма

В. Ф. ЛАПШИН – профессор кафедры уголовного права Московского государственного областного университета, доктор юридических наук, доцент;

Э. Х. НАДЫСЕВА – и. о. декана юридического факультета Московского государственного областного университета, кандидат юридических наук, доцент

Статья посвящена правовому анализу содержания нормы российского уголовного закона об ответственности за совершение акта международного терроризма. Введение в УК РФ ст. 361 было обусловлено официально признанной необходимостью усиления борьбы с террористической деятельностью, включая акты терроризма, подготовка и совершение которых осуществляются представителями международных террористических организаций.

Анализ содержания диспозиции ст. 361 УК РФ позволил выявить ряд существенных нарушений правил законодательной техники, допущенных при описании отдельных юридически значимых признаков. Это создает объективные трудности для толкования положений ст. 361 УК РФ в процессе квалификации преступления, равно как и вызывает неоправданную конкуренцию со ст. 205 УК РФ, которой установлена ответственность за террористический акт.

По итогам исследования делается научно обоснованный вывод о нецелесообразности включения нормы об ответственности за акт международного терроризма в Особенную часть российского уголовного закона.

Ключевые слова: акт международного терроризма; террористический акт; законодательная техника; конкуренция норм; избыточная криминализация; смежные составы преступлений.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Лапшин В. Ф., Надысева Э. Х. Ошибки законодательной техники, допущенные при установлении ответственности за акт международного терроризма. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 1 (11), с. 36–40. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-36-40.

Errors of legislative technique made in establishing responsibility for an act of international terrorism

V. F. LAPSHIN – professor at the department of criminal law, Moscow Region State University, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor

E. KH. NADYSEVA – acting dean of the faculty of law, Moscow Region State University, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

This research is devoted to the legal analysis of the content of the norms of the Russian Criminal Law on liability for committing an act of international terrorism. Adding Article 361 to the Criminal Code of the Russian Federation was due to the officially declared need to strengthen the fight against terrorist activities, including acts of terrorism, the preparation and commission of which is carried out by representatives of international terrorist organizations. The analysis of the content of the disposition of Art. 361 of the Criminal Code of the Russian

Federation made it possible to identify a number of significant violations of the norms of legislative technique, made in the description of certain legally significant features. This creates objective difficulties for the interpretation of the provisions of Art. 361 of the Criminal Code of the Russian Federation in the process of qualifying a crime, and gives rise to unjustified competition with Art. 205 of the Criminal Code of the Russian Federation, which establishes liability for a terrorist act.

Based on the results of the study, a scientifically substantiated conclusion is drawn that it is inexpedient to include the norm that establishes liability for an act of international terrorism in the Special Part of the Russian Criminal Law.

Key words: act of international terrorism; act of terrorism; legislative technique; competition of norms; excessive criminalization; related elements of crimes.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Lapshin V. F., Nadyseva E. Kh. Errors of legislative technique made in establishing responsibility for an act of international terrorism. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 1 (11), pp. 36–40. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-36-40.

В июле 2016 г. Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен ст. 361 об ответственности за совершение акта международного терроризма, что вызвало достаточно острую дискуссию в научной литературе. Высказанные относительно данного законодательного решения суждения можно подразделить на две группы: 1) обоснование юридической обособленности состава преступления, предусмотренного ст. 361 УК РФ, от иных составов преступлений террористического характера (большинство исследователей)¹; 2) указание на наличие неоправданной конкуренции с общей нормой – ст. 205 УК РФ, которой установлена ответственность за террористический акт. Представители второй условно выделенной здесь группы указывают на целесообразность исключения ст. 361 УК РФ из действующего закона, а содержание ст. 205 УК РФ «Террористический акт» предлагают дополнить соответствующими квалифицирующими признаками, указывающими на международный характер общественно опасных действий². Отдельного внимания заслуживают высказываемые в научной литературе мысли о необходимости совершенствования содержания указанной нормы-новеллы, в том числе изменения и дополнения ее действующей редакции³. Противоречивость существующих мнений относительно необходимости включения в УК РФ ст. 361, а также качества законодательной техники формулирования содержащихся в ней предписаний, крайне высокая степень абстрактности обоснования для криминализации акта международного терроризма посредством отдельной уголовно-правовой нормы – все это свидетельствует об объективном наличии заявленной проблемы.

В современной научной литературе подавляющее большинство авторов критикуют отдельные положения ст. 361 УК РФ, указывая на необходимость их частной редакционной правки. Среди специальных монографических исследований особого внимания заслуживает кандидатская диссертация В. А. Суворова, успешно защищенная в 2019 г.⁴ Заметим, что в целом ученые не указывают на отсутствие необходимости включения в УК РФ ст. 361 и не приводят соответствующих научных аргументов.

Мы же придерживаемся точки зрения о том, что существование специальной нормы Особенной части УК РФ об ответственности за акт международного терроризма излишне. Это в действительности создает условия для неоправданной конкуренции ст. 361 и 205 УК РФ, а также вызывает проблемы в процессе квалификации.

Современные законодательные тенденции таковы, что ратификация Россией какого-либо нормативного акта международного права неизбежно влечет за собой не только принятие законов и подзаконных нормативных актов, регулирующих соответствующие виды общественных отношений, но и включение в уголовное законодательство новых норм. Подобные решения имели место в части установления ответственности за торговлю людьми и использование рабского труда, легализацию (отмывание) денежных средств и иного имущества, полученного преступным путем, посредничество во взяточничестве и др. Дополнение кодекса нормами-новеллами об ответственности за преступления террористического характера, в том числе за финансирование террористической деятельности, ознаменовалось ратификацией очередного пакета международных актов о противодействии терро-

ризму. Однако анализ уголовно-правовых новшеств, результатом которых стало закрепление в УК РФ норм о новых преступлениях, свидетельствует, что в подавляющем большинстве случаев решения о криминализации не восполняют якобы существующий пробел в уголовном праве, а, напротив, создают юридически необоснованную конкуренцию уже имеющимся нормам.

К сожалению, подобная ситуация наблюдается и в случае установления ответственности за совершение акта международного терроризма федеральным законом от 06.07.2016 № 375-ФЗ. До момента его принятия уголовная ответственность за террористический акт реализовывалась путем инкриминирования ст. 205 УК РФ. Сопоставление положений ст. 205 и 361 УК РФ не позволяет установить принципиальные отличия в юридически значимых признаках предусмотренных ими преступлений.

В современной теории уголовного права сложилось общее мнение о необходимости разделения преступлений, прямо или косвенно причиняющих вред общественным отношениям, которые урегулированы нормами международного права, на международные преступления и преступления международного характера. Первые посягают на мир и международную безопасность в целом, тогда как вторые – на общественные отношения, урегулированные нормами национального и международного права (конвенционные преступления)⁵.

Международное право в части регламентации противодействия террористической деятельности, в том числе и касающееся ответственности за совершение террористических актов, имеет достаточно длительную историю. Из этого следует, что и террористический акт, и захват заложника, и иные преступления террористического характера непосредственно посягают на круг общественных международных отношений. Поэтому норма об ответственности за террористический акт (ст. 205 УК РФ), расположенная в гл. 24 «Преступления против общественной безопасности», обеспечивала достаточную охрану не только внутригосударственных, но и международных отношений. Размещение же ст. 361 в гл. 34 «Преступления против мира и безопасности человечества» представляется ошибочным, поскольку описанное в ней деяние не нарушает нормы-принципы международного права, имеющие наивысшую юридическую силу, – *jus cogens*.

Существенные нарекания с точки зрения унификации и единообразного использо-

вания юридической терминологии вызывает наименование ст. 361 УК РФ. Сущность называемых в ней действий идентична деянию, предусмотренному ст. 205 УК РФ: совершение взрыва, поджога или иных действий, а также угроза совершения указанных действий. Однако если в ст. 205 УК РФ деяние именуется террористическим актом, то в ст. 361 УК РФ говорится об акте международного терроризма. Некорректность наименования нормы-новеллы заключается в том, что терроризм не может рассматриваться в качестве действия или деятельности, поскольку признается идеологией насилия или наиболее радикальной формой экстремизма. Из этого следует, что законодатель, видимо, попытался установить ответственность за совершение не рядового или общего террористического акта, а международного террористического акта, закрепив в диспозиции ст. 361 УК РФ его отличительные юридически значимые признаки:

- целью совершения террористического акта является нарушение мирного сосуществования государств и народов мирового сообщества;
- местом совершения может являться территория любого государства, кроме территории Российской Федерации;
- общественно опасное деяние должно быть направлено против российских граждан либо интересов Российской Федерации.

Содержание признаков акта международного терроризма (международного террористического акта) достаточно противоречиво с позиции юридического анализа. Следует обратить внимание на отсутствие здесь перечисления действительных целей, которые обязательно преследуются при совершении как террористического акта, так и любого другого вида преступления террористического характера. Таковыми являются запугивание населения, дестабилизация деятельности национальных или международных органов власти и оказание воздействия на должностных лиц органов власти управления для принятия ими решений, отвечающих интересам представителей террористических организаций и объединений⁶. Повторим, указанные цели не получили отражения в содержании ст. 361 УК РФ, что можно расценивать как недостаток техники формулирования уголовно-правового предписания. В то же время официально заявляемая цель носит крайне общий, абстрактный характер, и при практическом

применении нормы будет довольно проблематично установить, как именно преступник после совершения террористического акта предвидел развитие событий, приводящее к «нарушению мирного сосуществования государств и народов мирового сообщества», и на основании каких фактов он мог бы констатировать достижение желаемой цели. Неустановление же в процессе квалификации указанного признака состава преступления исключает возможность привлечения лица к ответственности за совершение акта международного терроризма в силу императивных положений ст. 8 УК РФ.

Следующим условием (признаком), обязательно определяемым в процессе квалификации, является место совершения преступления. В соответствии с диспозицией исследуемой нормы преступление должно быть совершено вне пределов территории Российской Федерации. Подобное требование, устанавливаемое в национальном праве, некорректно, поскольку особенности применения законодательства об ответственности лиц, совершивших преступление (преступления) на территории иного государства, регулируются нормами международного права. Эти же особенности закреплены и в нормах Общей части УК РФ, определяющих действие уголовного закона в пространстве (ч. 1, 3 ст. 12). И в международном, и в национальном праве презюмируется, что лицо привлекается к ответственности по уголовному законодательству того государства, на территории которого совершено преступление. И только в исключительных случаях неосуждения преступника по законодательству государства, в котором совершено преступление, он может быть привлечен к ответственности по уголовному закону страны, против граждан и (или) интересов которой совершено преступление. В международном праве данный принцип получил наименование «либо выдай, либо накажи», но преимущественное право на осуждение преступника в любом случае остается за государством места совершения уголовно наказуемого деяния.

Отсюда следует, что лицо, совершившее акт терроризма на территории иного государства против, например, представителей дипломатического представительства России, но не на территории российского посольства, подлежит ответственности по уголовному законодательству соответствующей страны, а не по ст. 361 УК РФ. Если государство, на территории которого совершен террористический акт против граж-

дан России, отказывается от привлечения виновного к ответственности, то последний может быть осужден по российскому уголовному закону. Но и в этом случае остается открытым вопрос о целесообразности разграничения юридической сущности террористических актов, один из которых совершен на территории Российской Федерации и квалифицируется по ст. 205 УК РФ, а другой – на территории иностранного государства. Можно предположить, что и это основание для формулирования специальной уголовно-правовой нормы об ответственности за террористический акт не вызвано правовой необходимостью, а является искусственно созданным, надуманным.

Наконец, указание на обязательность совершения акта международного терроризма, который подвергает опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность российских граждан либо направлен против интересов России, также не лишено юридической дискуссионности. Как уже отмечалось, в нормах международного права закреплено положение о значительной общественной опасности террористической идеологии для международного сообщества. Кроме этого, международным правом определяется универсальная юрисдикция в отношении лиц, совершивших преступление террористического характера на территории любого суверенного государства. При таких обстоятельствах обособление граждан России в качестве пострадавших от террористического акта либо России как государства, национальные интересы которого нарушены в результате совершения указанного преступления, вряд ли может считаться юридически корректным.

Анализ иных признаков состава преступления акта международного терроризма указывает на их идентичность признакам, закрепленным в общей уголовно-правовой норме об ответственности за террористический акт (ст. 205 УК РФ). Это позволяет сделать вывод о нарушении правил законодательной техники при формулировании специальной нормы уголовного закона об ответственности за деяние, которое уже предусмотрено нормой Особенной части УК РФ.

Норма об ответственности за акт международного терроризма (ст. 361 УК РФ), на наш взгляд, ошибочно включена в действующий уголовный закон. Акт международного терроризма рассматривался как преступление против общественной безопасности и подлежал квалификации по ст. 205 УК РФ

и до введения в действие ст. 361 УК РФ, поэтому во избежание возможных трудностей в процессе квалификации и для устранения

неоправданной конкуренции общей и специальной уголовно-правовой норм целесообразно исключить ст. 361 из УК РФ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ендольцева А. В. Уголовная ответственность за акт международного терроризма в контексте международной политики Российской Федерации // Вестн. Мос. ун-та МВД России. 2017. № 4. С. 146; Николаев К. Д. Акт международного терроризма – преступление против мира и согласия между народами и (или) государствами // Уголовная политика и правоприменительная практика : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. М., 2019. С. 234–239.

² См.: Еремина К. Ф. Спорные вопросы разграничения террористического акта (ст. 205 УК РФ) и акта международного терроризма (ст. 361 УК РФ) // Актуальные проблемы правового, социального и политического развития России : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 2017. С. 94.

³ См.: Сидоров Б. В. Новое в определении терроризма, международного терроризма, террористического акта и акта международного терроризма и проблемы совершенствования российского уголовного законодательства // Вестн. экономики, права и социологии. 2017. № 2. С. 121.

⁴ См.: Суворов В. А. Уголовная ответственность за акт международного терроризма : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2019. 25 с.

⁵ См.: Карпец И. И. Преступления международного характера. М., 1979. С. 31–54; Упоров А. Г. Понятие и предмет международного уголовного права // Междунар. публич. и част. право. 2018. № 2. С. 26–29.

⁶ См.: Пинчук А. Ю. Терроризм в условиях глобализации как фактор политической деструкции: политический анализ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 15.

¹ Sm.: Endol'ceva A. V. Ugolovnaya otvetstvennost' za akt mezhdunarodnogo terrorizma v kontekste mezhdunarodnoj politiki Rossijskoj Federacii // Vestn. Mos. un-ta MVD Ros-sii. 2017. № 4. S. 146; Nikolaev K. D. Akt mezhdunarodnogo terrorizma – prestuplenie protiv mira i soglasiya mezhdu narodami i (ili) gosudarstvami // Ugolovnaya politika i pravo-primenitel'naya praktika : sb. materialov VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. M., 2019. S. 234–239.

² Sm.: Eremina K. F. Sporny'e voprosy' razgranicheniya terroristicheskogo akta (st. 205 UK RF) i akta mezhdunarodnogo terrorizma (st. 361 UK RF) // Aktual'ny'e problemy' pravovogo, social'nogo i politicheskogo razvitiya Rossii : materialy' X Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Saratov, 2017. S. 94.

³ Sm.: Sidorov B. V. Novoe v opredelenii terrorizma, mezhdunarodnogo terrorizma, terro-risticheskogo akta i akta mezhdunarodnogo terrorizma i problemy' sovershenstvovaniya rossijskogo ugolovnogo zakonodatel'stva // Vestn. e'konomiki, prava i sociologii. 2017. № 2. S. 121.

⁴ Sm.: Suvorov V. A. Ugolovnaya otvetstvennost' za akt mezhdunarodnogo terrorizma : avto-ref. dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2019. 25 s.

⁵ Sm.: Karpecz I. I. Prestupleniya mezhdunarodnogo xaraktera. M., 1979. S. 31–54; Uporov A. G. Ponyatie i predmet mezhdunarodnogo ugolovnogo prava // Mezhdunar. publich. i chast. pravo. 2018. № 2. S. 26–29.

⁶ Sm.: Pinchuk A. Yu. Terrorizm v usloviyax globalizacii kak faktor politicheskoy destrukcii: politicheskij analiz : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2019. S. 15.

Сфера закупок для государственных и муниципальных нужд как объект уголовно-правовой охраны

А. В. МОРОЗОВ – соискатель кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов

Предпринятое в статье исследование направлено на уяснение особенностей развития относительно новых общественных отношений, возникающих при размещении заказов и выборе контрагентов, подтвердивших свою готовность на возмездной основе обеспечить органы государственной или муниципальной власти необходимыми материальными ценностями, выполнить работы или оказать услуги. Данная сфера в настоящее время вышла за пределы сугубо экономических отношений и не без оснований все чаще стала рассматриваться в качестве объекта коррупционных посягательств. Автором проведен анализ высказанных в научной литературе мнений относительно сущности сферы закупок для государственных и муниципальных нужд как одной из составляющих объекта уголовно-правовой охраны, изучены нормативные акты, регламентирующие порядок осуществления соответствующей деятельности. По результатам работы сформулированы выводы относительно сущности закупок для государственных и муниципальных нужд и предложено обоснование особенностей обеспечения охраны данных общественных отношений средствами уголовного закона.

Ключевые слова: закупки для государственных и муниципальных нужд; экономические преступления; коррупционные преступления; объект уголовно-правовой охраны; социальная значимость.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Морозов А. В. Сфера закупок для государственных и муниципальных нужд как объект уголовно-правовой охраны. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 1 (11), с. 41–46. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-41-46.

The sphere of procurement for state and municipal needs as an object of criminal law protection

A. V. MOROZOV – degree-seeking applicant at the department of criminal law, criminal procedure and criminalistics, People's Friendship University of Russia

The presented research is aimed at clarifying specific features in the development of relatively new social relations that arise when placing orders and choosing counterparties who have confirmed their readiness to provide state or municipal authorities with the necessary material values, perform work or provide services on a reimbursable basis. This area has now gone beyond the plane of purely economic relations, and, for a reason, has increasingly begun to be considered as an object of corruption encroachments. In the course of the research, the analysis of opinions expressed in the scientific literature on the essence of the sphere of procurement for state and municipal needs as one of the components of the object of criminal law protection was carried out. Regulations governing the procedure for the implementation of these activities were studied, as well. Based on the results of the work, conclusions were formulated regarding the essence of procurement for state and municipal needs, and a substantiation of the features of ensuring the protection of these public relations by means of criminal law was proposed.

Key words: purchases for state and municipal needs; economic crimes; corruption crimes; object of criminal law protection; social significance.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Morozov A. V. The sphere of procurement for state and municipal needs as an object of criminal law protection. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 1 (11), pp. 41–46. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-41-46.

В пояснительной записке к проекту федерального закона «О федеральной контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг» 2012 г. отмечалось, что целями контрактной системы закупок являются не только регулирование финансово-бюджетных отношений и обеспечение прозрачности всего цикла закупок от планирования до приемки конкретных результатов, но и предотвращение коррупции и других злоупотреблений в сфере обеспечения государственных и муниципальных нужд. Данный подход сохранился и в итоговом тексте федерального закона № 44-ФЗ, где при описании предмета правового регулирования также обозначена цель предотвращения коррупции (ст. 1).

Исследователи также отмечают, что формирование контрактной системы публичных закупок позволило сформировать важнейший антикоррупционный институт, направленный на укрепление экономического партнерства государства и бизнеса¹. В Антикоррупционной хартии российского бизнеса неоднократно подчеркивается, что российский бизнес стремится взаимодействовать с органами государственной власти в рамках антикоррупционных принципов. То обстоятельство, что данная хартия включена в качестве приложения в методические рекомендации по противодействию коррупции, разработанные Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации, на наш взгляд, свидетельствует не только о значимости данного документа, но и о масштабности государственного управления в сфере антикоррупционной политики, охватывающего при наличии явно выраженного публичного интереса гражданские отношения.

Таким образом, можно отметить, что отношения, связанные с публичными закупками, отнесены к области государственной антикоррупционной политики, а средства обеспечения публичных закупок преследуют в том числе и цель противодействия коррупции. При этом обращает на себя внимание то, что нормы о посягательствах на отношения в процессе госзакупок содержатся в гл. 22 УК РФ, посвященной преступлениям в сфере экономической деятельности, хотя

данное решение законодателя представляется достаточно дискуссионным.

Исследование вопросов уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере публичных закупок активизировалось в России с 2010 г., а криминализация в 2018 г. ст. 200.4–200.6 УК РФ дала новый толчок научным разработкам в этой области. На монографическом уровне исследования уголовно-правовой охраны отношений в сфере публичных закупок (ст. 200.4–200.6 УК РФ) практически не представлены, а имеющиеся работы не отражают современного состояния данных общественных отношений или затрагивают вопросы смежного характера.

Новизна реализуемого нами подхода заключается в установлении характерных особенностей общественных отношений в сфере закупок для государственных или муниципальных нужд, которые не позволяют отождествлять их исключительно с охраняемыми уголовным законом экономическими отношениями – отношениями в сфере экономической деятельности.

Государственная антикоррупционная политика в Российской Федерации как таковая стала формироваться сравнительно недавно – с момента принятия Федерального закона Российской Федерации от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – ФЗ РФ № 273-ФЗ). Предпринимавшиеся до этого меры по противодействию коррупции не носили комплексного и последовательного характера, не отличались стратегическим планированием и воздействием на разные сферы общественных отношений в рамках различных направлений данного процесса: профилактики коррупции, борьбы с ней и минимизации и ликвидации ее последствий.

Широкий охват деятельности по противодействию коррупции закономерно затронул и финансово-бюджетные отношения. Исследователи отмечали, что проблематика российской экономики, выраженная в наличии бюджетного дефицита, стагнационных процессах, сложности контроля и недостаточной прозрачности, предопределила необходимость защиты бюджетных средств от противоправных действий и обозначила эту

задачу как приоритетную². В связи с этим не случайно законодатель среди основных направлений повышения эффективности противодействия коррупции (ст. 7 ФЗ РФ № 273-ФЗ) назвал обеспечение добросовестности, открытости и объективности при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для государственных или муниципальных нужд.

Лидерами в осуществлении публичных закупок являются государственные программы по развитию транспортной системы, культуры и спорта, а также такие области, как обеспечение общественного порядка и противодействия преступности, здравоохранение, образование, отношения которых отличаются повышенной коррупционностью³. Это указывает на наличие публичного интереса в охране данных отношений.

Подчеркивая значимость публичного интереса при государственном регулировании отношений в сфере публичных закупок, в том числе и в рамках установления уголовно-правовой ответственности, мы исходим из того, что по своей сути данные отношения проистекают из гражданско-правовых, строящихся на основе купли-продажи товаров и услуг. Такой вывод закономерен при оценке правовых основ публичных закупок. В частности, в ст. 2 ФЗ РФ № 44-ФЗ при перечислении нормативных правовых актов, формирующих законодательство в сфере закупок, сразу же после Конституции Российской Федерации следует Гражданский кодекс Российской Федерации.

Частноправовую природу публичных закупок отстаивают ряд цивилистов, объясняя термин «публичность» не в контексте интереса, а в рамках формы, когда закупки осуществляются публично, то есть открыто. Не вдаваясь в полемику по этому вопросу, отметим, что подобная трактовка понятия представляется нам семантически верной и соответствующей целям данной деятельности.

М. В. Шмелева указывает на то, что при публичных закупках возникают контрактные отношения, являющиеся, по сути, гражданско-правовыми, где одной из сторон выступает орган публичной власти. Свою позицию автор последовательно отстаивает, отмечая, в частности, необходимость соблюдения при проведении публичных закупок такого гражданско-правового принципа, как равноправие участников сделки⁴. Это в целом соотносится с позицией законодателя, который в ст. 3 ФЗ РФ № 44-ФЗ при определении понятий «контракт» и «государствен-

ный (муниципальный) контракт» указывает, что это форма гражданско-правового договора.

В целом соглашаясь с тем, что в основе публичных закупок лежат гражданско-правовые отношения, отметим, что нельзя игнорировать то обстоятельство, что данные закупки осуществляются для обеспечения государственных и муниципальных нужд. В действующем законодательстве отсутствует легальное определение данного термина, в то время как в ныне утратившем силу федеральном законе «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» такие нужды определялись как потребности Российской Федерации, субъектов Российской Федерации или муниципальных образований, а также государственных и муниципальных заказчиков, необходимые для обеспечения их функций и полномочий (ст. 3). Данный подход был воспринят и на научном уровне.

Например, М. В. Лалиева указывает, что государственные и муниципальные нужды представляют из себя общественно значимые потребности соответствующего публично-правового образования, регламентированные законом, которые способствуют удовлетворению интересов неопределенного круга лиц⁵. Следует согласиться, что потребности государства, субъектов Федерации и муниципальных образований способствуют удовлетворению интересов неопределенного круга лиц, что прямо проистекает из положения ст. 7 Конституции Российской Федерации, согласно которому политика государства направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. А полномочия Российской Федерации и ее субъектов, закрепленные в ст. 71–73 Конституции Российской Федерации, еще более подчеркивают публичный характер данных нужд, которые затрагивают всех без исключения жителей России. Вместе с тем, по нашему мнению, утверждение о том, что государственные и муниципальные нужды – это общественно значимые потребности, не совсем правильно отражает их сущность.

В этой связи интерес представляет позиция Л. М. Пахомовой, которая указывает, что необходимо отличать общественные потребности от государственных и муниципальных нужд. В первом случае общественная нужда характеризует потребность общества в товарах, работах и услугах, обеспечиваемых за счет средств бюджет-

ной системы Российской Федерации, что характерно для таких участников закупки, как Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования. При этом, по мнению Л. М. Пахомовой, государственные и муниципальные нужды представляют из себя потребность государственных и муниципальных заказчиков в товарах, работах, услугах, необходимых для осуществления их собственной деятельности⁶. Разделяя точку зрения о том, что необходимо разграничивать категории общественных, государственных и муниципальных потребностей, мы не согласны с тем, что государственные и муниципальные нужды представляют из себя узкие потребности государственных и муниципальных заказчиков.

Здесь нам хотелось бы обратить внимание на два аспекта. Во-первых, в ФЗ РФ № 44-ФЗ участниками контрактной системы не называются Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования, что, на наш взгляд, правильно, поскольку данные публично-правовые образования фактически не могут быть участниками национальных отношений и действуют через специально созданные и функционирующие от их имени органы, наделенные теми или иными присущими данным образованиям полномочиями.

Во-вторых, данные органы, имея определенную организационно-правовую форму, обременены необходимостью обеспечивать не только полномочия государства, его субъектов или муниципальных образований, но и свою собственную деятельность, направленную на реализацию данных полномочий. Сказанное позволяет выявить сложную природу государственных и муниципальных нужд, которая объединяет как потребности всего общества, так и потребности государства, его субъектов и муниципальных образований (в том числе связанные с обеспечением интересов общества), а также потребности органов, исполняющих полномочия государства, субъектов федерации, муниципальных образований (в том числе по обеспечению своей собственной деятельности). В целом данные потребности формируют публичный интерес.

Учитывая, что предлог «для», используемый в обороте «закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», указывает на цель, представляется, что целью публичных закупок является обеспечение определенных публичных интересов, которые охватывают

и интересы государства, и интересы общества.

В науке существуют разные подходы к пониманию характера публичного интереса, который рассматривается и как объективная категория, и как категория, требующая обязательного признания государством. Но в любом случае сущность публичного интереса сводится к благу неопределенного круга лиц. Наиболее емко, на наш взгляд, определил понятие «публичный интерес» В. М. Сырых, отметивший, что исследуемая категория представляет собой «взгляды общества, государства и личности о жизненно важных материальных или духовных благах, которые осознаются ими в качестве результата, конечного ориентира и направления развития общества как тотальной целостности»⁷. В данной дефиниции гармонично сочетаются современные идеи демократизма и гуманизма, в контексте которых государство рассматривается как институт, обеспечивающий интересы общества, а права и свободы личности как абстрактной категории имеют наивысшую ценность.

На необходимость охраны экономических отношений от посягательств в сфере публичных закупок как основополагающие социальные предпосылки криминализации ст. 200.4–200.6. УК РФ указывает и ряд исследователей, которые не без оснований отмечают разносторонность вреда, причиняемого экономическим отношениям нарушениями порядка публичных закупок: начиная от невозможности осуществления предпринимательской деятельности в условиях добросовестной конкуренции и заканчивая снижением инвестиционной привлекательности российской экономики в целом.

Так, Д. С. Назарова усматривает такие негативные последствия данных преступлений, как подрыв основ осуществления предпринимательской деятельности, дестабилизация функционирования социально-экономических институтов, формирование предпосылок дестабилизации экономической системы государства, повышение социальной напряженности в обществе⁸. В целом данные угрозы также посягают на отношения в сфере экономики, в том числе и на отношения, сопряженные с интересами службы в коммерческих организациях, в контексте дестабилизации функционирования социально-экономических отношений. При этом перспектива повышения социальной напряженности в обществе влияет на общественную безопасность и безопасность государства.

Е. В. Подшибякина также отмечает, что публичный интерес в сфере публичных закупок достаточно широк и охватывает помимо отношений государственной собственности конституционные права и свободы человека и гражданина и основы государственной политики⁹. Однако такая широкая трактовка публичного интереса, на наш взгляд, не позволяет определить уголовно-правовую природу деяний, посягающих на сферу публичных закупок.

Интерес представляет также позиция О. В. Синчурина, по мнению которого среди преступлений, посягающих на порядок осуществления публичных закупок, коррупционные деяния выделяются в отдельную группу и могут быть предусмотрены не только гл. 22, но и гл. 23 УК РФ (ст. 201–203), а также гл. 30 УК РФ (ст. 285, 285.4, 290–291)¹⁰.

Генеральная прокуратура России в целях статистического учета сформулировала признаки коррупционного преступления: 1) наличие соответствующих субъектов (соответствующих признакам, указанным в примечаниях к ст. 285 и 201 УК РФ); 2) наличие связи деяния со служебным положением субъекта, отступлением от его прямых прав и обязанностей; 3) наличие у субъекта корыстного мотива; 4) совершение преступления только с прямым умыслом. Признаки субъекта, перечисленные в ст. 200.4–200.6 УК РФ, не соответствуют признакам, отраженным в примечаниях к ст. 285 и 200.1 УК РФ, поэтому формально рассматриваемые преступления не могут оцениваться как коррупционные, хотя по сути своей, а также способу совершения во многом совпадают с ними.

По итогам можно заключить, что, во-первых, федеральная контрактная система в сфере закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд является элементом государственной финансово-бюджетной и антикоррупционной политики. Формируя основное направление деятельности по повышению эффективности противодействия коррупции, система публичных закупок в России предполагает

реализацию мероприятий в рамках трех основных направлений противодействия: профилактики коррупции, борьбы с ней и минимизации и ликвидации ее последствий. При этом ФЗ РФ № 44-ФЗ образует систему преимущественно профилактических мер противодействия преступности, предполагая при этом и другие меры, создавая общий механизм защиты системы публичных закупок от нарушений.

Во-вторых, система публичных закупок основывается на частноправовых отношениях, реализующих частноправовой интерес. Вместе с тем цель публичных закупок связана с удовлетворением государственных и муниципальных нужд, которые представляют из себя совокупность взаимосвязанных потребностей всего общества, государства, его субъектов и муниципальных образований, а также органов, исполняющих полномочия государства, субъектов Федерации, муниципальных образований, ориентированных на достижение эффективного функционирования финансово-бюджетной системы России, противодействие коррупции и рост национального благосостояния.

В-третьих, наличие публичного интереса в реализации публичных закупок предопределяет формирование механизма защиты связанных с ней отношений от неправомерного поведения в виде установления карательной ответственности, в том числе уголовной (посредством криминализации деяний, предусмотренных ст. 200.4–200.6 УК РФ).

Общественные отношения в сфере государственных закупок для государственных и муниципальных нужд являются разновидностью отношений, сложившихся в сфере экономической деятельности, однако одновременно эти же общественные отношения тесно связаны с обеспечением интересов государственной власти и службы в государственных или муниципальных органах и учреждениях. В этих условиях сфера госзакупок может рассматриваться в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Степанова Е. Е. Контрактная система в сфере закупок: опыт цивилистического исследования : моногр. СПб., 2018. С. 78.

² См.: Гладких В. И., Сухаренко А. Н. Минимизация коррупционных рисков в бюджетной сфере // Гос. власть и мест. самоуправление. 2016. № 12. С. 58.

³ См.: Маслакова Е. А. Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых в сфере публичных закупок для муниципальных нужд // Муницип. служба: правовые вопросы. 2016. № 2. С. 16.

⁴ См.: Шмелева М. В. Расширение возможностей участия предпринимателей в государственных закупках // Юрид. вестн. Самар. ун-та. 2018. № 4. С. 56.

⁵ См.: Лалиева М. В. Государственные и муниципальные нужды: трактовка понятия // Отечеств. юриспруденция. 2018. № 3. С. 96.

⁶ См.: Пахомова Л. М. Проблемы дефиниции правового регулирования системы публичных закупок // *Ars Administrandi*. 2019. № 2. С. 192.

⁷ Сырых В. М. Объективные основы публичного права // *Lex Russica*. 2016. № 5. С. 78.

⁸ См.: Назарова Д. С. Вопросы криминализации мошенничества в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд // *Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. «Экономика и право»*. 2016. Т. 26, вып. 3. С. 119.

⁹ См.: Подшибякина Е. В. Развитие института государственных закупок в российском праве // *Публичные закупки: проблемы правоприменения : материалы Третьей всерос. науч.-практ. конф. (9 июня 2015 г., МГУ им. М. В. Ломоносова)*. М., 2015. С. 179–184.

¹⁰ См.: Синчуринов О. В. Понятие коррупционных преступлений в сфере закупок и их классификация // *Гос. служба и кадры*. 2019. № 1. С. 128.

¹ См.: Stepanova E. E. *Kontraktynaya sistema v sfere zakupok: opyt civilisticheskogo issledovaniya* : monogr. SPb., 2018. S. 78.

² См.: Gladkikh V. I., Suxarenko A. N. *Minimizatsiya korrupcionnykh riskov v byudzhetnoj sfere* // *Gos. vlast' i mest. samoupravlenie*. 2016. № 12. С. 58.

³ См.: Maslakova E. A. *Kriminologicheskaya kharakteristika prestuplenij, sovershaemykh v sfere publicznykh zakupok dlya municipal'nykh nuzhd* // *Municip. sluzhba: pravovy'e voprosy*. 2016. № 2. С. 16.

⁴ См.: Shmeleva M. V. *Rasshirenie vozmozhnostej uchastiya predprinimatelej v gosudarstvennykh zakupkax* // *Yurid. vestn. Samar. un-ta*. 2018. № 4. С. 56.

⁵ См.: Lalieva M. V. *Gosudarstvenny'e i municipal'ny'e nuzhdy* : traktovka ponyatiya // *Otechestv. yurisprudenciya*. 2018. № 3. С. 96.

⁶ См.: Пахомова Л. М. *Problemy definicii pravovogo regulirovaniya sistemy publicznykh zakupok* // *Ars Administrandi*. 2019. № 2. С. 192.

⁷ Сырых В. М. *Obektivny'e osnovy publichnogo prava* // *Lex Russica*. 2016. № 5. С. 78.

⁸ См.: Назарова Д. С. *Voprosy kriminalizatsii moshennichestva v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya gosudarstvennykh i municipal'nykh nuzhd* // *Vestn. Udmurt. un-ta. Ser. «Ekonomika i pravo»*. 2016. Т. 26, вып. 3. С. 119.

⁹ См.: Подшибякина Е. В. *Razvitie instituta gosudarstvennykh zakupok v rossijskom prave* // *Publichny'e zakupki: problemy pravoprimeniya : materialy Tret'ej vseros. nauch.-prakt. konf. (9 iyunya 2015 g., MGU im. M. V. Lomonosova)*. М., 2015. С. 179–184.

¹⁰ См.: Синчуринов О. В. *Ponyatie korrupcionnykh prestuplenij v sfere zakupok i ikh klassifikatsiya* // *Gos. sluzhba i kadry*. 2019. № 1. С. 128.

DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-47-50

УДК 343.8

Технологии в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации

В. Н. НЕКРАСОВ – доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье рассматриваются вопросы влияния на уголовно-исполнительное законодательство результатов такого вида инновационной деятельности, как технологии, и готовности отечественного законодателя к их появлению. Автор приходит к выводу, что в целях соблюдения правила законодательной техники о единстве используемой терминологии целесообразно в тексте УИК РФ словосочетание «аудиовизуальные, электронные и иные технические средства надзора и контроля» заменить на «специальные технические средства контроля и надзора», закрепив при этом в отдельном правовом акте конкретный перечень технических средств для различных видов исправительных учреждений.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное законодательство; инновационная деятельность; технологии.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Некрасов В. Н. Технологии в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 1 (11), с. 47–50. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-47-50.

Technologies in the penal legislation of the Russian Federation

V. N. NEKRASOV – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law

The article discusses the impact on the penal legislation the results of the type of innovation activity such as technologies, and the readiness of the domestic legislator for their appearance. The author comes to the conclusion that in order to comply with the rule of legislative technique on the unity of the terminology used, it is advisable in the text of the Penal Code of the Russian Federation to replace the phrase “audiovisual, electronic and other technical means of supervision and control” with “special technical means of control and supervision” and fix in the legal act a specific list of technical means for various types of correctional institutions.

Key words: penal legislation; innovative activity; technologies.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Nekrasov V. N. Technologies in the penal legislation of the Russian Federation. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 1 (11), pp. 47–50. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-47-50.

В процессе развития инновационной деятельности при всем ее положительном воздействии на сферы экономики, образования и культуры все чаще встает вопрос противодействия преступности в данной области. В статье мы рассмотрим влияние на уголовно-

исполнительное законодательство такого вида результатов инновационной деятельности, как технологии, и выясним, готов ли законодатель к их появлению.

В действующем УИК РФ законодатель использует такие понятия, как техниче-

ские средства видеонаблюдения (ст. 14), технические средства надзора и контроля (ст. 58, 60.19, 83), технические средства прослушивания (ст. 89) и др. При этом нередко возникают сложности в их понимании и соотношении друг с другом. Так, законодателем определен перечень аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, которые могут использоваться администрацией исправительного центра для предупреждения преступлений, нарушений порядка и условий отбывания принудительных работ и получения необходимой информации о поведении осужденных к принудительным работам (ст. 60.19 УИК РФ). В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 31.03.2010 № 198 «Об утверждении перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых уголовно-исполнительными инспекциями для обеспечения надзора за осужденными к наказанию в виде ограничения свободы» к ним относятся браслет электронный, стационарное контрольное устройство, мобильное контрольное устройство, ретранслятор, персональный трекер, сервер мониторинга, сервер аудиовизуального контроля, стационарный пульт мониторинга, мобильный пульт мониторинга.

В ч. 1 ст. 83 УИК РФ сказано, что администрация исправительных учреждений вправе использовать аудиовизуальные, электронные и иные технические средства надзора и контроля для предупреждения побегов и других преступлений, нарушений установленного порядка отбывания наказания и в целях получения необходимой информации о поведении осужденных. В ч. 3 той же статьи отмечено, что перечень технических средств надзора и контроля и порядок их использования устанавливаются нормативными правовыми актами Российской Федерации. Однако в настоящее время отсутствует нормативный правовой акт, закрепляющий конкретный перечень аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля для предупреждения побегов и других преступлений, нарушений установленного порядка отбывания наказания и получения необходимой информации о поведении осужденных.

В результате складывается ситуация, когда применительно к одним целям конкретный перечень аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля закреплен, а в отношении других нет.

В то же время законодатель в УИК РФ наряду с обобщающим термином «аудиовизуальные, электронные и иные технические средства надзора и контроля» использует частные его составляющие, причем не всегда удачно. Так, если в ст. 14 УИК РФ употребляется понятие «технические средства видеонаблюдения», то в ст. 89 говорится о технических средствах прослушивания. Возникает вопрос: в связи с чем законодатель использует слово «прослушивание», ведь логичнее было бы вести речь о технических средствах аудиоконтроля и надзора? Причем данное словосочетание было бы более удачным не только с терминологической точки зрения. Так, согласно ч. 4 ст. 89 УИК РФ свидания с адвокатом предоставляются наедине, вне пределов слышимости третьих лиц и без применения технических средств прослушивания. Исходя из формального толкования указанного определения, запрет вводится на технические средства прослушивания, а не на средства контроля, регистрации или записи переговоров между осужденным и адвокатом. На основании изложенного в целях реализации принципа использования единой терминологии в тексте УИК РФ и соблюдения права осужденного на встречу с адвокатом целесообразно внести изменения в ч. 4 ст. 89 УИК РФ, заменив словосочетание «без применения технических средств прослушивания» на «без применения технических средств аудиоконтроля и надзора».

Обращает на себя внимание использованная законодателем конструкция «аудиовизуальные, электронные и иные технические средства надзора и контроля». На сегодняшний день в юридической литературе и законодательстве отсутствует единое мнение относительно содержания данного термина. Так, С. Д. Ковалев обращает внимание на то, что все используемые в настоящее время средства аудиоконтроля и визуального контроля являются электронными и охватываются понятием «электронные технические средства»¹. Ю. Г. Овчинников предлагает закрепить в ст. 5 УПК РФ определение технических средств, под которыми понимается «совокупность технических приборов, устройств, приспособлений, используемых в процессе процессуальных действий, с помощью которых осуществляются обнаружение, фиксация и изъятие значимых для уголовного дела следов, явлений либо событий в целях обеспечения реализации назначения уголовного судопроизводства»². Б. Б. Казак и И. В. Борисенко

рекомендуют ввести термин «электронный мониторинг осужденных», под которым следует подразумевать комплексную систему взаимосвязанных правовых, организационных, технических мероприятий, осуществляемых с помощью электронных средств наблюдения, контроля, накопления информации, направленных на предупреждение, пресечение и раскрытие правонарушений со стороны осужденных³.

Словосочетание «аудиовизуальные, электронные и иные технические средства надзора и контроля» сконструировано при помощи абстрактного казуистического приема законодательной техники. Так, сначала законодатель, применяя казуистический прием, перечисляет наиболее распространенные виды технических средств, а затем с помощью абстрактного приема вводит обобщающую формулировку «иные технические средства надзора и контроля», то есть всевозможные подобные технические средства, в том числе те, которые появятся в будущем. К сожалению, анализируемую конструкцию нельзя признать удачной ввиду ее неоднозначности, возможности расширительного толкования, что может привести к нарушению прав и свобод человека и гражданина.

Сложности с трактовкой рассматриваемого понятия характерны и для судебной практики. Как уже было отмечено, конкретный перечень аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля закреплен в отношении осужденных к ограничению свободы. В связи с этим возникает вопрос: может ли система сигнализации или устройства блокировки сотовой связи в местах лишения свободы относиться к аудиовизуальным, электронным и иным техническим средствам надзора и контроля?

Используя расширительное толкование норм УИК РФ, можно сделать вывод о том, что системы сигнализации подпадают под понятие «иные технические средства надзора и контроля». Однако такая трактовка норм закона не всегда бывает в интересах УИС, чем нередко пользуются осужденные.

Так, осужденный отряда № 6 И. А. Земнухов в суде оспаривал применение к нему дисциплинарного взыскания в виде выговора. Он допустил нарушение установленного порядка отбывания наказания: во время обхода ОК-ШИЗО второго этажа камеры № 4 ОК было выявлено, что данный осужденный сломал сигнализацию на окне для выдачи пищи на двери камеры № 4 ОК, нарушение было зафиксировано видеорегистратором ОК-ШИЗО. Осужденный нарушил п. 16 гл. 3 Правил внутреннего распорядка исправительного учреждения. Судом в удовлетворении административного иска И. А. Земнухову к ФКУ ИК-1 УФСИН России по Хабаровскому краю было отказано⁴.

В основе устройств блокировки сигналов сотовой связи лежат цифровые сигналы выбора диапазона и поддиапазона работы высокочастотного модуля. Наравне с цифровыми сигналами генератор аналоговых сигналов вырабатывает пилообразный сигнал для линейной перестройки несущей частоты высокочастотным модулем и синусоидальный сигнал, которые усиливаются операционными усилителями⁵. Следовательно, данные устройства относятся либо к цифровым, либо к информационно-техническим средствам, но не к аудиовизуальным и электронным средствам контроля и надзора. Таким образом, с точки зрения формального толкования норм уголовно-исполнительного законодательства устройства блокировки сигналов сотовой связи не могут использоваться в исправительных учреждениях пенитенциарной системы.

На основании изложенного, а также в целях соблюдения законодателем правила законодательной техники о единстве используемой терминологии считаем целесообразным в тексте УИК РФ заменить словосочетание «аудиовизуальные, электронные и иные технические средства надзора и контроля» на «специальные технические средств контроля и надзора», закрепив в отдельном правовом акте конкретный перечень технических средств для различных видов исправительных учреждений.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: Ковалев С. Д. Правовое регулирование применения технических средств в УИС России // Рос. следователь. 2007. № 14. С. 27–29.

² Овчинников Ю. Г. Использование электронных технических средств как метод надзора при применении домашнего ареста и ограничения свободы // Там же. 2010. № 8. С. 30–32.

³ См.: Казак Б. Б., Борисенко И. В. Использование электронного мониторинга при контроле за осужденными без изоляции от общества // Там же. 2012. № 9. С. 32–33.

⁴ См.: Решение № 2А-12/2019 2А-12/2019(2А-911/2018);~М-831/2018 2А-911/2018 М-831/2018 от 19 февраля 2019 г. по делу № 2А-12/2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/7S3H65iHVUYV/?page=33®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=®ular-area=®ular-

txt=%D1%82%D0%B5%D1%85%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5+%D1%81%D1%80%D0%B5%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0+%D0%BD%D0%B0%D0%B4%D0%B7%D0%BE%D1%80%D0%B0+%D0%B8+%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BB%D1%8F&_=1615148602300®ular-judge=&snippet_pos=3440#snippet (дата обращения: 15.01.2021).

⁵ См.: Степанов В. А. Схема устройства блокировки систем сотовой связи в общественных местах и учебных заведениях. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/shema-ustroystva-blokirovki-sistem-sotovoy-svyazi-v-obschestvennyh-mestah-i-uchebnyh-zavedeniyah/viewer> (дата обращения: 15.01.2021).

¹ См.: Kovalev S. D. Pravovoe regulirovanie primeneniya texnicheskix sredstv v UIS Ros-sii // Ros. sledovatel'. 2007. № 14. S. 27–29.

² Ovchinnikov Yu. G. Ispol'zovanie e'lektronny'x texnicheskix sredstv kak metod nadzora pri primenenii domashnego aresta i ogranicheniya svobody' // Tam zhe. 2010. № 8. S. 30–32.

³ См.: Kazak B. B., Borisenko I. V. Ispol'zovanie e'lektronnogo monitoringa pri kontrole za osuzhdenny'mi bez izolyacii ot obshhestva // Tam zhe. 2012. № 9. S. 32–33.

⁴ См.: Reshenie № 2A-12/2019 2A-12/2019(2A-911/2018;)-M-831/2018 2A-911/2018 M-831/2018 ot 19 fevralya 2019 g. po delu № 2A-12/2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/7S3H65iHVUYV/?page=33®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=®ular-area=®ular-txt=%D1%82%D0%B5%D1%85%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5+%D1%81%D1%80%D0%B5%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0+%D0%BD%D0%B0%D0%B4%D0%B7%D0%BE%D1%80%D0%B0+%D0%B8+%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BB%D1%8F&_=1615148602300®ular-judge=&snippet_pos=3440#snippet (дата обращения: 15.01.2021).

⁵ См.: Stepanov V. A. Sxema ustrojstva blokirovki sistem sotovoy svyazi v obshhestvenny'x mestax i uchebny'x zavedeniyax. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/shema-ustrojstva-blokirovki-sistem-sotovoy-svyazi-v-obschestvennyh-mestah-i-uchebnyh-zavedeniyah/viewer](https://cyberleninka.ru/article/n/shema-ustroystva-blokirovki-sistem-sotovoy-svyazi-v-obschestvennyh-mestah-i-uchebnyh-zavedeniyah/viewer) (дата обращения: 15.01.2021).

Отдельные основы уголовно-исполнительного и иного надзора за контингентом в местах лишения свободы

В. А. ПОНИКАРОВ – профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент

В статье раскрываются содержание и признаки надзора, даются рекомендации по совершенствованию уголовно-исполнительного законодательства. Автором уголовно-исполнительный надзор рассматривается в качестве профилактики правонарушений. Проанализированы проблемы, возникающие при осуществлении надзора за осужденными в исправительных учреждениях, предложены некоторые направления реформирования уголовно-исполнительного надзора.

Ключевые слова: эволюция; уголовно-исполнительная деятельность; исправительное учреждение; надзор; характерные признаки; осужденные; уголовно-исполнительная система; институт; уголовно-исполнительное право.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Поникаров В. А. Отдельные основы уголовно-исполнительного и иного надзора за контингентом в местах лишения свободы. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 1 (11), с. 51–54. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-51-54.

Some elements of penal and other supervision over the contingent in places of deprivation of liberty

V. A. PONIKAROV – Professor of the Department of Administrative and Financial Law of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor

The article reveals the content and features of supervision, gives recommendations for improving the penal legislation. The author considers penal supervision as the prevention of offenses. The problems arising in the implementation of supervision over convicts in correctional institutions are analyzed, some directions of reforming the penal supervision are proposed.

Key words: evolution; penal activity; correctional institution; supervision; characteristic signs; convicts; penal system; institute; penal law.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Ponikarov V. A. Some elements of penal and other supervision over the contingent in places of deprivation of liberty. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 1 (11), pp. 51–54. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-51-54.

В Советском государстве существовала четко выстроенная система предупреждения совершения преступлений, которая включала в себя различные органы, службы, подразделения, а также трудовые коллективы и общественные организации. Этому были посвящены научные работы.

Проблема предупреждения преступлений со стороны осужденных граждан также не оставалась без внимания. Усилия, направленные на приобщение правонарушителя к социально одобряемому образу жизни, при отсутствии постоянного надзора за его поведением не дают желаемого результата. Не

обладая привычками общественно полезной деятельности и не желая изменять свои убеждения, осужденные обычно стремятся уклониться от всякого воздействия на них. В связи с этим надзор за осужденными выступает в качестве средства, обеспечивающего «срабатывание» мер воспитательного воздействия. Одновременно он оказывает самостоятельное психолого-педагогическое воздействие на осужденных по нейтрализации их криминогенных намерений: побуждает их осознать необходимость вести себя соответствующим образом, в том числе не совершать преступлений. Непрерывный надзор исключает совершение побегов. Режим представляет собой правовой порядок отбывания назначенного наказания, являясь основой карательно-воспитательного процесса. Именно поведение осужденных, связанное с действием права, как раз и образует правопорядок.

В системе индивидуально-профилактической деятельности надзор занимает важное место. В результате его осуществления выявляются:

1) каналы поступления к осужденным запрещенных предметов, алкоголя, наркотических веществ, денег;

2) факты неправомерного поведения осужденных и их взаимоотношений, которые могут привести к преступлениям (различные конфликты, картежные игры);

3) случаи изготовления колюще-режущих предметов и условия, способствующие этому.

Значительная роль принадлежит надзору и в проверке результатов проводимых профилактических мероприятий.

Посредством его осуществления обеспечивается сбор информации, крайне необходимой для успешной реализации целенаправленной профилактической деятельности. Рассмотрение целевого назначения надзора за осужденными, системы решаемых им задач позволяет сформулировать основные направления его воздействия на процесс исполнения наказания, то есть функции.

Функциями надзора за осужденными являются:

1) обеспечение карательно-воспитательного процесса (осужденный отбывает наказание, и в этом прослеживается определенная кара);

2) контроль за поведением осужденных;

3) психолого-педагогическое (воспитательно-предупредительное) воздействие;

4) информационное обеспечение процесса исполнения наказания.

В конце 1999 г. существующая система предупреждения преступности была полностью разрушена, в 2000-х гг. ее место занял надзор.

Проблеме надзора за лицами, вернувшись из колонии, посвящено большое количество изданий¹. Однако до сих пор не выработано единого мнения о природе надзора: одни ученые полагают, что надзор – это предупреждение криминала², другие – мера пресечения³.

На наш взгляд, за нарушение надзора должна быть установлена максимально жесткая ответственность, вплоть до уголовной. Например, в СССР была установлена уголовная ответственность за нарушение надзора, и основной объем полномочий в этой сфере выполняли органы внутренних дел.

В рамках нашего исследования было проведено интервьюирование, целью которого были повышение эффективности и совершенствование надзора за осужденными. В опросе приняли участие 288 сотрудников УИС и полиции из Барнаула, Воронежа, Москвы, Рязани, Тулы, Якутска.

Большинство опрошенных полагает, что за нарушение подобного надзора необходимо привлекать к уголовной ответственности.

Постоянный контроль за осужденными практически исключает самовольное оставление ими рабочих мест, халатное отношение к труду с их стороны, грубое нарушение правил техники безопасности и пожарного надзора, непроизводительные потери рабочего времени за счет изготовления продукции, не предусмотренной плановым заданием, в том числе и запрещенных к хранению и использованию в ИК предметов, случаи умышленной порчи и вывода из строя промышленного оборудования. Таким образом проявляется большой потенциал экономического и воспитательного воздействия общественно полезного труда.

Механизм обеспечения надзорных средств исправления и перевоспитания формируется так же, как при реализации политико-воспитательной работы и общественного труда.

Особый интерес представляет исследование механизма непосредственного влияния надзора на решение задачи приватной превенции.

Предупреждение совершения новых преступлений (приватная превенция) со стороны лиц, отбывающих наказание, является результатом суммированного воздействия на поведение осужденных всех элемен-

тов карательно-воспитательного процесса. Большая роль в решении задачи превенции принадлежит целенаправленной профилактической работе.

Основная (всеобщая) причина совершения осужденными новых преступлений в исправительных учреждениях – наличие в их сознании устойчивых антиобщественных воззрений, убеждений и обычаев. Существенное влияние на состояние, динамику и структуру преступности среди осужденных оказывает качественный состав лиц, отбывающих наказание. Преобладание в местах лишения свободы осужденных со стойкой антиобщественной направленностью создает наиболее опасную криминогенную среду со всеми вытекающими последствиями.

Преобладание личностного фактора в детерминации преступного поведения осужденных в исправительных учреждениях требует целенаправленного профилактического воздействия на конкретных осужденных. Поэтому основным содержанием функции предупреждения преступления с их стороны должна быть целенаправленная деятельность индивидуально-профилактического характера.

В содержание индивидуально-профилактической работы входят:

1) выявление индивидуальных криминогенных наклонностей у осужденных и причин, которые могут повлиять на их реализацию;

2) изучение связей таких осужденных и окружающих условий;

3) создание условий, исключающих реализацию конкретных преступных намерений;

4) устранение источников вредного влияния;

5) воспитательное воздействие на личность осужденного, изменение его внутреннего преступного убеждения;

6) контроль за его поведением, периодическая проверка результатов проводимых профилактических мер.

Выявление индивидуальных криминогенных наклонностей у осужденных и причин, которые влияют на их реализацию в условиях исправительной колонии, осуществляется в результате различной деятельности по исполнению наказания. В одних случаях это следствие специальных мероприятий, направленных на выявление криминогенных факторов, в других – результат качественно иных мероприятий, имеющих иное назначение. По сравнению с другими источника-

ми информации, направленной на изучение осужденных, их связей и окружающих условий, надзор дает возможность визуально проконтролировать эти связи и условия, лично убедиться в их влиянии на осужденного. В осуществлении надзора участвуют различные категории сотрудников колонии, что само по себе гарантирует не только значительный объем информации, но и ее многоплановость.

При проведении нашего исследования мы получили следующие основные результаты:

– рассмотрены сущность и содержание надзора за осужденным;

– проанализирована практика реализации норм, устанавливающих исполнительный надзор.

В процессе управления надзором может возникнуть целый ряд самостоятельных проблем технического порядка, связанных с оперативной передачей команд в соответствии с происходящими изменениями в обстановке, стилизацией и формализацией учетов информации, ее передачей и кодированием, использованием средств надзора. Каждая из таких проблем нуждается в самостоятельном научном и практическом разрешении. Однако трудности такого порядка, на наш взгляд, не влекут серьезных препятствий в управлении системой надзора по рассматриваемой схеме.

Полагаем, что повышение эффективности надзора в обеспечении режима отбывания наказания осужденными и осуществлении карательно-воспитательного процесса в целом требует совершенствования управления, в частности улучшения согласованности между управляющей и управляемой системами.

Такое взаимодействие должно выражаться в регулярном обмене информацией о состоянии, изменениях в оперативно-служебной обстановке, объеме выполняемых задач и их результатах; совместной разработке вопросов организации, содержания, форм контроля за поведением осужденных; осуществлении мероприятий по усилению изоляции осужденных; выполнении установленных объемов службы нарядами контролеров (считаем, что их надо называть надзирателями, как это было в царской России) и задействованными лицами от служб исправительной колонии; создании необходимых условий по осуществлению надзора; повышению качества обучения, воспитания личного состава и контроля за несением службы; разработке и осуществлению ме-

роприятий по предупреждению правонарушений, укреплению режима и дисциплины среди осужденных; проведении совместных действий сотрудниками исправительной колонии и личным составом полиции (в случае осложнения обстановки или возникновения эксцессов среди осужденных). Взаимодействие должно быть особенно тесным и четким в осуществлении надежной охраны объектов, усилении изоляции осужденных при внедрении технических средств в систему надзора.

Надзору присущи следующие признаки: а) имеет свое юридическое основание; б) направлен на предупреждение кримина-

ла; в) регламентируется локальными актами.

Итак, сущность надзора заключается в установлении профилактических мер, способствующих предупреждению совершения преступлений.

Таким образом, соблюдение осужденными правил режима и дисциплины, создание и поддержание установленного правопорядка в колонии в решающей степени зависят от системы организации надзора и соответствующего реагирования на каждое нарушение осужденными правил режима, их общих и специфических обязанностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Перец В. И. Правовые и организационные проблемы осуществления милицией гласного административного надзора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980. С. 5.

² См.: Векленко В. В., Бекетов О. И. Административный надзор милиции за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: аргументы в пользу восстановления // Полицейское право. 2006. № 1. С. 40–43.

³ См.: Гуськов В. И., Иванов А. П. Роль административного надзора в профилактике рецидива преступлений : учеб. пособие. Рязань, 1982; Архипов Д. Н., Гришин Д. А., Поникаров В. А. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, осуществляемый полицией и учреждениями пенитенциарной системы России : моногр. Рязань, 2011.

⁴ См.: Серегин А. В. Административная ответственность за нарушение общественного порядка. М., 1968.

⁵ См.: Бахрах Д. Н. Советское законодательство об административной ответственности. Пермь, 1969. С. 116–149.

¹ Sm.: Perecz V. I. Pravovy`e i organizacionny`e problemy` osushhestvleniya miliciej glasnogo administrativnogo nadzora : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1980. S. 5.

² Sm.: Veklenko V. V., Beketov O. I. Administrativny`j nadzor milicii za liczami, osvobozhdenny`mi iz mest lisheniya svobody` : argumenty` v pol`zu vosstanovleniya // Policejskoe pravo. 2006. № 1. S. 40–43.

³ Sm.: Gus`kov V. I., Ivanov A. P. Rol` administrativnogo nadzora v profilaktike recidiva prestuplenij : ucheb. posobie. Ryazan`, 1982; Arhipov D. N., Grishin D. A., Ponicarov V. A. Administrativny`j nadzor za liczami, osvobozhdenny`mi iz mest lisheniya svobody`, osushhestvlyaemy`j policiej i uchrezhdeniyami penitenciarnoj sistemy` Rossii : monogr. Ryazan`, 2011.

⁴ Sm.: Seregin A. V. Administrativnaya otvetstvennost` za narushenie obshhestvennogo poryadka. M., 1968.

⁵ Sm.: Baxrax D. N. Sovetskoe zakonodatel`stvo ob administrativnoj otvetstvennosti. Perm`, 1969. S. 116–149.

Об отдельных аспектах принудительных мер воспитательного воздействия на несовершеннолетних

Э. С. РАХМАЕВ – заместитель начальника экономического факультета Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

А. М. ПОТАПОВ – начальник факультета профессионального обучения и дополнительного профессионального образования ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Гуманизация уголовной и уголовно-исполнительной политики на современном этапе особенно отчетливо проявляется в отношении несовершеннолетних, в частности при освобождении их от уголовной ответственности путем применения принудительных мер воспитательного воздействия. В статье рассматриваются история становления анализируемого правового института, поэтапный процесс его развития, делаются выводы о современном состоянии, количестве и содержании мер воспитательного воздействия, приводятся статистические данные об их применении, раскрываются существующие в данной области проблемы. В частности, отмечается незначительность доли применения судами мер воспитательного воздействия при сохранении высокого удельного веса преступлений несовершеннолетних небольшой и средней тяжести. Констатируется, что сложившаяся судебная практика обусловлена наличием пробелов в уголовно-правовом регулировании применения мер воспитательного воздействия, а их реализация сопряжена с недостатками законодательства, определяющего государственную политику в отношении детей и подростков. На основе анализа существующих проблем, а также оценки зарубежного опыта применения аналогичных мер к несовершеннолетним предлагаются варианты их решения, связанные с принятием отдельных нормативных правовых актов или внесением изменений в действующие, определяющие механизм реализации мер воспитательного воздействия; созданием государственного органа с соответствующей компетенцией; расширением участия общественных организаций в условиях сокращения специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа.

Ключевые слова: уголовный закон; принудительные меры воспитательного воздействия; несовершеннолетний.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Рахмаев Э. С., Потапов А. М. Об отдельных аспектах принудительных мер воспитательного воздействия на несовершеннолетних. *Ius publicum et privatum* : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права, 2021, № 1 (11), с. 55–61. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-55-61.

On certain aspects of compulsory measures of educational influence on minors

E. S. RAKHMAEV – Deputy Head of the Faculty of Economics of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor;

A. M. POTAPOV – Head of the Faculty of Professional Training and Additional Professional Education of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

The humanization of criminal and penal policy at the present stage is especially clearly manifested in relation to minors, in particular, when they are released from criminal liability through the use of compulsory educational measures. The article examines the history of the formation of the analyzed legal institution, the step-by-step process of its development, draws conclusions about the current state, the number and content of educational measures, provides statistical data on their application, reveals the problems existing in this area. In particular there is an insignificant share of the use of educational measures by the courts, while maintaining a high proportion of juvenile crimes of small and medium gravity. It is stated that the existing judicial practice is due to the presence of gaps in the criminal legal regulation of the use of measures of educational influence, and their implementation is associated with the shortcomings of the legislation that determines the state policy in relation to children and adolescents. On the basis of an analysis of existing problems as well as an assessment of foreign experience in applying similar measures to minors options for their solution are proposed related to the adoption of certain regulatory legal acts or amendments to existing ones that determine the mechanism for implementing measures of educational influence; creation of a state body with appropriate competence; the expansion of the participation of public organizations in the context of the reduction of special educational institutions of a closed type.

Key words : criminal law; compulsory educational measures; minor.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Rakhmaev E. S., Potapov A. M. On certain aspects of compulsory measures of educational influence on minors. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 1 (11), pp. 55–61. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-55-61.

Уголовная ответственность несовершеннолетних и формы ее реализации в историческом контексте, а также в современном виде представляют повышенный интерес как для государства в законодательной и правоприменительной сферах, так и для исследователей. Это обусловлено особенностями совершения преступлений несовершеннолетними, специфическими чертами их личности, возрастными ограничениями привлечения к уголовной ответственности, видами применяемых мер принуждения, характером последствий реализации уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия. При этом определяющим фактором, влияющим на динамику развития института уголовной ответственности и наказания лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте, выступает процесс гуманизации уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, а также практики деятельности государственных органов и иных организаций в соответствующей сфере. Основными тенденциями при этом являются, во-первых, ограничение применения уголовных наказаний, связанных с лишением свободы, во-вторых, расширение практики назначения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией несовершеннолетних от общества, в-третьих, поиск путей активизации применения иных мер уголовно-правового характера и мер воспитательного воздействия на несовер-

шеннолетних и, в-четвертых, расширение круга субъектов, привлекаемых для обеспечения указанных выше процессов (специализированных государственных органов, общественности и др.).

Все это в полной мере относится и к ситуации, сложившейся в Российской Федерации, что обусловлено действием международных стандартов в сфере назначения и исполнения уголовных наказаний, в частности Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних 1985 г.¹

Во исполнение предписаний, содержащихся в указанном документе, государства должны минимизировать ограничение свободы несовершеннолетних и иметь гибкую систему мер воздействия, не связанных с изоляцией от общества.

Особое место в этом контексте занимают меры воздействия на несовершеннолетних, не связанные с назначением и исполнением уголовных наказаний, но позволяющие дать уголовно-правовую оценку деянию, а также оказывающие определенное влияние на сознание и поведение правонарушителей. Прежде всего, речь идет о принудительных мерах воспитательного воздействия на несовершеннолетних, так как они в большей степени способны обеспечить благополучие подростка и соизмеримы как с особенностями его личности, так и с обстоятельствами правонарушения.

Первое упоминание о специальных мерах уголовно-правового воздействия в отношении несовершеннолетних встречается в Соборном уложении 1649 г. Дальнейшее законодательное закрепление они получили в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, Уголовном уложении 1903 г. Данные источники предусматривали два критерия малолетства:

– до 10 лет (в данном случае малолетние лица в случае совершения преступления полностью освобождались от назначения наказания);

– до 17 лет (в этом возрасте лица освобождались от наказания с применением принудительных мер только в том случае, если они не понимали значения своих поступков или не руководили своими действиями).

Стоит отметить, что дореволюционному уголовному законодательству был присущ сравнительно гуманный подход к несовершеннолетним правонарушителям.

Возрастные особенности несовершеннолетних преступников учитывались на всех стадиях реализации уголовной ответственности. Особая роль в работе с малолетними правонарушителями отводилась общественности и религиозным организациям, поэтому суды в качестве воспитательных мер широко применяли передачу несовершеннолетнего благонадежным лицам, родственникам, помещение в монастырь или иное учреждение соответствующего вероисповедания.

Принудительные меры воспитательного воздействия нашли отражение и в первых декретах советской власти. Например, ст. 2 декрета СНК «О комиссиях для несовершеннолетних» закрепляла положение о том, что в случае совершения общественно опасного деяния лицом в возрасте до 17 лет комиссия о несовершеннолетних могла применить к нему «одну из двух мер: либо освободить от уголовной ответственности несовершеннолетнего правонарушителя, либо направить в детский дом, коммуну, приют или приемник Народного комиссариата общественного призрения соответственно характера деяния»².

Отношение к принудительным мерам воспитательного воздействия неоднократно менялось. Они рассматривались и как медико-педагогические меры, и как меры социальной защиты. И только в 1958 г., после принятия Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик,

указанные меры получили статус специального вида освобождения несовершеннолетних от уголовного наказания.

Рассматривая генезис принудительных мер воспитательного воздействия после 1917 г., можно отметить, что они использовались достаточно широко. В то же время позитивный опыт их применения в действующем законодательстве учитывался не всегда³. В частности, уголовный закон по-прежнему не дает определения самого понятия «принудительные меры воспитательного воздействия», отсутствует понятие государственного органа, контролирующего исполнение назначенной несовершеннолетнему принудительной меры, и т. д.

Отличительной чертой действующих в современном российском законодательстве принудительных мер воспитательного воздействия выступает область их применения. В соответствии с ч. 2 ст. 87 УК РФ к несовершеннолетним, совершившим преступления, могут быть применены принудительные меры воспитательного воздействия либо им может быть назначено наказание. Уникальность рассматриваемых принудительных мер заключается в том, что они могут применяться к несовершеннолетним и как альтернатива уголовному наказанию, и как основание для освобождения от уголовной ответственности. По мнению ряда специалистов, «такое разнообразие в применении принудительных мер воспитательного воздействия, с одной стороны, позволяет значительно расширить возможности таких средств, но с другой – вызывает определенные трудности с установлением их места в системе мер уголовно-правового характера»⁴.

Содержание и особенности применения принудительных мер раскрываются законодателем в ст. 90–92 УК РФ. Стоит отметить, что по сравнению с советским периодом значительно сократилось их число – с семи до пяти. В настоящее время к принудительным мерам воспитательного воздействия закон относит:

- предупреждение;
- передачу под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа;
- возложение обязанности загладить причиненный вред;
- ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего;
- помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа

органа управления образованием (ч. 2 ст. 92 УК РФ).

Общими признаками рассматриваемых принудительных мер являются:

а) специальная целевая направленность таких мер (применяются только к несовершеннолетним, а некоторые с определенными ограничениями и к лицам в возрасте до 20 лет);

б) наличие элементов принуждения, которые, как правило, выступают в виде различного рода лишений и правоограничений. Принудительный характер рассматриваемых мер обусловлен рядом факторов: во-первых, они реализуются независимо от воли несовершеннолетнего или лица, представляющего его интересы, во-вторых, назначение судом создает обязанность их неукоснительного исполнения;

в) специальные ограничения по срокам применения;

г) цель исправления достигается путем оказания корректирующего, воспитательного воздействия на поведение несовершеннолетнего.

К сожалению, судебная практика применения принудительных мер воспитательного воздействия свидетельствует не в их пользу⁵. В настоящее время чаще всего к несовершеннолетним преступникам применяется условное осуждение к лишению свободы. Так, в 2019 г. в Российской Федерации данное наказание было назначено 37 % от общего числа осужденных подростков, реальное лишение свободы – 16,3 %. Только 1,7 % несовершеннолетних, освобожденных от наказания, направлены в специализированные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, еще 4 % назначены иные принудительные меры воспитательного воздействия⁶. Таким образом, суды в некотором роде пренебрегают разъяснениями, данными в п. 31 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 71 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»⁷. Там указано, что суды не должны назначать уголовное наказание несовершеннолетним, совершившим преступления небольшой или средней тяжести, если их исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия. В данном случае, по мнению Е. Марковичевой, совершенно «игнорируется то, что сами несовершеннолетние осужденные такой итог судебного разбиратель-

ства вполне могут воспринимать как некое общественное прощение содеянного ими. В результате значительное их количество совершает преступления повторно, зачастую до истечения срока условного осуждения»⁸.

Большинство правоведов справедливо отмечает, что правоприменитель не рассматривает принудительные меры воспитательного воздействия в качестве достойной альтернативы уголовному наказанию⁹. В определенной степени с этим утверждением можно согласиться, особенно в отношении таких принудительных мер воспитательного воздействия, как предупреждение или передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, учитывая, что предупреждение по своему содержанию не должно быть связано с сильным принудительным воздействием, его цель и задачи выражены в воздействии на сознание несовершеннолетнего самим фактом его вынесения, отсутствием материальных последствий и формализованных процедур оценки его эффективности. В отношении передачи под надзор родителей или лиц, их заменяющих, сложно не согласиться с правоприменителем по поводу отсутствия мотивации передачи под надзор лицам, которые ранее не справились со своими обязанностями по контролю за несовершеннолетними, что и повлекло совершение преступления.

Что касается принудительных мер воспитательного воздействия в виде передачи под надзор специализированного государственного органа, возложения обязанности загладить причиненный вред или ограничения досуга и установления особых требований к поведению несовершеннолетнего, то элемент принуждения в их содержании присутствует, что очевидным образом повышает их потенциальную эффективность.

Основаниями для применения принудительных мер воспитательного воздействия в соответствии со ст. 92 УК РФ являются:

- совершение преступления небольшой или средней тяжести (ч. 1 ст. 90 УК РФ);
- совершение несовершеннолетним преступления средней тяжести или тяжкого преступления (ч. 2 ст. 92 УК РФ);
- доказательство виновности подростка в совершении преступления.

Для помещения несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение необходимо соблюсти два дополнительных условия:

- 1) наличие медицинского заключения о возможности пребывания несовершеннолетнего осужденного в таком учреждении;

2) установление возможности исправления несовершеннолетнего в особых условиях воспитания и обучения и требование специального педагогического подхода.

Из этого следует, что решение вопроса об освобождении несовершеннолетнего от наказания и применении к нему принудительных мер представляет собой достаточно сложную оценочную деятельность суда. В связи с этим нельзя не согласиться с мнением О. В. Волынской, отмечающей в одной из своих работ, что «достоверность предвидения поведения виновного будет находиться в зависимости от того, насколько тщательно установлены и проанализированы все признаки, характеризующие в совокупности обстоятельства дела (особенности деяния, его мотивация, степень участия лица в преступлении и т. п.), и данные о его личности»¹⁰.

Почему же механизм применения принудительных мер воспитательного воздействия в судебной практике не работает или работает недостаточно хорошо? Многочисленные научные работы, результаты эмпирических исследований свидетельствуют, что главной причиной столь редкого использования принудительных мер воспитательного воздействия в судебной практике является несовершенство законодательства Российской Федерации, определяющего государственную политику в отношении детей и подростков¹¹. В связи с этим необходимо на федеральном уровне проработать вопрос принятия отдельного закона, который бы регламентировал аспекты, связанные с применением принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних.

К примеру, анализ конкретных уголовных дел показал, что в случае избрания таких мер, как передача под надзор специализированного государственного органа или ограничение досуга, у суда нередко возникают проблемы с определением, какой государственный орган должен их исполнять. В соответствии со ст. 4 федерального закона от 24.06.1999 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» обязанность обеспечивать исправление несовершеннолетнего по решению суда возлагается на комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, а также специальные подразделения УМВД. Однако фактически к реализации принудительных мер эти органы никакого отношения не имеют. В результате назначенные меры не применяются на практике. Следует согласиться с мнением Л. И. Беля-

евой, отмечающей, что в Российской Федерации отсутствует механизм реализации некоторых принудительных мер воспитательного воздействия¹².

Немаловажной при применении принудительных мер воспитательного воздействия остается проблема, связанная с созданием и функционированием специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа. В настоящее время в связи с отсутствием необходимых для их содержания финансовых средств многие специальные учебно-воспитательные учреждения прекратили свою деятельность. Подобное положение создает серьезные трудности для реализации такой принудительной меры, как помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. На наш взгляд, упразднение специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа вряд ли оправдано в условиях отсутствия достаточных альтернатив для уголовно-правового воздействия на несовершеннолетних, не связанных с уголовным наказанием. При этом в современных условиях, как мы уже отмечали, уголовно-правовой наукой ставится вопрос о необходимости расширения практики применения мер воспитательного воздействия, а не о снижении эффективности механизмов их реализации. В этой связи необходимо отметить, что на современном этапе уголовная и уголовно-исполнительная политика активно движется в сторону сокращения объемов назначения лишения свободы и в то же время наращивает применение уголовно-правовых мер, не связанных с изоляцией осужденного от общества. Данные тенденции вызваны влиянием международных стандартов и гуманизацией российского общества. При этом в ряде международных нормативно-правовых документов, в частности в Минимальных стандартах правил Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийских правилах), резолюции Совета ООН по экономическим и социальным вопросам 1951 г. и др., весомая роль в деле обращения с несовершеннолетними правонарушителями отводится пробации. В настоящее время такие службы созданы и успешно функционируют во многих европейских странах (Чехии, Дании, Норвегии, Великобритании и т. д.), США, странах бывшего СССР. В круг их задач входит контроль за несовершеннолетними, к которым применены принудительные меры воспитательного воздействия, оказание им помощи в социальной интеграции. Данный

опыт, безусловно, необходимо изучать и при необходимости применять в отечественной уголовно-правовой сфере.

Таким образом, подводя итоги, можно сделать ряд выводов:

– во-первых, правоприменитель сместил акценты с принудительных мер воспитательного воздействия на несовершеннолетних на применение условного осуждения и уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, что, на наш взгляд, вряд ли оправдано;

– во-вторых, некоторые принудительные меры воспитательного воздействия на несовершеннолетних не являются эффективными (предупреждение, передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих), что свидетельствует о необходимости пересмотра их содержания и сущности;

– в-третьих, несовершенство законодательства Российской Федерации, определяющего государственную политику в отношении детей и подростков, накладывает ограничения на деятельность специализированных государственных органов, участвующих в реализации принудительных мер воспитательного воздействия. Их не-

посредственные функции не всегда соотносятся с целями принудительных мер воспитательного воздействия. Мы разделяем высказываемые мнения о необходимости принятия отдельного федерального закона, регламентирующего вопросы, связанные с применением принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних, и определяющего конкретный специализированный государственный орган, реализующий данные меры;

– в-четвертых, наряду с уже сформулированным предложением о создании специализированного государственного органа, отвечающего за реализацию принудительных мер воспитательного воздействия, считаем целесообразным рассмотреть вопрос о введении в Российской Федерации службы пробации с возложением на нее функции сопровождения несовершеннолетних, к которым применены принудительные меры воспитательного воздействия, не требующие контроля со стороны специализированного органа. Мы отдаем себе отчет в том, что этот момент является дискуссионным и требует дальнейшего обсуждения в части механизма реализации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing.shtml (дата обращения: 26.02.2020).

² Собр. узаконений РСФСР. 1918. № 16. Ст. 227.

³ См.: Карелин Д. В. Принудительные меры воспитательного воздействия как альтернатива уголовной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2001. С. 12.

⁴ Боровиков С. А. О месте принудительных мер воспитательного воздействия в системе мер уголовно-правового характера // Уголов.-исполнит. система: право, экономика, упр. 2006. № 3. С. 34–37; Звечаровский И. Э. Меры уголовно-правового характера: понятие, виды, система // Законность. 1999. № 3. С. 38–39.

⁵ См.: Антонян Е. А. Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы назначения и применения // LEX RUSSICA. 2018. № 9. С. 112–113.

⁶ См.: Форма № 12 Судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 26.06.2020).

⁷ См.: Рос. газ. 2011. 11 февр.

⁸ Марковичева Е. Механизм применения принудительных мер воспитательного воздействия // Уголов. право. 2007. № 6. С. 126.

⁹ См.: Карпов К. Н., Николаев К. Д., Фисенко Д. Ю. Практика применения принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним // Законодательство и практика. 2016. № 2. С. 63.

¹⁰ Волынская О. В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: теоретические и организационно-правовые проблемы. М., 2007. С. 244–245.

¹¹ См.: Поводова Е. В. Принудительные меры воспитательного воздействия (проблемы теории и правового регулирования) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 3.

¹² См.: Беляева Л. И. Об альтернативах для несовершеннолетних правонарушителей // Развитие альтернативных санкций в российской уголовной юстиции: опыт и перспективы : материалы междунар. науч.-практ. конф. М., 2002. С. 88.

¹ См.: URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing.shtml (дата обращения: 26.02.2020).

² Собр. узаконений РСФСР. 1918. № 16. Ст. 227.

³ См.: Карелин Д. В. Принудительные меры воспитательного воздействия как альтернатива уголовной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2001. С. 12.

⁴ Боровиков С. А. О месте принудительных мер воспитательного воздействия в системе мер уголовно-правового характера // Уголов.-исполнит. система: право, экономика, упр. 2006. № 3. С. 34–37; Звечаровский И. Э. Меры уголовно-правового характера: понятие, виды, система // Законность. 1999. № 3. С. 38–39.

⁵ См.: Антонян Е. А. Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы назначения и применения // LEX RUSSICA. 2018. № 9. С. 112–113.

⁶ См.: Форма № 12 Судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 26.06.2020).

⁷ См.: Рос. газ. 2011. 11 февр.

⁸ Markovicheva E. Mexanizm primeneniya prinuditel'ny'x mer vospitel'nogo vozdejstviya // Ugolov. pravo. 2007. № 6. S. 126.

⁹ Sm.: Karpov K. N., Nikolaev K. D., Fisenko D. Yu. Praktika primeneniya prinuditel'ny'x mer vospitel'nogo vozdejstviya k nesovershennoletnim // Zakonodatel'stvo i praktika. 2016. № 2. S. 63.

¹⁰ Voly'nskaya O. V. Prekrashhenie ugovnogo dela i ugovnogo presledovaniya: teoreticheskie i organizacionno-pravovy'e problemy'. M., 2007. S. 244–245.

¹¹ Sm.: Povodova E. V. Prinuditel'ny'e mery' vospitel'nogo vozdejstviya (problemy' teorii i pravovogo regulirovaniya) : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2005. S. 3.

¹² Sm.: Belyaeva L. I. Ob al'ternativax dlya nesovershennoletnix pravonarushitelej // Razvitie al'ternativny'x sankcij v rossijskoj ugovnoy yusticii: opyt i perspektivy' : materialy' mezhdunar. nauch.-prakt. konf. M., 2002. S. 88.

DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-62-66

УДК 343.261.4

Административно-правовые меры противодействия проникновению запрещенных предметов в места лишения свободы

А. М. РУДАКОВ – научный сотрудник организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России;

Д. Е. ФАРАФОНОВ – курсант 4 курса юридического факультета ВИПЭ ФСИН России

Статистические данные подтверждают, что проникновение запрещенных предметов в места лишения свободы в настоящее время остается актуальной проблемой. Способы и пути их передачи постоянно совершенствуются, а существующие меры противодействия этому не способны снизить мотивацию правонарушителей. В статье рассматриваются административно-правовые и социально-экономические меры, которые, по мнению авторов, смогут оказать влияние на лиц, замышляющих правонарушения; раскрывается общественно-политическое значение обеспечения безопасности в исправительных учреждениях.

Ключевые слова: запрещенные предметы; административно-правовые меры; осужденные; изменение законодательства; места лишения свободы.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Рудаков А. М., Фарафонов Д. Е. Административно-правовые меры противодействия проникновению запрещенных предметов в места лишения свободы. *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 1 (11), с. 62–66. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-62-66.

Administrative and legal measures to counter entering of prohibited articles into places of deprivation of liberty

A. M. RUDAKOV – Researcher of the Organizational and Scientific Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia;

D. E. FARAFONOV – 4th Year Student of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

Statistical data confirm that the penetration of prohibited articles into places of deprivation of liberty is currently an urgent problem. The methods and ways of their transmission are constantly being improved, and the existing countermeasures are not able to reduce the motivation of offenders. The article examines the administrative-legal and socio-economic measures, which, according to the authors, can have an impact on the persons plotting offenses; it reveals the socio-political significance of ensuring security in correctional institutions.

Key words: prohibited articles; administrative and legal measures; convicts; changes in legislation; places of deprivation of liberty.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Rudakov A. M., Farafonov D. E. Administrative and legal measures to counter entering of prohibited articles into places of deprivation of liberty. *Ius publicum et*

В местах лишения свободы содержатся лица, испытывающие агрессию по отношению к свободному гражданскому обществу. Сложность работы со скрытой агрессией усугубляется тем, что осужденные не доверяют сотрудникам уголовно-исполнительной системы, поскольку их образ искажен средствами массовой информации, художественными и псевдодокументальными фильмами, прежним социальным окруже-

нием преступника. Большинство осужденных считают свое наказание несправедливым. Таким образом, сложно представить, как деформированное сознание осужденных может использовать неразрешенные предметы, попавшие на территорию пенитенциарных учреждений. Данные, приведенные в табл. 1, свидетельствуют о большом потенциале пенитенциарной преступности.

Таблица 1

Данные об изъятии запрещенных предметов в исправительных колониях ФСИН России за 2015–2019 гг.¹

Показатели	2015	2016	2017	2018	2019
Среднесписочная численность осужденных	524 738	519 480	495 016	460 923	423 825
Изъято денег (млн руб.)	3,70	3,35	2,67	1,66	1,38
Изъято спиртных напитков промышленного и кустарного производства (л)	37 735,4	34 981,2	31 708,2	32 414	29 081
Изъято наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (г)	77 369,41	46 000,33	43 754,86	53 028,71	65 505,45
Изъято колюще-режущих предметов (ед.)	8352	6064	4397	5865	7363

Сведения из табл. 2 демонстрируют, что количество запрещенных предметов, посту-

пающих в места лишения свободы, не сокращается.

Таблица 2

Данные об изъятии запрещенных предметов при доставке в исправительные колонии ФСИН России за 2018 и 2019 гг.

Наименование запрещенных предметов	2018 ²	2019 ³
Денежные средства	1663,6 тыс. руб. (96,86 % – при доставке)	3229,9 тыс. руб. (84,95 % – при доставке)
Спиртные напитки промышленного производства	2206,3 л (96,66 % – при доставке)	1790,7 л (99,17 % – при доставке)
Наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги	53 028,709 г (93,02 % – при доставке)	70 087,625 г (99,75 % – при доставке)
Средства связи	49 916 единиц (58,87 % – при доставке)	54 807 единиц (57,94 % – при доставке)
Колюще-режущие предметы	5865 единиц	9416 единиц (2,97 % – при доставке)

Важно отметить, что поступление запрещенных предметов к осужденным является фактором, способствующим совершению пенитенциарных преступлений. Так, в 2019 г. на 423 825 осужденных пришлось 1015 преступлений, из них: 5 убийств, 17 действий, дезорганизующих работу ИУ (ч. 3 ст. 321 УК РФ), 27 умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, 110 побегов. Предотвращено 268 преступлений⁴. На 99 948 заключенных (подозреваемых, обвиняемых и

осужденных, содержащихся в следственных изоляторах и тюрьмах) пришлось 151 преступление, в том числе 3 убийства, 1 преступление по ч. 3 ст. 321 УК РФ. Предотвращено 91 преступление⁵. На 1251 несовершеннолетнего осужденного, отбывающего наказание в виде лишения свободы в воспитательных колониях, пришлось 5 преступлений, в том числе 1 умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. Предотвращено 1 преступление⁶.

Следует обратить внимание, что ч. 8, 9 ст. 82 УИК РФ не содержат перечня предметов, запрещенных к использованию в исправительных учреждениях. Вместе с тем в ч. 9 сделан акцент на требованиях по обращению с деньгами, ценными бумагами и иными ценностями, которые изымаются и хранятся в соответствии с Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденными приказом Минюста России от 16.12.2016 № 295.

Одна из первостепенных задач, которую призваны решать оперативные службы, – отделы режима и безопасности, это выявление источников проникновения запрещенных предметов в места лишения свободы, что согласуется с такой целью уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации, как предупреждение совершения новых преступлений осужденными и иными лицами (ч. 1 ст. 1 УИК РФ).

Основные пути и способы доставки запрещенных предметов и веществ в ИУ обозначены А. А. Герасимовым: передача запрещенных предметов во время проведения длительных свиданий; пронос или провоз запрещенных предметов на территорию жилых зон и производственных объектов (непосредственно сотрудником учреждения или его работником из числа гражданского персонала, транспортным средством; осужденными, в том числе из числа тех, кому предоставлено право передвижения без конвоя, иными гражданами); перебросы запрещенных предметов, в том числе с использованием различных приспособлений, техники или животных; переправка запрещенных предметов в посылках, бандеролях, передачах, адресованных осужденным; пересылка денег, наркотиков подставным лицам для последующей передачи осужденным; изготовление запрещенных предметов самими осужденными в ИУ на производственных и иных объектах.

Не стоит забывать, что могут быть использованы и иные способы доставки запрещенных предметов, поскольку осужденные постоянно изыскивают слабые места в организации надзора, недостатки в деятельности администрации исправительных колоний⁷.

На наш взгляд, для решения вопроса о противодействии проникновению и распространению запрещенных предметов в учреждениях ФСИН России необходим комплекс административно-правовых мер, который включает в себя систему оперативных и режимных мероприятий по выявлению и изъятию запрещенных предметов, посту-

пающих в исправительные учреждения, а также запрещенных предметов, изготавливаемых осужденными непосредственно в местах лишения свободы, выявлению и пресечению каналов поступления запрещенных предметов.

Система административно-правовых мер противодействия проникновению и распространению запрещенных предметов представляет собой перечень основных мероприятий профилактического и предупредительного характера, мер пресечения, сопровождения, изучения и выявления способов и средств, каналов поступления, а также лиц, совершающих рассматриваемые правонарушения. Среди них:

- оперативные и режимные меры по выявлению и пресечению каналов поступления запрещенных предметов, лиц, склонных к проносу запрещенных предметов, их оперативному сопровождению, пресечению совершения преступлений с использованием запрещенных предметов;

- обмен передовым опытом оперативных и режимных подразделений по предотвращению распространения запрещенных предметов в ИУ, организация взаимодействия между подразделениями и службами как в рамках одного учреждения, так и между учреждениями;

- правовое информирование личного состава и осужденных об ответственности за изготовление, пронос и распространение запрещенных предметов;

- эффективная организация воспитательной работы с личным составом и осужденными;

- криминологическое исследование мотивов и факторов, способствующих проникновению в ИУ запрещенных предметов;

- оперативное и административное документирование, сопровождение процедуры выявления, обнаружения, фиксации запрещенных предметов, способов их доставки, а также лиц, совершающих правонарушение;

- административная ответственность за пронос запрещенных предметов, процесс доказывания совершенного правонарушения или покушения на совершение правонарушения, административное наказание виновных;

- совершенствование методов, навыков и средств по выявлению ухищренных каналов поступления запрещенных предметов в места лишения свободы, лиц, проносящих запрещенные предметы;

- совершенствование организационно-правовых средств, способов пресечения

проникновения запрещенных предметов в места лишения свободы (ужесточение ответственности, повышение штрафов, введение уголовной ответственности и т. п.).

Исходя из сказанного выше, предлагаем следующие меры административно-правового противодействия проникновению и распространению запрещенных предметов.

1. Повысить организационно-административные требования к качественному сопровождению административного производства по рассматриваемым правона-

рушениям. Так, в результате некачественного документирования административных правонарушений, а также отсутствия юридического сопровождения дел лиц, задержанных за доставку или попытку доставки осужденным запрещенных предметов, судами применяются минимальные санкции, предусмотренные ст. 19.12 КоАП РФ. Это подтверждают данные судебной статистики, представленные в табл. 3. Красноречива разница между показателями «рассмотрено дел» и «подвергнуто наказанию».

Таблица 3

Судебная статистика по ст. 19.12 КоАП РФ⁸ за 2019 г.

Показатель	Передача либо попытка передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, следственных изоляторах или изоляторах временного содержания (ст. 19.12 КоАП РФ)
Рассмотрено дел	5942
Подвергнуто наказанию	4467
Доля наказанных	75
Оправдано	175
Доля оправданных	2
Наказание штрафом	4464
Размер штрафов (тыс. руб.)	13 764
Конфискация	2946
Средняя сумма штрафа (тыс. руб.)	3

2. Ужесточить санкцию ст. 19.12 КоАП РФ, увеличив верхний предел штрафа с 5 тыс. до 50 тыс. руб. (размер заработной платы во втором квартале 2020 г. в среднем по Российской Федерации составил 50 784 руб.⁹), и определять размер штрафа в зависимости от заработной платы нарушителя либо ввести дополнительно две части, предполагающие ужесточение санкций (на примере усиления административного наказания ст. 6.3 КоАП РФ в условиях коронавирусной инфекции), что, на наш взгляд, является весьма актуальным, поскольку оперативная ситуация в местах лишения свободы характеризуется постоянной повышенной готовностью к возникновению угрозы правонарушений и преступлений со стороны спецконтингента. Так, ст. 6.3 КоАП РФ, в соответствии с Федеральным законом от 01.04.2020 № 99-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», была дополнена ч. 2 и 3, предусматривающими значительное ужесточение санкций в случае причинения вреда здоровью человека или наступления смерти человека.

В качестве иного варианта предлагаем ввести в Уголовный кодекс Российской Федерации следующую статью:

«Статья 321.1. Передача либо попытка передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы или изоляторах временного содержания.

Передача либо попытка передачи любым способом лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы или изоляторах временного содержания и иных местах содержания под стражей, предметов, веществ или продуктов питания, приобретение, хранение или использование которых запрещено законом, если прежде лицо было привлечено к административной ответственности, –

наказываются штрафом в размере от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей с конфискацией запрещенных предметов, веществ или продуктов питания либо лишением свободы на срок до трех лет».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: URL: <http://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 02.10.2020).

² См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России (январь–декабрь 2018 г.): информ.-аналит. сб. Тверь, 2019. С. 31.

³ См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России (январь–декабрь 2019 г.): информ.-аналит. сб. Тверь, 2020. С. 35.

⁴ См.: URL: <http://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/> (дата обращения: 14.09.2020).

⁵ См.: Характеристика лиц, содержащихся в следственных изоляторах и тюрьмах. URL: <http://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20CIZOiT/> (дата обращения: 14.09.2020).

⁶ Характеристика лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних. URL: <http://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20VK/> (дата обращения: 14.09.2020).

⁷ См.: Герасимов А. А. Пути и способы доставки запрещенных предметов и веществ в исправительные учреждения // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики : сб. всерос. науч.-практ. конф. (г. Новокузнецк, 25–26 октября 2017 г.). Новокузнецк, 2017. С. 28.

⁸ См.: Административные правонарушения. Показатели по отдельным правонарушениям. URL: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/adm/t/31/s/1> (дата обращения: 15.09.2020).

⁹ См.: Среднемесячная заработная плата в целом по Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326052/ (дата обращения: 15.09.2020).

¹ См.: URL: <http://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 02.10.2020).

² См.: Osnovny`e pokazateli deyatel`nosti ugodovno-ispolnitel`noj sistemy` FSIN Rossii (yanvar`–dekabr` 2018 g.) : inform.-analit. sb. Tver`, 2019. S. 31.

³ См.: Osnovny`e pokazateli deyatel`nosti ugodovno-ispolnitel`noj sistemy` FSIN Rossii (yanvar`–dekabr` 2019 g.) : inform.-analit. sb. Tver`, 2020. S. 35.

⁴ См.: URL: <http://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/> (дата обращения: 14.09.2020).

⁵ См.: Charakteristika licz, soderzhashhixsya v sledstvenny`x izolyatorax i tyur`max. URL: <http://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20CIZOiT/> (дата обращения: 14.09.2020).

⁶ Charakteristika licz, soderzhashhixsya v vospitatel`ny`x koloniyax dlya nesovershennoletnix. URL: <http://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20VK/> (дата обращения: 14.09.2020).

⁷ См.: Gerasimov A. A. Puti i sposoby` dostavki zapreshhenny`x predmetov i veshhestv v ispravitel`ny`e uchrezhdeniya // Ugodovno-ispolnitel`naya sistema segodnya: vzaimodejstvie nauki i praktiki : sb. Vseros. nauch.-prakt. konf. (g. Novokuzneczk, 25–26 oktyabrya 2017 g.). Novokuzneczk, 2017. S. 28.

⁸ См.: Administrativny`e pravonarusheniya. Pokazateli po otdel`ny`m pravonarusheniyam. URL: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/adm/t/31/s/1> (дата обращения: 15.09.2020).

⁹ См.: Srednemesyachnaya zarobtnaya plata v celom po Rossijskoj Federacii. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326052/ (дата обращения: 15.09.2020).

Актуальные вопросы квалификации нарушения санитарно-эпидемиологических правил в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)

А. Л. САНТАШОВ – главный научный сотрудник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент

В статье рассматриваются актуальные проблемы квалификации нарушения санитарно-эпидемиологических правил (ст. 236 УК РФ). Особое внимание уделено анализу судебной практики при токовании таких признаков, как «массовое заболевание или отравление людей» или «создание угрозы наступления таких последствий». Данные вопросы актуализируются автором в связи с распространением и борьбой с новой коронавирусной инфекцией (COVID-19). Прогнозируются возможные негативные сценарии развития ситуации с данным заболеванием в пенитенциарных учреждениях. Делается вывод о том, что ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил, создавшее угрозу наступления таких последствий, может наступать только в случае реальности этой угрозы, когда массовое заболевание или отравление людей не произошло лишь в результате вовремя принятых органами государственной власти, местного самоуправления, медицинскими работниками и другими лицами мер, направленных на предотвращение распространения заболевания (отравления), или в результате иных обстоятельств, не зависящих от воли лица, нарушившего указанные правила.

Ключевые слова: нарушение санитарно-эпидемиологических правил; массовое заболевание или отравление людей; создание угрозы наступления последствий; благополучие человека.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Санташов А. Л. Актуальные вопросы квалификации нарушения санитарно-эпидемиологических правил в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19). *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 1 (11), с. 67–71. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-67-71.

Topical issues of qualifying violations of sanitary and epidemiological rules in the context of the spread of the new coronavirus infection (COVID-19)

A. L. SANTASHOV – Chief Researcher of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Dsc. in Law, Associate Professor

The article discusses topical problems of qualification of violations of sanitary and epidemiological rules (Art. 236 of the Criminal Code of the Russian Federation). Particular attention is paid to the analysis of judicial practice in the case of such signs as “mass illness or poisoning of people” or “the creation of a threat of the onset of such consequences.” These questions are being updated by the author in connection with the spread and fight against the new coronavirus infection (COVID-19). Possible negative scenarios for the development of the situation with this disease in penitentiary institutions are predicted. It is concluded that responsibility for a violation of sanitary and epidemiological rules, which created a threat of the onset of such consequences, can occur only if this threat is real, when a mass illness or poisoning of people did not occur only as a result of timely adopted by state authorities, local self-government, medical employees and other persons of measures aimed at preventing the

spread of the disease (poisoning), or as a result of other circumstances beyond the control of the will of the person who violated these rules.

Key words: violation of sanitary and epidemiological rules; mass illness or poisoning of people; creating a threat of the onset of consequences; human well-being.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Santashov A. L. Topical issues of qualifying violations of sanitary and epidemiological rules in the context of the spread of the new coronavirus infection (COVID-19). *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 1 (11), pp. 67–71. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-67-71.

По состоянию на 20.02.2021 в мире зарегистрировано 110 723 229 случаев заражения COVID-19, 2 452 039 случаев смертельного исхода. Ежедневно количество заболевших лиц и смертельных случаев вследствие заболевания COVID-19 увеличивается. Исходя из статистических данных, следует признать, что речь может идти об угрозе мирового масштаба.

Ситуация, связанная с распространением новой коронавирусной инфекции, является сложной и для Российской Федерации. Так, по состоянию на 20.02.2021 на территории России зарегистрирован 4 139 031 случай заражения COVID-19, в том числе 82 396 фактов смертельных исходов, количество выздоровевших составляет 3 697 433 чел. Статистические данные по ситуации в мире вообще и Российской Федерации в частности обуславливают необходимость проведения срочных мероприятий, способствующих нейтрализации последствий распространения новой коронавирусной инфекции. В сложившихся условиях пандемии объективно возрастает спрос на лекарственные средства, медицинские изделия для лечения сопутствующих симптомов, вызванных COVID-19, а также на биологически активные добавки как средство профилактики заболевания¹.

В настоящее время вопросы квалификации преступлений с учетом распространения и борьбы с новой коронавирусной инфекцией (COVID-19) приобретают большое значение. Скорость распространения инфекции и характер течения заболевания непредсказуемы. В связи с массовостью заражений и опасностью распространения в местах большей концентрации людей возникают вопросы квалификации соответствующих действий медицинских сотрудников и иных лиц, отвечающих за безопасность и здоровье граждан. Так, например, массовые заражения COVID-19 могут произойти в воспитательных и исправительных колониях, в результате чего

встает вопрос о квалификации действий виновных лиц.

Статья 236 УК РФ после изменений, внесенных Федеральным законом от 01.04.2020 № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» существенно изменила правила квалификации этого преступления. Так, в Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30.04.2020, отмечается, что в соответствии с ч. 1 ст. 236 УК РФ под «массовым заболеванием или отравлением людей» либо «созданием угрозы наступления таких последствий» с учетом того, что данный признак преступления является оценочным, при решении вопроса об отнесении заболевания или отравления к массовому следует принимать во внимание не только количество заболевших или получивших отравление людей, но и тяжесть заболевания (отравления)². Для определения масштабов заболевания или отравления суд вправе привлечь соответствующих специалистов, например представителей федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных осуществлять государственный санитарно-эпидемиологический надзор или надзор в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека.

Уголовная ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил, создавшее угрозу наступления таких последствий, может наступать только в случае реальности этой угрозы, когда массовое заболевание или отравление людей не произошло лишь в результате вовремя принятых органами государственной власти, местного самоуправления, медицинскими работниками и другими лицами мер, направлен-

ных на предотвращение распространения заболевания (отравления), или в результате иных обстоятельств, не зависящих от воли лица, нарушившего указанные правила.

Рассмотрим примеры судебной практики, которые наглядно демонстрируют вопросы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 236 УК РФ, с учетом заложенных в них оценочных признаков.

В 2019 г. по ст. 236 УК РФ было осуждено всего шесть человек. Например, согласно Апелляционному постановлению Верховного Суда Республики Коми от 15.05.2020 № 22-965/2020³ К. нарушила санитарно-эпидемиологические правила, что повлекло по неосторожности массовое заболевание людей. В период с 05.04.2018 по 06.04.2018 К., находясь в помещении пищеблока корпуса № 2 МАДОУ «Детский сад № 7», являясь здоровым носителем сальмонеллы, в нарушение п. 19.7 СанПиН не соблюдала правила личной гигиены. При этом К. была ознакомлена с должностной инструкцией, санитарно-эпидемиологическими требованиями, предъявляемыми к устройству, содержанию и организации режима работы дошкольных образовательных организаций.

Результатом нарушения К. основ гигиены и санитарно-эпидемиологических правил при осуществлении должностных обязанностей явилось то, что приготовленные в данный период и употребленные в пищу воспитанниками и работниками сада блюда были инфицированы сальмонеллой, что повлекло заражение детей, сотрудников и их родственников сальмонеллезом в разных формах. По информации Управления Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Республике Коми, 77 чел. пострадали в результате групповой заболеваемости. Приговор Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 04.02.2020 в отношении К. был изменен: от назначенного по ч. 1 ст. 236 УК РФ наказания она была освобождена на основании п. 2 ч. 1 ст. 27 и п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ ввиду истечения сроков давности.

Согласно приговору Володарского районного суда г. Брянска от 21.02.2020 по делу № 1-243/2019⁴ С., входя в категорию руководителей и являясь заведующей производством ООО «Комол», основной вид деятельности которого – переработка молока и оптовая торговля молочными продуктами, в нарушение своей должностной инструкции не осуществляла должным образом руководство производственно-хозяйственной деятельностью предприятия, в частности не

проводила постоянного контроля за технологией приготовления молочных продуктов, качеством и безопасностью производимой продукции. Кроме того, вопреки требованиям ст. 11 Федерального закона от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» не обеспечила безопасность для здоровья человека пищевых продуктов при их производстве, должным образом не осуществляла производственный контроль, в том числе путем проведения лабораторных исследований и испытаний в целях соблюдения санитарно-эпидемиологических требований при производстве продукции, не проводила гигиеническое обучение работников, а также нарушила требования «СанПиН 2.3.4.551-96. 2.3.4. Предприятия пищевой и перерабатывающей промышленности (технологические процессы. Сырье). Производство молока и молочных продуктов. Санитарные правила и нормы», утвержденного Постановлением Госкомсанэпиднадзора России от 04.10.1996 № 23 (далее – СанПиН 2.3.4.551-96. 2.3.4), что повлекло массовое отравление людей.

В период с 9.00 18.02.2019 по 18.00 19.02.2019 С., находясь на предприятии ООО «Комол», не предвидя наступления общественно опасных последствий своего бездействия в виде массового отравления потребителей, хотя в силу занимаемой должности должна была предвидеть эти последствия, а при надлежащем исполнении требований нормативно-правовых актов в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения обязана и могла предвидеть наступление этих последствий, не выполнила санитарно-эпидемиологические требования по обеспечению надлежащего санитарного состояния производственных помещений, что выразилось в нарушении ряда требований СанПиН 2.3.4.551-96. 2.3.4:

– п. 5.11–5.13: в цехе приемки молока на потолке присутствовала плесень, имелись участки с отслоившимся покрытием, в аппаратном цехе нарушена целостность покрытия пола, в холодильных камерах № 3 и № 6 на стенах и потолке имелись участки с отслоившейся краской, что не позволяет проводить полноценную и качественную санитарную обработку, вызывает рост плесени на поверхностях в производственных помещениях и попадает в готовую продукцию;

– п. 7.10: в производственных помещениях отсутствовали смывные краны с подводкой горячей и холодной воды с установкой смесителей, не созданы условия для со-

блюдения правил личной гигиены сотрудниками предприятия (раковины для мытья в цехе для приемки молока и аппаратном цехе не оборудованы подводкой горячей воды, в фасовочном цехе отсутствовали раковины для мытья рук, шланги, к которым подведены холодная вода и пар, лежали на полу, отсутствовали кронштейны для хранения), что создало условия для загрязнения сырья и оборудования в ходе технологического процесса;

– п. 11.11: отсутствовали трехсекционные передвижные ванны для ручной мойки разборных деталей и оборудования, что свидетельствовало о некачественной его обработке и обсеменению готовой продукции опасной микрофлорой;

– п. 11.10: в помещении для мойки оборотной тары отсутствовала подводка горячей воды, что привело к некачественной обработке оборотной тары;

– п. 12.2: отсутствовала технологическая инструкция на изготавливаемый кефир, что свидетельствовало об отсутствии контроля за соблюдением технологического процесса;

– п. 5.18, 11.1–11.4: у рабочих мест вблизи технологического оборудования отсутствовали графики мойки оборудования; отсутствовала инструкция по санитарной обработке оборудования, инвентаря и тары на предприятиях молочной промышленности, не установлена периодичность санитарной обработки оборудования и аппаратуры в каждом цехе, журнал учета периодичности обработки оборудования заполнялся формально, в результате чего не представляется возможным оценить соблюдение требований к санитарной обработке оборудования, текущая уборка производственных помещений, оборудования проводилась некачественно;

– п. 14.2, 14.3: не велся микробиологический контроль безопасности готовой продукции, что свидетельствовало об отсутствии надлежащего контроля за соблюдением требований безопасности при выработке молочной продукции и привело к вредным последствиям в виде выпуска в оборот партии кефира, не отвечающего требованиям безопасности.

В результате бездействия С. на предприятии в достоверно не установленное время было изготовлена и выпущена в обращение партия кефира, не соответствующего нормативным требованиям безопасности по микробиологическим показателям Технического регламента Таможенного союза 033/2013 «О безопасности молока и молочной продукции», утвержденного Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 09.10.2013 № 67, в частности были превышены допустимые уровни бактерий группы кишечной палочки и плесени. Кефир был доставлен в г. Брянск и закуплен ООО «РусПродукт» для поставки в дошкольные образовательные учреждения, расположенные в Володарском районе г. Брянска. Некачественный продукт был употреблен воспитанниками дошкольных образовательных учреждений, что повлекло по неосторожности массовое отравление 16 несовершеннолетних. У детей наблюдались функциональное расстройство желудочно-кишечного тракта, функциональное нарушение кишечника, функциональное расстройство желудка, острый гастрит средней тяжести, острый гастроэнтерит средней тяжести, желудочно-кишечное заболевание, причинившие им физическую боль. С. была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 236 УК РФ, ей было назначено наказание в виде штрафа в размере 50 тыс. руб.

Таким образом, анализ приведенной судебной практики позволяет сделать вывод, что ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил, создавшее угрозу наступления таких последствий, может наступать только в случае реальности этой угрозы, когда массовое заболевание или отравление людей не произошло лишь в результате вовремя принятых органами государственной власти, местного самоуправления, медицинскими работниками и другими лицами мер, направленных на предотвращение распространения заболевания (отравления), или в результате иных обстоятельств, не зависящих от воли лица, нарушившего указанные правила.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Танцюра В. С., Попович М. М. Ответственность за обращение контрафактных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий, фальсифицированных биологически активных добавок: проблемы правоприменительной практики в условиях коронавирусной пандемии // Пенитенциарная наука. 2020. Т. 14, № 2. С. 199–205.

² См.: URL: <https://www.vsr.ru/files/28881/> (дата обращения: 20.02.2021).

³ См.: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Ес6ТХВ3LmGVb/> (дата обращения: 03.10.2020).

⁴ См.: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2vhvG9qdSelK/> (дата обращения: 03.10.2020).

¹ См.: Tanczyura V. S., Popovich M. M. Otvetstvennost' za obrashhenie kontrafaktny'x i nezaregistrovanny'x lekarstvenny'x sredstv, medicinskix izdelij, fal'sificirovanny'x biologicheski aktivny'x dobavok: problemy' pravoprimenitel'noj praktiki v usloviyax koronavirusnoj pandemii // Penitenciarnaya nauka. 2020. T. 14, № 2. S. 199–205.

² См.: URL: <https://www.vsrp.ru/files/28881/> (data obrashheniya: 20.02.2021).

³ См.: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Ec6TXB3LmGVb/> (data obrashheniya: 03.10.2020).

⁴ См.: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2vhvG9qdSelK/> (data obrashheniya: 03.10.2020).

Особенности установления ответственности за преступления, сопряженные с использованием допинга в сфере спорта

Д. В. ТИТЛОВА – аспирант кафедры уголовного права Академии ФСИН России

В работе анализируется содержание норм-новелл российского уголовного законодательства, устанавливающих ответственность за использование допинг-препаратов в сфере любительского и профессионального спорта, приводятся доказательства высокой социальной и политической значимости складывающихся в ней общественных отношений. Пропаганда спортивного образа жизни является одним из условий охраны здоровья нации, вследствие чего безопасность здоровья лиц, принимающих непосредственное участие в спортивных состязаниях различного уровня, надлежит обеспечивать специальными уголовно-правовыми средствами, что предполагает выделение соответствующего объекта в структуре Особенной части УК РФ. По результатам исследования антидопинговой сферы уголовно-правовой охраны формулируются предположения о наличии пробелов в содержании действующих норм об ответственности за употребление допинг-препаратов и иных запрещенных средств (веществ). На этом основании определяются возможные направления осуществления дальнейших научных разработок в области обеспечения охраны здоровья лиц, принимающих участие в спортивных соревнованиях различного уровня.

Ключевые слова: допинг; уголовная ответственность; общественная опасность нарушения спортивных правил; запрещенные в спорте субстанции и методы; пробелы в уголовном законодательстве.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Титлова Д. В. Особенности установления ответственности за преступления, сопряженные с использованием допинга в сфере спорта. *Ius publicum et privatum* : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права, 2021, № 1 (11), с. 72–77. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-72-77.

Features of establishing liability for crimes involving the use of doping in the field of sports

D. V. TITLOVA – post-graduate at the department of criminal law, Academy of FSIN Russia

The article analyzes the content of those innovation norms in the Russian criminal legislation that establish liability for the use of doping drugs in the field of amateur and professional sports. The article provides evidence of the high social and political significance of social relations that have developed in the field of sports. The promotion of a sports lifestyle is one of the conditions for protecting the health of the nation, as a result of which the health safety of persons taking direct part in sports at various levels should be provided with special criminal law means, which implies the allocation of a separate object in the structure of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. On the basis of the results of the study of the anti-doping sphere of criminal law protection, as well as the content of special norms of the criminal law, assumptions are made about the presence of gaps in the content of the current norms on liability for the use of doping drugs and other prohibited drugs (substances). On this basis, the work identifies possible directions for the implementation of further scientific research in the field of health protection of persons taking part in sports competitions at various levels.

Key words: doping; criminal liability; social danger of violation of sports rules; substances and methods prohibited in sports; gaps in criminal legislation.

12.00.08 - Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Titlova D. V. Features of establishing liability for crimes involving the use of doping in the field of sports. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 1 (11), pp. 72–77. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-72-77.

Физическая культура и спорт образуют сферу специфических социально значимых общественных отношений в любом цивилизованном государстве. Они представляют собой комплекс направлений различных видов деятельности, общей целью которых является пропаганда здорового образа жизни населения, а одной из основных задач – популяризация физкультуры и спорта, обеспечение их массовости. Интерпретируя содержание одного из основных источников действующего российского законодательства, регламентирующего указанную сферу, можно заключить, что физическая культура и спорт представляют собой сложные правоотношения, основу которых составляют организационные, экономические и социальные виды деятельности различных институтов государственной власти и гражданского общества¹.

В действующем уголовном законе содержатся только три нормы, определяющие виды уголовно наказуемых деяний, совершаемых в процессе осуществления спортивной деятельности: ст. 184 «Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса», ст. 230.1 «Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте», ст. 230.2 «Использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте». Последние две нормы введены в состав УК РФ федеральным законом от 22.11.2016 № 392-ФЗ.

Содержание перечисленных норм указывает, что они обеспечивают охрану общественных отношений, регламентируемых Федеральным законом от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ст. 184 УК РФ)² и Федеральным законом от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (ст. 230.1, 230.2 УК РФ). Отсюда следует, что только две уголовно-правовые нормы-новеллы, принятые в 2016 г., призваны обеспечить специальную охрану отдельных общественных отношений, которые в совокупности со многими другими отношениями

формируют современный предмет отрасли спортивного права.

Принятие указанных норм было продиктовано тем, что с 2015 г. Всемирный антидопинговый комитет существенно ужесточил меры по отношению к претендентам на участие в спортивных состязаниях различного уровня. Это решение потребовало от России принятия профилактических мер по недопущению спортсменов, употребляющих запрещенные допинг-препараты, к участию в спортивных состязаниях³.

Несмотря на значительное количество решений об отстранении российских спортсменов от участия в престижных спортивных соревнованиях по различным видам спорта (Олимпийские игры, чемпионаты мира и Европы) ввиду противоправного употребления допинга, практика применения норм-новелл российского уголовного закона остается крайне незначительной, о чем свидетельствуют официальные статистические данные о состоянии преступности в России. Поэтому актуальным представляется изучение указанных уголовно-правовых норм с целью выяснения причин их неприменения в условиях высокой распространенности потребления спортсменами запрещенных препаратов.

Проблема квалификации действий лиц, потребляющих и склоняющих к потреблению запрещенных допинг-препаратов в целях улучшения результатов участника спортивных состязаний, в настоящее время получила освещение преимущественно в статьях, опубликованных в периодических научных источниках. Среди диссертационных исследований следует выделить работы В. В. Сараева и А. Р. Кутуева⁴.

Непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 230.1 УК РФ, сводится к группе общественных отношений, которые формируются в области обеспечения здоровья населения. Дополнительным объектом являются отношения по обеспечению порядка осуществления спортивной деятельности.

Предмет данного преступления – это субстанции и (или) методы, запрещенные для использования лицам, участвующим в спортивных соревнованиях. При его анали-

зе можно провести аналогию с определением наркотических, психотропных и иных сильнодействующих на центральную нервную систему средств (веществ). Признание соответствующего химического соединения растительного или искусственного происхождения наркотиком, психотропом и т. п. строго формализовано на уровне соответствующих нормативных (подзаконных) актов.

Аналогичным образом решается вопрос с определением допинг-препаратов: список субстанций и методов утвержден Постановлением Правительства Российской Федерации от 28.03.2017 № 339 «Об утверждении перечня субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, для статей 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации». Кроме этого, приказом Минспорта России от 30.11.2016 № 1232 утверждены перечни субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, в соответствии со списком, содержащимся в приложении 1 к международной конвенции от 19.10.2005 «О борьбе с допингом в спорте». На основании перечисленных нормативных актов к предмету рассматриваемого преступления отнесены различные виды анаболических стероидов, гормональные препараты, химические соединения, оказывающие стимулирующее воздействие на организм человека, и др.

Объективная сторона рассматриваемого состава преступления предполагает совершение деяния, заключающегося в нарушении нормативно установленного антидопингового правила (употребление или попытка употребления субстанции и (или) метода, запрещенных антидопинговым законодательством). Бланкетность диспозиции определяется не только национальным, но и международным правом, поскольку антидопинговые правила содержатся прежде всего в нормах Парижской конвенции от 19.10.2005 «О борьбе с допингом в спорте».

Непосредственное выражение общественно опасное деяние находит в совершении склонения потерпевшего (спортсмена) к применению субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте. При этом для квалификации не имеет юридического значения количество действий, определяемых как склонение к использованию допинга: это может быть как одноактовым, так и многоактовым деянием, не образующим множественности тождественных преступлений. Официальное определение термина «склонение» приводится в п. 1 при-

мечания к указанной уголовно-правовой норме: «любые умышленные действия, способствующие использованию спортсменом запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода, в том числе совершенные путем обмана, уговоров, советов, указаний, предложений, предоставления информации либо запрещенных субстанций, средств применения запрещенных методов, устранения препятствий к использованию запрещенных субстанций и (или) запрещенных методов».

Отличительной особенностью состава преступления, предусмотренного ст. 230.1 УК РФ, является юридическая характеристика субъекта совершения уголовно наказуемого деяния. В частности, он является специальным. Его юридически значимые признаки определяются в зависимости от должности и (или) рода осуществляемой спортивной деятельности: тренер, специалист по спортивной медицине, иной специалист в области физической культуры и спорта. Данный перечень является исчерпывающим и не подлежит расширительному толкованию. Анализ содержания функциональных полномочий лиц, обладающих признаками субъекта рассматриваемого состава преступления, позволяет утверждать, что они или имеют профессиональное влияние на спортсмена-потерпевшего, в результате чего последний находится в зависимом от них состоянии, или обладают специальными познаниями в области медицинских и иных технологий, позволяющих обеспечить искусственное стимулирование организма человека в краткосрочной перспективе. Отсюда лица, осуществляющие профессиональную или общественную деятельность в сфере спорта, но не имеющие подобного влияния (знаний, умений) в отношении участника спортивных соревнований, не могут быть признаны субъектом рассматриваемого состава преступления и, как следствие, подлежат уголовной ответственности по ст. 230.1 УК РФ, выступая в качестве исполнителя.

Наконец, субъективная сторона характеризуется исключительно прямым умыслом на совершение общественно опасного деяния, целью которого является употребление потерпевшим запрещенных в спорте субстанций и (или) методов подготовки к соревнованиям. Сознанием виновного должно обязательно охватываться представление о недопустимости потребления потерпевшим соответствующей субстанции или использования соответствующего метода (мето-

дов) подготовки к спортивным соревнованиям, равно как и существование запрета на потребление соответствующих допинг-препаратов.

Квалифицирующими признаками состава рассматриваемого преступления (ч. 2 ст. 230.1 УК РФ) являются:

- группа лиц по предварительному сговору;
- несовершеннолетие потерпевшего;
- множественность потерпевших – два и более лиц, склоняемых к использованию допинга в спортивной деятельности;
- шантаж;
- применение или угроза применения насилия.

Некоторые трудности в правоприменительной деятельности вызывает категория «шантаж», хотя в настоящее время ее содержание достаточно подробно исследовано в научной литературе. Так, шантаж представляет собой любую угрозу в отношении потерпевшего или его близких, за исключением применения насилия. Здесь речь может идти о распространении порочащих сведений, лишении каких-либо благ и т. д. Виновный при этом осознает факт нежелательности для потерпевшего, например, доведения до третьих лиц нелицеприятных сведений, а потому использует эту возможность в качестве средства воздействия на потерпевшего, склоняя его к использованию допинга.

На важность определения порочащих сведений как сущности шантажа – одного из юридически значимых признаков составов многих преступлений – было обращено внимание высшей судебной инстанцией. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» отмечалось, что распространение порочащих сведений предполагает доведение их до сведения третьих лиц любым возможным способом: публикация в печати, озвучивание в публичных выступлениях или частной беседе, изложение в служебной характеристике и др. Но только сам потерпевший должен определить, являются ли распространяемые о нем сведения порочащими его честь, достоинство и (или) деловую репутацию и насколько они могут вынудить его к совершению тех действий, выполнения которых требует шантажист.

Здесь же следует указать на неоправданность признания шантажом только огла-

шения нежелательных для потерпевшего сведений. Нельзя не признать правоту суждения А. И. Чучаева, который доказывает, что шантаж представляет собой специфическую форму угрозы с целью запугать потерпевшего. По его мнению, данная угроза не сводится к оглашению нежелательных сведений⁵. Действительно, шантаж может выражаться в обнародовании фотоматериалов, личной переписки, сведений, содержащихся в аккаунтах пользователей социальных сетей, и др. По этой причине шантаж как уголовно-правовую категорию целесообразно трактовать в процессе квалификации в широком смысле, включая в его содержание любые угрозы в адрес потерпевшего или его близких, за исключением применения насильственных действий.

Материальный состав преступления предусмотрен лишь в ч. 3 ст. 230.1 УК РФ: особо квалифицирующие признаки, «повлекшие по неосторожности смерть спортсмена либо иные тяжкие последствия», одновременно являются и признаками объективной стороны, определяющими виды возможных общественно опасных последствий, с наступлением которых определяется момент окончания преступления. Думается, что недостатком техники построения данной нормы является использование оценочного признака «иные тяжкие последствия» в качестве криминообразующего. Исходя из общеправового понимания можно предположить, что подобные последствия могут сводиться к причинению вреда, опасного для жизни и здоровья, заражению социально значимым заболеванием (гепатит С, злокачественные новообразования, сахарный диабет и др.) или заболеванием, представляющим опасность для окружающих (ВИЧ, гепатит В, туберкулез, коронавирусная инфекция и др.). Однако данных предположений будет явно недостаточно для квалификации совершенного деяния, вследствие чего на практике неизбежно возникнет потребность в уголовно-правовом определении указанной категории.

В ст. 230.2 УК РФ устанавливается ответственность за совершение общественно опасного деяния, характеризующегося как использование в отношении потерпевшего субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте. Состав данного преступления также является смежным с составом общественно опасного деяния, запрещенного ст. 230.1 УК РФ. Основанием для их разграничения выступают признаки объективной стороны, то есть юридиче-

ски значимые характеристики общественно опасного посягательства.

Так, в данной норме деяние заключается не в склонении потерпевшего к потреблению допинга, а в использовании в его отношении запрещенных антидопинговым законодательством веществ и (или) методов при подготовке к спортивным состязаниям. Исходя из этого, здоровье спортсмена-потерпевшего ставится в непосредственную опасность. Поэтому состав преступления сконструирован по типу формального, так как для признания его оконченным требуется совершение указанного деяния в полном объеме. Иные признаки элементов основного состава рассматриваемых преступлений полностью совпадают, но законодатель в качестве квалифицирующих признаков в ч. 2 ст. 230.2 УК РФ предусматривает только причинение по неосторожности смерти потерпевшему спортсмену либо иных тяжких последствий, то есть они идентичны тем, которые перечислены в ч. 3 ст. 230.1 УК РФ.

Несмотря на использование конструкций усеченного и формального составов перечисленных преступлений, в действительности их общественная опасность достаточно условна. Данный вывод подтверждается анализом санкций перечисленных норм. Так, ч. 1 ст. 230.1 УК РФ описывает преступление, относящееся к категории небольшой тяжести, причем самым строгим наказанием за его совершение является ограничение свободы на срок до одного года. Предусмотренные данной нормой преступления, составы которых включают в себя квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки (ч. 2 и 3 соответственно), также отнесены к категории преступлений небольшой тяжести. Аналогичным образом определены категории преступлений, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 230.2 УК РФ⁶. Все это свидетельствует о явном несоответствии заявляемой высокой общественной опасности преступлений в сфере спорта, ответственность за которые была установлена в 2016 г., и предусмотренных за их совершение мер.

Нормы-новеллы об уголовной ответственности за нарушение правил подготовки к спортивным состязаниям и неправомерное употребление запрещенных допинг-препаратов содержат ряд пробелов и противоречий. Во-первых, конструкции составов преступлений, предусмотренных ст. 230.1 и 230.2 УК РФ, не соответствуют

заявляемой общественной опасности деяний. По этой причине целесообразно сконструировать составы рассматриваемых преступлений в виде материальных, предусмотрев в качестве криминообразующего признака физический вред и (или) материальный ущерб, наступивший в результате совершения общественно опасного деяния. На этом основании необходимо увеличить размеры санкций указанных статей. Деяния же, предусмотренные основными составами преступлений, на наш взгляд, следует перевести в категорию административных деликтов.

Во-вторых, в настоящее время не решен вопрос об основании и условиях привлечения к уголовной ответственности спортсменов, которые умышленно принимают запрещенные допинг-препараты для повышения шансов добиться призовых мест в спортивных соревнованиях. Мы полагаем, что данное деяние обладает достаточной общественной опасностью и распространенностью, чтобы быть признанным уголовно наказуемым.

Таким образом, уголовно-правовая охрана общественных отношений, сложившихся в сфере спорта, в настоящее время находится в стадии формирования. Из значительного количества правоотношений, составляющих в совокупности предмет отрасли спортивного права, средствами уголовного закона формально защищены только интересы спортсменов, которые становятся потерпевшими от действий тренеров, медицинских работников и др., направленных на потребление допинг-препаратов. Иные правоотношения в указанной сфере уголовно-правовой защитой не обеспечены.

Кроме того, открытым остается вопрос о целесообразности рассмотрения спортсмена в качестве субъекта уголовно наказуемого посягательства, совершаемого в сфере спорта. В уголовном законодательстве некоторых государств данный вопрос решен положительно, в связи с чем уличенный в потреблении допинга спортсмен при наличии иных юридически значимых обстоятельств несет уголовную ответственность⁷. Данные факты указывают на необходимость проведения в ближайшем будущем глубоких научных исследований в области определения предмета и методов регулирования отрасли спортивного права и формирования в российском уголовном законе группы норм, обеспечивающих надлежащую охрану спортивных правоотношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Алексеев С. В. Спортивное право. М., 2012. С. 121.

² См.: Иванов А. С. Предупреждение коррупционной преступности при организации и проведении профессиональных спортивных мероприятий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 8.

³ См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за нарушение антидопинговых правил) : законопроект от 25.03.2016 № 1027793-6 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: sozd.duma.gov.ru (дата обращения: 15.03.2021).

⁴ См.: Сараев В. В. Уголовно-правовая охрана в сфере профессионального спорта : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009. 207 с.; Кутуев А. Р. Уголовная ответственность за склонение, распространение и применение субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 24 с.

⁵ См.: Чучаев А. И. Преступления против правосудия : науч.-практ. коммент. / отв. ред. О. В. Белокуров. Ульяновск, 1997. С. 34.

⁶ См.: Кошаева Т. О., Ямашева Е. В. К вопросу об установлении уголовной ответственности за нарушения законодательства о допинге // Журн. рос. права. 2017. № 6. С. 104.

⁷ См.: Путцке Х., Тарбагаев А. Н., Назаров А. Д., Майорова Л. В. Уголовная ответственность за использование допинга в спорте: опыт Германии – пример для России? // Всерос. криминолог. журн. 2019. Т. 13, № 5. С. 857–858.

¹ Sm.: Alekseev S. V. Sportivnoe pravo. M., 2012. S. 121.

² Sm.: Ivanov A. S. Preduprezhdenie korrupcionnoj prestupnosti pri organizacii i pro-vedenii professional'ny'x sportivny'x meropriyatij : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2017. S. 8.

³ Sm.: O vnesenii izmenenij v Ugolovny'j kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'ny'j kodeks Rossijskoj Federacii (v chasti usileniya otvetstvennosti za naru-shenie antidopingovy'x pravil) : zakonoproekt ot 25.03.2016 № 1027793-6 // Sistema obes-pecheniya zakonodatel'noj deyatel'nosti. URL: sozd.duma.gov.ru (data obrashheniya: 15.03.2021).

⁴ Sm.: Saraev V. V. Ugolovno-pravovaya oxrana v sfere professional'nogo sporta : dis. ... kand. yurid. nauk. Omsk, 2009. 207 s.; Kutuev A. R. Ugolovnaya otvetstvennost' za sklonenie, rasprostranenie i primeneniye substancij i (ili) metodov, zapreshheny'x dlya ispol'zova-niya v sporte : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2019. 24 s.

⁵ Sm.: Chuchaev A. I. Prestupleniya protiv pravosudiya : nauch.-prakt. komment. / отв. red. O. V. Belokurov. Ul'yanovsk, 1997. S. 34.

⁶ Sm.: Koshaeva T. O., Yamasheva E. V. K voprosu ob ustanovlenii ugolovnoj otvetstvennosti za narusheniya zakonodatel'stva o dopinge // Zhurn. ros. prava. 2017. № 6. S. 104.

⁷ Sm.: Putczke X., Tarbagaev A. N., Nazarov A. D., Majorova L. V. Ugolovnaya otvetstvennost' za ispol'zovanie dopinga v sporte: opy't Germanii – primer dlya Rossii? // Vseros. kriminolog. zhurn. 2019. T. 13, № 5. S. 857–858.

DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-78-82
УДК 343.12

Процессуальные вопросы взаимодействия судебно-следственных органов и уголовно-исполнительных инспекций при исполнении меры пресечения в виде запрета определенных действий

Л. А. КОЛПАКОВА – заместитель начальника кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Е. А. КОЧЕТОВА – курсант 3 курса юридического факультета ВИПЭ ФСИН России

В статье рассматриваются некоторые проблемы, возникающие при исполнении уголовно-исполнительными инспекциями (УИИ) меры пресечения в виде запрета определенных действий, лежащие в плоскости взаимодействия с лицами, в чьем производстве находится уголовное дело, и судами. Определяется, что данные проблемы носят системный характер, даются рекомендации по их решению. Делается вывод о том, что информационное взаимодействие указанных субъектов выступает основной формой, создающей предпосылки для эффективного исполнения установленных судом запретов. Приводится унифицированный для различных этапов судопроизводства алгоритм взаимодействия УИИ с органами предварительного расследования и судами в случаях нарушения подконтрольным лицом установленных ограничений. На основе анализа юридической практики предлагаются правовые механизмы реагирования УИИ на ошибки и неясности в судебных решениях, поступивших на исполнение.

Ключевые слова: запрет определенных действий; уголовно-исполнительные инспекции; контроль; меры пресечения; судебные решения; уголовно-процессуальное законодательство; информационное взаимодействие.

12.00.09 – Уголовный процесс.

Для цитирования: Колпакова Л. А., Кочетова Е. А. Процессуальные вопросы взаимодействия судебно-следственных органов и уголовно-исполнительных инспекций при исполнении меры пресечения в виде запрета определенных действий. *Ius publicum et privatum* : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права, 2021, № 1 (11), с. 78–82. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-78-82.

Procedural issues of interaction between judicial investigative bodies and penitentiary inspections by executing restraint measure in the form of a prohibition of certain actions

L.A. KOLPAKOVA – Deputy Head of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Operational Investigation of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor;

E. A. KOCHETOVA – 3rd Year Student of the Law Faculty of the of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article examines some of the problems that arise during the execution of restraint measures in the form of a prohibition of certain actions by the penal inspectorates (PI), which lie in the plane of interaction with the persons in whose proceedings the criminal case is and the courts. It is determined that these problems are of a systemic nature, and recommendations are given for their solution. It is concluded that the information interaction of these subjects is the main form that creates the preconditions for the effective execution of the prohibitions established by the court. An algorithm for the interaction of the PI with the preliminary investigation bodies and courts in cases of violation of the established restrictions by the controlled person is presented. Based on the analysis of legal practice legal mechanisms are proposed for the response of PIs to errors and ambiguities in court decisions received for execution.

Keywords: prohibition of certain actions; penal inspections; the control; restraint measures; court decisions; criminal procedure legislation; information interaction.

12.00.09 – Criminal procedure.

For citation: Kolpakova L. A., Kochetova E. A. Procedural issues of interaction between judicial investigative bodies and penitentiary inspections by executing restraint measure in the form of a prohibition of certain actions. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 1 (11), pp. 78–82. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-78-82.

Запрет определенных действий является самой молодой мерой пресечения в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве. С момента ее введения в УПК РФ федеральным законом от 18.04.2018 № 72-ФЗ прошло чуть менее трех лет, и в деятельности УИИ, в компетенцию которых был включен контроль за подозреваемыми и обвиняемыми, до сих пор возникают вопросы. Проблемы лишь на первый взгляд носят точечный характер, при более пристальном рассмотрении мы можем заключить, что они системны и требуют решения как на законодательном, так и на организационном уровнях.

Одним из ключевых нормативных актов, регламентирующих порядок исполнения меры пресечения в виде запрета определенных действий выступает приказ Минюста России № 189, МВД России № 603, СК России № 87, ФСБ России № 371 от 31.08.2020 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог»¹. Особое внимание в данном документе уделяется вопросам межведомственного взаимодействия между такими субъектами, как Следственный комитет Российской Федерации, иные органы предварительного расследования, суды.

Основным направлением взаимодействия выступает информационный обмен между указанными органами. Сотрудники

УИИ заблаговременно предупреждаются о предстоящем судебном заседании, в ходе которого планируется рассмотрение ходатайства следователя или дознавателя о применении запрета определенных действий. Пакет документов для суда формирует лицо, в производстве которого находится уголовное дело. Эти же документы в течение 24 ч после положительного решения суда направляются в УИИ. Они включают справку по уголовному делу, копию документа, удостоверяющего личность подозреваемого (обвиняемого), справку о наличии или изъятии у данного лица заграничного паспорта. В свою очередь УИИ обязана уведомить органы предварительного расследования о поступивших документах и принятии подозреваемого (обвиняемого) на учет. В дальнейшем в ходе расследования уголовного дела до сотрудников УИИ должны доводиться любые важные сведения, которые могут затронуть порядок исполнения меры пресечения, например об изменении квалификации деяния, выдвижении новых ходатайств о замене меры пресечения и т. п.

Основной повод для информационного взаимодействия между органами предварительного расследования, судами и УИИ – это нарушение подозреваемым (обвиняемым) условий исполнения запрета определенных действий. О данных фактах сотрудники инспекции обязаны проинформировать следователя (дознавателя) по телефону (в течение 2 ч) и письменным уведомлением (в течение 24 ч), а при невозможности выяснить местонахождение подозреваемого (обвиняемого) – инициировать его розыск. В положениях приказа четко не говорится о

том, что телефонные сообщения должны дублироваться письменными уведомлениями, стало быть, это делать необязательно (информация занесена в журнал), но, по нашему мнению, целесообразно, поскольку при последующем решении судом вопроса о замене меры пресечения данный документ может выступить в качестве доказательства факта нарушения.

В регламентации порядка действий сотрудника УИИ в вышеуказанных случаях имеется ряд моментов, требующих пояснения и реакции правотворца. Так, согласно упомянутому выше приказу весь период применения запрета определенных действий условно поделен на два этапа: до назначения судебного заседания, когда УИИ взаимодействует с дознавателем или следователем, и после назначения судебного заседания, когда взаимодействие осуществляется с судом. Однако заметим, что при такой правовой конструкции упускаются два довольно продолжительные по времени периода: 1) время с момента передачи уголовного дела прокурору до передачи его в суд (10–30 суток), 2) период с момента регистрации уголовного дела канцелярией суда до момента назначения судебного заседания (30 суток, если лицо не заключено под стражу). Таким образом, мы можем констатировать наличие пробела в положениях приказа, единственной возможностью восполнить который является применение аналогии. Иными словами, при нарушении условий меры пресечения подследственным в первом случае информируется прокурор, во втором – суд (судья, уполномоченный решать вопросы в порядке гл. 33 УПК РФ).

Комплексный анализ п. 18, 20, 24 и 29 Порядка осуществления контроля, утвержденного указанным межведомственным приказом, позволяет судить о том, что во всех случаях обнаружения нарушений со стороны подозреваемого (обвиняемого) не только требуется уведомить об этом заинтересованных должностных лиц, но и провести проверку. Что касается этапа предварительного расследования, то норма о проведении проверки сформулирована диспозитивно (об этом говорит союз «или» в п. 24), а в случае, когда уже назначено судебное заседание, – императивно. Эти расхождения в подходах на разных этапах судопроизводства порождают разноречивую в правоприменительной практике УИИ. Полагаем, что проведение проверки в любом случае является обязательным, поскольку она позволяет исключить влияние случайных обстоятельств на

ситуацию соблюдения запретов. Так, например, нередки случаи, когда дают сбой технические средства контроля либо вмешиваются форс-мажорные обстоятельства в виде природных катаклизмов. Также информация о нарушениях запретов, передаваемая УИИ уполномоченным субъектам, требует подтверждения и закрепления: в противном случае она не сможет использоваться в процессе доказывания при необходимости замены запрета определенных действий на более строгую меру пресечения.

Таким образом, мы предлагаем следующий алгоритм взаимодействия по фактам нарушения условий исполнения запрета определенных действий:

1) составление сотрудником УИИ рапорта на имя начальника инспекции об обнаружении соответствующих обстоятельств;

2) уведомление следователя, дознавателя, прокурора или суда (в зависимости от формы и этапа расследования) о предполагаемом факте нарушения;

3) дача поручения сотруднику (сотрудникам) УИИ о проведении проверки;

4) проведение проверки (срок от 3 до 10 суток);

5) составление заключения, приобщение к материалам проверки рапорта, объяснений, справок, актов применения технических средств контроля;

6) уведомление следователя, дознавателя, прокурора или суда о результатах проверки;

7) при подтверждении факта нарушения условий исполнения меры пресечения в виде запрета определенных действий – направление сотрудником УИИ в течение 48 ч с момента завершения проверки представления в суд об изменении меры пресечения или уведомление о нарушении запретов, возложенных судом при избрании меры пресечения в виде залога (ч. 14 ст. 105.1, ч. 8.1 ст. 106, ч. 14 ст. 107 УПК РФ).

Еще один вопрос, возникающий в связи с взаимодействием органов предварительного расследования и УИИ, касается процедуры проведения первичной беседы с лицом, подвергнутым мере пресечения в виде запрета определенных действий, при его постановке на учет. Как известно, в ходе данной беседы подозреваемому (обвиняемому) разъясняются порядок посещения сотрудниками УИИ по месту жительства (не реже двух раз в неделю, а при применении технических средств контроля – не реже одного раза в неделю), порядок и правила применения аудиовизуальных средств кон-

троля, последствия неисполнения возложенной судом обязанности по соблюдению запретов и т. д. Если подконтрольное лицо не достигло 18 лет, на беседу целесообразно приглашать его законного представителя. Информация о том, кто таковым является официально, должна быть предоставлена сотрудникам УИИ лицом, в чьем производстве находится уголовное дело. Представляется, что для участия в беседе достаточно одного законного представителя (по аналогии с нормами УПК РФ), а его присутствие не исключает привлечения к беседе педагога и (или) психолога. Соответствующая норма в п. 13 вышеупомянутого приказа сформулирована в рекомендательном, диспозитивном ключе. Считаем, что требуется перевести ее в разряд императивных норм, поскольку подросток, подвергнутый запретам, установленным судом, как правило, находится дома, и указанные лица должны получить достоверную информацию о порядке исполнения данных мер.

Поскольку эффективность применения запрета определенных действий, равно как и других мер пресечения, влияет на качество и сроки самого предварительного расследования, сотрудники УИИ обязаны отвечать на запросы судебно-следственных органов о соблюдении установленных ограничений подконтрольным лицом. Это требуется в целях оперативного реагирования на факты нарушений, принятия решений по возбуждению перед судом ходатайства об изменении меры пресечения.

И последнее обстоятельство, на которое хотелось обратить внимание в рамках данной статьи, – это затруднения, возникающие у сотрудников УИИ при исполнении некоторых судебных решений, содержащих технические ошибки, недостаточно конкретизированные предписания, а иногда и несоответствия действующему доказательству. Подобного рода сложности выявлены нами на основе анализа судебных решений (всего проанализировано около ста) о применении запрета определенных действий, вынесенных судами первой и апелляционной инстанций. Так, например, на сотрудников УИИ могут быть возложены либо прямо

не предусмотренные ст. 105.1 УПК РФ запреты, либо те, которые исключены из компетенции УИИ, как, например, запрет управлять транспортным средством (ч. 11 ст. 105.1 УПК РФ)² или письменно уведомлять лицо, в производстве которого находится дело, об отлучениях из дома³. Подчеркнем, что не исполнить подобные судебные решения УИИ не может в силу подп. 1 п. 7 Положения о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденного указом Президента Российской Федерации от 13.10.2004 № 1314. Можно предложить несколько рекомендаций по разрешению подобных ситуаций.

Так, в случаях, когда в судебном решении имеются явные признаки нарушения законности, наиболее эффективным мы считаем обращение в суд апелляционной инстанции с жалобой в порядке ст. 389.1 УПК РФ, поскольку УИИ является субъектом, чьи интересы затронуты судебным решением. Такие прецеденты в судебной практике есть⁴. Если же требуется устранить лишь технические ошибки, разрешить сомнения и неясности в судебных решениях, в юридической литературе предлагается прибегнуть к нормам УПК РФ, посвященным решению судом вопросов в порядке п. 15 ст. 397 УПК РФ посредством подачи начальником УИИ представления (ст. 399 УПК РФ)⁵. Мы согласны с данным подходом, тем более что практика в этой сфере уже сложилась и, более того, представители УИИ достаточно активны в этой области.

Таким образом, взаимодействие между органами предварительного расследования, прокуратурой, судами и УИИ представляется необходимым в целях оперативного реагирования на факты нарушения подконтрольным лицом установленных запретов, а также обеспечения эффективности данной меры пресечения. Основной его формой выступает информационное взаимодействие, вместе с тем важны также и иные направления, связанные с обеспечением процессуальных гарантий в отношении подозреваемых (обвиняемых), устранением сомнений и неясностей в поступивших на исполнение судебных решениях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.09.2020).

² См.: Постановление Красноборского районного суда Архангельской области от 25.07.2018 по делу № 3/141/18. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 02.03.2021).

³ См.: Постановление Нерюнгринского городского суда Республики Саха (Якутия) от 20.09.2018 по материалу № 3/3-105/2018. URL: https://nerungry-jak.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&case_id=17936507&case_uid=81211d7a-e1bd-4543-8570-8ddfaedfcee3&result=1&new=&delo_id=1610001&srv_num=1 (дата обращения: 02.03.2021).

⁴ См.: Апелляционное постановление № 22-754/2017 от 11.05.2017 по делу № 22-754/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QpsblDooQldO/> (дата обращения: 21.01.2021).

⁵ См.: Рукавишников А. А. Устранение сомнений и неясностей в приговоре (определении, постановлении), поступившем на исполнение в УИИ. URL: https://studref.com/410533/pravo/ustranenie_somneniy_neyasnostey_prigovore_opredelenii_postanovlenii_postupivshem_ispolnenie (дата обращения: 21.01.2021).

¹ См.: URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.09.2020).

² См.: Постановление Кrasnoborskogo rajonnogo suda Arxangel'skoj oblasti от 25.07.2018 по делу № 3/141/18. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 02.03.2021).

³ См.: Постановление Neryungrinskogo gorodskogo suda Respubliki Saxa (Yakutiya) от 20.09.2018 по материалу № 3/3-105/2018. URL: https://nerungry--jak.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&case_id=17936507&case_uid=81211d7a-e1bd-4543-8570-8ddfaedfcee3&result=1&new=&delo_id=1610001&srv_num=1 (дата обращения: 02.03.2021).

⁴ См.: Апелляционное постановление № 22-754/2017 от 11.05.2017 по делу № 22-754/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QpsblDooQldO/> (дата обращения: 21.01.2021).

⁵ См.: Рукaвишниковa A. A. Устранение сомнений и неясностей в приговоре (определении, постановлении), поступившем на исполнение в УИИ. URL: https://studref.com/410533/pravo/ustranenie_somneniy_neyasnostey_prigovore_opredelenii_postanovlenii_postupivshem_ispolnenie (дата обращения: 21.01.2021).

О причинах удовлетворения судом жалоб на действия следователя (в порядке ст. 125 УПК РФ)

Т. В. ЧЕРЕМИСИНА – научный сотрудник научно-исследовательского отдела Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

Статья посвящена проблемам принятия судом решений по жалобам в отношении необоснованного применения следователями ст. 24 УПК РФ. В ней исследуются проблемы участия следователя в судебных заседаниях, приводятся актуальные примеры судебной практики удовлетворения жалоб граждан. Автор приходит к выводу, что при реализации заявителем права обращения в суд в порядке ст. 125 УПК РФ необходимо учитывать пределы судебного рассмотрения жалобы и перспективы оценки судом решения, принятого должностным лицом.

Ключевые слова: судебный контроль; следователь; уголовно-процессуальное законодательство; судопроизводство; жалоба; полномочия.

12.00.09 – Уголовный процесс.

Для цитирования: Черемисина Т. В. О причинах удовлетворения судом жалоб на действия следователя (в порядке ст. 125 УПК РФ). *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 1 (11), с. 83–86. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-83-86.

On the reasons for redress by the court grievances against the actions of the investigator (in accordance with Article 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation)

T. V. CHEREMISINA – Researcher of the Research Department of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

The article is devoted to the problems of court decision-making on grievances regarding the unjustified application of Art. 24 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. It examines the problems of the participation of an investigator in court hearings, provides actual examples of judicial practice in redressing citizens' grievances. The author concludes that when the applicant exercises the right to go to court in accordance with Art. 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, it is necessary to take into account the limits of judicial consideration of the grievance and the prospects for the assessment by the court of the decision taken by the official.

Key words: judicial control; investigator; criminal procedure legislation; legal proceedings; a grievance; powers.

12.00.09 – Criminal procedure.

For citation: Cheremisina T. V. On the reasons for redress by the court grievances against the actions of the investigator (in accordance with Article 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation). *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 1 (11), pp. 83–86. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-83-86.

Судебный контроль является одним из механизмов защиты нарушенных конституционных прав граждан, а также применяется в целях устранения препятствий в доступе граждан к правосудию. Механизм судебного обжалования действий и решений должностных лиц и органов государственной власти активно используется на практике, в

том числе участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты.

На стадии предварительного следствия судья рассматривает ходатайства следователя об избрании и продлении срока отдельных видов мер пресечения в отношении обвиняемых, а также дает разрешение на производство ряда следственных действий, ограничивающих конституционные права человека. В соответствии со ст. 125 УПК РФ постановления следователя, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в суд. Следователь вправе принимать непосредственное участие в судебном заседании по рассмотрению жалобы на его действия (бездействие), поданной в порядке ст. 125 УПК РФ. Кроме того, следователь может быть допрошен в суде в качестве свидетеля по ранее расследованному им уголовному делу. Между тем отсутствие правовой регламентации его участия на судебной стадии, равно как и отсутствие у него конкретных процессуальных полномочий, делают такое участие не вполне полноценным и в правовом, и в концептуальном смысле¹.

Рассмотрим актуальные примеры удовлетворения судом жалоб на действия (бездействие) следователя в порядке ст. 125 УПК РФ.

Так, судья Первомайского районного суда г. Ростова-на-Дону 23.06.2020 удовлетворил жалобу адвоката Т. на бездействие следователя. Заявитель просил признать незаконным и необоснованным бездействие следователя, который не прекратил уголовное дело (уголовное преследование) в отношении Б. и не вручил ему копию соответствующего постановления. Защитник указал, что 28.04.2020 он совместно с подзащитным Б. направил следователю письменное ходатайство о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в отношении Б. по п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. 30.04.2020 следователь удовлетворил данное ходатайство, однако в нарушение ч. 1 ст. 78 УК РФ, п. 3 ч. 1 ст. 24, ст. 212 и 213 УПК РФ уголовное дело (уголовное преследование) в отношении Б. не прекращено, соответствующее постановление не вынесено, копии документов стороне защиты не направлены.

В судебном заседании заместитель руководителя следственного отдела пояснил, что в настоящее время по уголовному делу проводится налоговая экспертиза, назначенная 14.05.2020, что исключает принятие решения о прекращении уголовного дела

(уголовного преследования) в отношении Б. В зависимости от выводов эксперта уголовное дело может быть прекращено ввиду отсутствия состава преступления в действиях Б. Исходя из этого прекращение уголовного дела (уголовного преследования) за истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности будет являться заведомо незаконным.

Судом установлено, что в производстве следователя следственного отдела по Первомайскому району г. Ростова-на-Дону находится уголовное дело, возбужденное 27.02.2020 по признакам преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ, в отношении Б. В следственный отдел 28.04.2020 поступило ходатайство адвоката Т. в интересах подозреваемого Б. о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в отношении последнего в связи с истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности. 30.04.2020 ходатайство удовлетворено следователем. 14.05.2020 следователем по данному уголовному делу назначена налоговая экспертиза.

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению ввиду истечения сроков давности уголовного преследования. При указанных обстоятельствах суд пришел к выводу о признании незаконным и необоснованным бездействия следователя, выразившегося в непрекращении уголовного дела (уголовного преследования) в отношении Б. В результате суд удовлетворил жалобу защитника Т. в интересах подозреваемого Б. и обязал следователя устранить допущенные нарушения.

Таким образом, суд обоснованно указал, что в случае истечения сроков давности, в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, уголовное дело (уголовное преследование) подлежит прекращению в случае согласия подозреваемого (обвиняемого), так как данное основание прекращения производства по делу не влечет возникновения права лица на реабилитацию. Это положение действует даже в случае производства в ходе расследования преступления судебных экспертиз и следственных действий. Доводы заместителя руководителя о том, что в зависимости от выводов эксперта уголовное дело может быть прекращено ввиду отсутствия состава преступления в действиях Б., являются предположениями, в отличие от наступления объективного основания, обусловленного истечением сроков давности уголовного преследования.

Рассмотрим пример из следственной практики иного субъекта Российской Федерации. Так, адвокат П. обратилась в районный суд с жалобой на бездействие старшего следователя Александровского межрайонного следственного отдела М., выразившееся в нерассмотрении ее ходатайства от 22.12.2017 о совместном с подзащитным Л. ознакомлении с материалами уголовного дела в установленные сроки и в неуведомлении о принятом решении. По результатам рассмотрения вышеуказанной жалобы 06.02.2018 Александровским районным судом принято решение об удовлетворении жалобы адвоката П. Жалоба рассмотрена судом с участием старшего следователя следственного отдела М.

При рассмотрении данной жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ судом установлено, что старшим следователем отдела не были соблюдены требования ст. 121 УПК РФ, согласно которой ходатайство подлежит рассмотрению и разрешению непосредственно после его заявления, и ст. 122 УПК РФ, в соответствии которой об удовлетворении ходатайства либо о полном или частичном отказе в его удовлетворении следователь выносит постановление, которое доводится до сведения лица, заявившего ходатайство.

Причиной, послужившей основанием для удовлетворения судом жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ, является несвоевременное уведомление адвоката П. о возможности ознакомления с материалами дела совместно с обвиняемым Л. Постановление об удовлетворении жалобы адвоката П. не обжаловалось.

Судья Красносельского районного суда г. Санкт-Петербурга 23.12.2019 удовлетворил жалобу Б. на незаконные действия следователя, связанные с возбуждением уголовного дела в отношении Б. В обоснование жалобы Б. указал, что следователь незаконно возбудил в отношении него уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ. По мнению Б., в его действиях отсутствует указанный состав преступления и следователь возбудил уголовное дело за пределами срока привлечения к уголовной ответственности, что исключает производство по делу. Однако для создания видимости законности своих действий следователь без проверки фактических обстоятельств дела квалифицировал действия заявителя по ч. 3 ст. 159 УК РФ, чем ущемил его права и законные интересы.

По мнению Б., следователь С. необоснованно допустил его уголовное преследова-

ние по более тяжкой статье, хотя заранее достоверно знал о незаконности своих действий. После перекалфикации действий заявителя на менее тяжкий состав и прекращение производства по делу следователь не дал надлежащую процессуальную оценку действиям должностных лиц, по вине которых Б. длительное время находился под домашним арестом по необоснованному обвинению. Кроме того, по мнению заявителя, следователь допустил должностной подлог, внеся незаконные исправления в постановление о прекращении уголовного дела.

Из материалов уголовного дела судом установлено, что 22.11.2017 следователь Красносельского района ГСУ СК России по г. Санкт-Петербургу С. возбудил в отношении Б. уголовное дело, квалифицировав его действия по ч. 3 ст. 159 УК РФ. Однако в постановлении отсутствует обоснование того, в чем заключается использование Б. своего служебного положения, а также отсутствуют ссылки на его обязанности и полномочия, установленные соответствующими приказами и распоряжениями.

Постановлением следователя 22.05.2018 из обвинения Б. был исключен квалифицирующий признак «совершение преступления лицом с использованием своего служебного положения», после чего его действия были перекалфицированы следователем С. с ч. 3 на ч. 1 ст. 159 УК РФ. При этом к выводу о том, что занимаемые Б. должности врача-статиста в отделении медицинской статистики и врача-методиста организационно-методического кабинета городской поликлиники не предусматривают функций представителя власти, осуществления организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций, то есть не соответствуют квалификации преступления по ч. 3 ст. 159 УК РФ, следователь пришел, изучив приказы главного врача поликлиники, а также трудовые договоры и должностные инструкции.

В этот же день, 22.05.2018, следователь С. вынес постановления о привлечении Б. в качестве обвиняемого по ч. 1 ст. 159 УК РФ и о прекращении уголовного преследования Б. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159 УК РФ, в связи с истечением срока давности уголовного преследования.

Согласно п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное дело подлежит прекращению после истечения сроков давности уголовного преследования.

Уголовное дело по признакам преступления небольшой тяжести, предусмотренного ч. 1 ст. 159 УК РФ, не могло быть возбуждено по истечении двух лет с момента предполагаемой даты его совершения. К данному выводу должен был прийти и следователь при решении вопроса о возбуждении в отношении Б. уголовного дела. При этом, получив сообщение о преступлении, он обязан был запросить соответствующие документы и провести их тщательный анализ.

В результате указанных незаконных действий следователя С. заявитель Б., в отношении которого по данным основаниям уголовное дело не могло быть возбуждено, подвергся длительному уголовному преследованию и в отношении него была избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, что, по мнению суда, безусловно, существенно нарушило его права и законные интересы. В результате суд, удовлетворив жалобу Б., признал незаконными и необоснованными действия следователя, связанные с возбуждением в отношении Б. уголовного дела по ч. 3 ст. 159 УК РФ, и обязал руководителя следственного органа устранить допущенные нарушения.

Таким образом, действия следователя, связанные с возбуждением уголовного дела в отношении Б. по ч. 3 ст. 159 УК РФ без дополнительного запроса и проверки необходимых документов, которые в момент возбуждения дела имелись в архиве поликлиники и могли существенно повлиять на принятое решение в части квалификации действий подозреваемого, были признаны судом незаконными, необоснованными и подлежащими устранению в установленном законом порядке. Следовательно, незаконными и необоснованными являются и все правовые последствия, связанные с возбуждением указанного уголовного дела.

Результаты анализа приведенных примеров показали, что наиболее распространенной следственной ошибкой, которая впоследствии может повлечь удовлетворение жалобы стороны защиты в порядке ст. 125 УПК РФ, является неправильное применение положений ст. 24 УПК РФ. В тексте статьи

перечислены основания отказа в возбуждении уголовного дела, которые применяются и как основания для прекращения расследования. При этом прекращение уголовного дела только вследствие отсутствия события преступления, отсутствия в деянии состава преступления, а также непричастности подозреваемого к совершению преступления может повлечь возникновение у подозреваемого или обвиняемого права на реабилитацию и возмещение вреда, причиненного незаконными действиями должностных лиц.

Иные основания для прекращения уголовного дела являются нереабилитирующими. Поэтому в случае согласия подозреваемого (обвиняемого) с решением следователя о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по нереабилитирующим основаниям производство расследования прекращается незамедлительно. Аналогичным способом следователь правомочен отказать в возбуждении уголовного дела в случае согласия лица, в отношении которого проводится проверка, при истечении срока давности уголовного преследования и по иным основаниям, указанным в п. 3–6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

Несмотря на то что решения суда в порядке ст. 125 УПК РФ порождают правовые последствия для каждой из сторон спора, до сих пор законодательно не установлены порядок составления жалобы и императивные требования к ее форме и содержанию. И такое отсутствие критериев, которым должна соответствовать жалоба, поданная в соответствии со ст. 125 УПК РФ, создает определенные трудности в правоприменительной практике².

Итак, при реализации заявителем права на обращение в суд в порядке ст. 125 УПК РФ необходимо учитывать пределы судебного рассмотрения жалобы и перспективы оценки судом решения, принятого должностным лицом. Следователям же необходимо предельно внимательно относиться к принятию решений, связанных с ограничением конституционных прав граждан на стадиях возбуждения уголовного дела и окончания предварительного расследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Черемисина Т. В. Проблемы и перспективы взаимодействия следователя и суда // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016. № 3. С. 116.

² См.: Она же. К вопросу участия следователя в судебном порядке рассмотрения жалоб (ст. 125 УПК РФ) // Там же. 2019. № 3. С. 96.

¹ Sm.: Chermisina T. V. Problemy i perspektivy vzaimodejstviya sledovatelya i suda // Rassledovanie prestuplenij: problemy i puti ix resheniya. 2016. № 3. S. 116.

² Sm.: Ona zhe. K voprosu uchastiya sledovatelya v sudebnom poryadke rassmotreniya zhalob (st. 125 UPK RF) // Tam zhe. 2019. № 3. S. 96.

Современные проблемы правоохранительной деятельности в сфере обеспечения личной безопасности осужденных

Л. В. БАКУЛИНА – доцент кафедры уголовного права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, директор Центра образовательных технологий, кандидат юридических наук, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

Р. Н. ХАЛИЛОВ – доцент кафедры уголовного права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, председатель Приволжского отделения Союза криминалистов и криминологов, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Татарстан

В статье рассматривается проблема безопасности, в том числе личной, которая носит межотраслевой и междисциплинарный характер. Авторы отмечают, что указанную категорию в современном мире изучает не только юридическая наука, которая не в состоянии в полной мере разрешить теоретический вопрос о правовых проблемах безопасности, но и совокупность других общественных наук. Особое внимание уделяется анализу правоохранительной деятельности в сфере обеспечения безопасности осужденных к лишению свободы.

Ключевые слова: национальная безопасность; осужденный; право на личную безопасность; механизм реализации; пенитенциарные преступления.

12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность.

Для цитирования: Бакулина Л. В. Современные проблемы правоохранительной деятельности в сфере обеспечения личной безопасности осужденных. *Ius publicum et privatum* : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права, 2021, № 1 (11), с. 87–92. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-87-92.

Modern problems of law enforcement in the field of ensuring convicts' personal safety

L. V. BAKULINA – Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Law Faculty of the Kazan (Volga Region) Federal University, Director of the Center for Educational Technologies, Ph.D. in Law, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation;

R. N. KHALILOV – Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Law Faculty of the Kazan (Volga Region) Federal University, Chairman of the Privolzhsky Branch of the Union of Criminalists and Criminologists, Ph.D. in Law, Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan

The article deals with the problem of security, including personal, which is of an intersectoral and interdisciplinary nature. The authors note that in the modern world this category is studied not only by legal science, which is not able to fully resolve the theoretical issue of legal security problems, but also by a set of other social sciences. Particular attention is paid to the analysis of law enforcement activities in the field of ensuring the security of those sentenced to imprisonment.

Keywords: national security; convict; the right to personal safety; implementation mechanism; penitentiary crimes.

12.00.11 – Judicial activity, prosecutor’s activity, human rights and law enforcement activity.

For citation: Bakulina L. V., Khalilov R. N. Modern problems of law enforcement in the field of ensuring convicts’ personal safety. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 1 (11), pp. 87–92. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-87-92.

Личная безопасность осужденных наряду с безопасностью персонала уголовно-исполнительной системы является важнейшим условием стабильного и эффективного функционирования учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, и своего рода индикатором правоохранительной и правозащитной деятельности.

Безопасность в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации трактуется как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечивается реализация конституционных прав и свобод гражданина Российской Федерации¹.

Федеральный закон «О безопасности» устанавливает тождество понятий «безопасность» и «национальная безопасность», при этом не раскрывая их содержания². В легальном определении, как отмечает М. В. Чиннова, нуждаются все правовые понятия, имеющее ключевое значение, то есть понятия, с помощью которых раскрывается общий целевой смысл конкретного нормативно-правового акта³. Обращает на себя внимание, что если в Стратегии национальной безопасности говорится о защищенности личности, общества и государства, то в ст. 1 федерального закона «О безопасности» акцент смещен на обеспечение безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, и только в последнюю очередь, как в советских традициях, говорится об обеспечении безопасности личности.

На доктринальном уровне достаточно интересной представляется точка зрения, высказанная Б. А. Быковым. По его мнению, логичной выглядит схема, когда виды безопасности и национальная безопасность воспринимаются не как состояние защищенности, а через наличие системы универ-

сальных государственных охранительных мер, направленных на сдерживание любых угроз (или в случае с видами безопасности – угроз определенного вида) стабильному развитию страны⁴.

Мы бы отметили, что национальная безопасность воспринимается и через систему международных судебных органов, анализом решений которых подтверждается обязанность государства обеспечивать безопасность своих граждан⁵.

Учитывая, что безопасность является объектом публично-правовых охранительных правоотношений, а субъектами таких правоотношений являются в первую очередь компетентные органы государственной власти с широким кругом полномочий, есть смысл согласиться с мнением о том, что национальная безопасность воспринимается через систему государственных охранительных мер, тем более понятие «охрана» отражает более широкий диапазон воздействия, чаще всего обозначает возможности осуществления права, а также законных интересов в нормальных и аномальных условиях, тогда как термин «защита» всегда используется только в отношении нарушенного права⁶.

Первоочередная задача, как нам представляется, состоит не в том, чтобы защищать, а в том, чтобы охранять. Если будет обеспечена эффективная охрана, то и защита не понадобится.

Личная безопасность осужденных к наказаниям, связанным с изоляцией от общества, – это закрепленная законом возможность сохранения своей жизни и здоровья в период отбывания уголовного наказания, которая в случае угрозы обеспечивается обязанностью должностного лица исправительного учреждения по переводу осужденного в безопасное место и принятию иных мер по ее устранению.

Изучение вопросов механизма реализации права осужденных на безопасность в уголовно-исполнительной системе имеет большое значение для комплексного анализа института правового положения осужденных. Каков же этот механизм? Рассмотрим его элементы.

Во-первых, в качестве таковых выступают правовые предписания, направленные на реализацию права осужденных на личную безопасность. Они находят свое закрепление в нормативных правовых актах различной юридической силы, включая международно-правовые.

Последняя группа юридических норм представлена как универсальными, так и региональными международными актами, носящими общий или специализированный характер, обязательными для исполнения и не являющимися таковыми.

В первую очередь здесь можно назвать следующие международно-правовые акты: Всеобщая декларация прав человека, Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Европейские тюремные правила 2006 г., Правила Нельсона Манделы 2015 г.

Современное расширенное понимание национальной безопасности предполагает синтез безопасности граждан и государственной безопасности, а также включает вклад государства в международную и глобальную безопасность⁷.

Основу правового регулирования права на личную безопасность, как уже отмечалось, составляет Конституция Российской Федерации, в которой закреплена охрана различных уровней безопасности. Кроме того, Основной закон, а именно ст. 71, содержит норму, непосредственно регулиующую уголовно-исполнительные правоотношения. В ней констатируется, что принятие уголовно-исполнительного законодательства относится к ведению Российской Федерации.

Определенную роль в механизме регулирования права на личную безопасность осужденных выполняет федеральный конституционный закон от 30.05.2001 «О чрезвычайном положении»⁸, нормы которого детализируются в ч. 1 ст. 85 УИК РФ, регулиющей введение режима особых условий в исправительных учреждениях. Правовая основа обеспечения безопасности, в том числе и осужденных, содержится и в нормах федерального закона «О безопасности».

Правовые предписания, направленные на реализацию права осужденных на личную безопасность в широком смысле, закреплены в УК РФ. Так, на основании ч. 1 ст. 2 УК РФ одной из задач кодекса является обеспечение мира и безопасности человечества. В соответствии с ч. 1 ст. 7 уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает безопасность человека, в том числе и осужденных при исполнении наказаний, как связанных с изоляцией от общества, так и не связанных с таковой.

Основной комплекс норм, направленных на реализацию права осужденных на личную безопасность содержится в УИК РФ. Понятие «личная безопасность» в настоящее время закреплено в ч. 1 ст. 10, ч. 2 ст. 13, ч. 1 ст. 73, ч. 3 ст. 68, ч. 2 ст. 81, ч. 1 ст. 84, ст. 86, ч. 1 ст. 127 УИК РФ⁹.

Для появления соответствующих правоотношений, то есть для начала реализации права на личную безопасность, необходимым является наличие юридического факта как составного элемента механизма правового регулирования.

Главенствующим юридическим фактом, порождающим уголовно-исполнительные правоотношения, в соответствии со ст. 7 УИК РФ, является приговор, вступивший в законную силу, либо изменяющие его уголовно-процессуальные документы (определение, постановление), а также внесудебные акты о помиловании или амнистии.

Поскольку в ст. 13 УИК РФ закреплено право осужденных на личную безопасность, основанием для возникновения правоотношений по реализации права на личную безопасность в сфере исполнения уголовных наказаний может служить воля соответствующего субъекта права, выраженная в юридически значимом акте. Встает вопрос: является ли юридически значимым актом направленная осужденным в прокуратуру жалоба на недостаточное обеспечение его безопасности?

Приведем пример. В связи с тем что осужденному Иванову угрожала расправой группа осужденных – злостных нарушителей режима, он обратился с просьбой о переводе в другую колонию к начальнику учреждения. Последний ограничился лишь переводом его в другой отряд, где через несколько дней упомянутая группа осужденных при избиении причинила тяжкий вред его здоровью. Иванов написал жалобу в прокуратуру. В результате прокурорской проверки было подтверждено халатное отношение начальника исправительной колонии к сво-

им обязанностям, повлекшее причинение тяжкого вреда здоровью осужденного, то есть наличие в действиях руководителя состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 293 УК РФ.

Конечно, данная жалоба, с нашей точки зрения, является юридически значимым актом. Правоприменитель в лице сотрудника прокуратуры провел проверку и подтвердил наличие юридического факта.

Так, во ФСИН России в 2020 г. поступило 874 обращения осужденных и их родственников с просьбой о переводе в целях обеспечения личной безопасности, в 2019 г. – 868 обращений¹⁰.

Как известно, юридические факты служат основанием для возникновения правоотношений, поэтому следующим элементом механизма реализации права на личную безопасность являются правоотношения в сфере обеспечения личной безопасности осужденных, которые образуются с учетом имеющейся совокупности норм уголовно-исполнительного законодательства, регламентирующих обеспечение безопасности осужденных (ч. 1 ст. 10, ч. 2 ст. 13, ч. 3 ст. 68, ч. 1 ст. 73, ч. 2 ст. 81, ч. 1 ст. 84, ст. 86, ч. 1 ст. 127 УИК РФ).

Уголовно-исполнительные правоотношения в сфере обеспечения личной безопасности представляют собой особый вид юридической связи между законодательно определенным кругом субъектов.

Основными субъектами уголовно-исполнительных правоотношений являются осужденный и любое должностное лицо учреждения, исполняющего такие уголовные наказания, как принудительные работы, арест и лишение свободы. В механизме реализации права осужденных на личную безопасность участвуют они оба: один субъект (осужденный) реализует право на личную безопасность путем обращения с заявлением к любому должностному лицу исправительного учреждения, другой (должностное лицо) обязан незамедлительно принять меры, обеспечивающие безопасность осужденного, причем начальник исправительного учреждения, получив достоверную информацию оперативным путем, может по собственной инициативе принять решение о переводе осужденного в безопасное место на территории исправительного учреждения на срок до 90 суток.

Субъектом уголовно-исполнительных правоотношений может быть и прокурор, действия которого, в отличие от участников уголовно-исполнительных правоотношений

(родственников осужденных, вольнонаемных, священнослужителей и т. д.), способны породить, изменять или прекращать данные правоотношения.

Введение режима особых условий как средство обеспечения правопорядка и условий отбывания уголовного наказания напрямую связано в числе прочего и с обеспечением права на безопасность осужденных, персонала и иных лиц, ибо такие основные права осужденных, как личная безопасность, охрана здоровья, ограничению не подлежат. Введение данного режима и, соответственно, приостановление реализации некоторых прав осужденных (ст. 88–97 УИК РФ) согласуются с Генеральным прокурором Российской Федерации либо соответствующим прокурором.

Согласно общепринятой в теории права классификации следующим элементом механизма реализации права на личную безопасность осужденных являются акты реализации прав и обязанностей субъектов правоотношений в сфере обеспечения личной безопасности осужденных.

Эти акты весьма разнообразны. Они могут быть представлены в форме заявления осужденного, направленного к должностному лицу ИУ об обеспечении личной безопасности (ч. 1 ст. 13 УИК РФ), жалобы, направленной в суд, или постановления начальника исправительного учреждения о переводе осужденного в безопасное место на срок до 90 суток (п. 187 Правил внутреннего распорядка ИУ).

На основании ч. 4 ст. 13 УИК РФ актом реализации права может быть мотивированное постановление (определение) суда, прокурора, следователя, дознавателя о применении мер безопасности начальником ИУ в отношении осужденного, являющегося участником уголовного судопроизводства.

Следует подчеркнуть, что в рамках уголовно-исполнительных правоотношений в ст. 13 УИК РФ за осужденными закреплено право на личную безопасность. В то же время в ч. 1 ст. 127 УИК РФ применительно к осужденным, отбывающим пожизненное лишение свободы, зафиксировано не право на личную безопасность, а всего лишь законный интерес. На нормативно-правовом уровне констатируется, что в случае размещения таких осужденных в камере по два человека и при возникновении угрозы личной безопасности по просьбе осужденного и на основании постановления начальника ИК они могут содержаться в одиночных камерах.

Как известно, субъективному праву одного субъекта правоотношений корреспондирует юридическая обязанность другого субъекта. В данном случае обязанность начальника ИК по переводу осужденного к пожизненному лишению в одиночную камеру для обеспечения безопасности в норме закона не закреплена. Вопрос решается в зависимости от усмотрения начальника учреждения.

На основании ч. 2 ст. 13 УИК РФ право на личную безопасность имеют только осужденные к трем видам уголовных наказаний: принудительным работам, аресту, лишению свободы.

С нашей же точки зрения, законные интересы вообще и законные интересы осужденных в частности не только являются элементом правового статуса личности (осужденных), но в определенной степени входят в содержание правоотношения, в том числе и уголовно-исполнительного. Соответственно, наряду с актами реализации прав и обязанностей субъектов правоотношений в сфере обеспечения личной безопасности могут иметь место и акты реализации законных интересов субъектов уголовно-исполнительных правоотношений. В нашем случае таким актом может стать постановление начальника ИК особого режима для осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы (ч. 1 ст. 127 УИК РФ), о переводе осужденного в одиночную камеру в целях его безопасности.

Необязательным элементом механизма реализации права осужденных на безопасность являются акты применения права (стадия привлечения к юридической ответственности). Если беспрепятственная форма реализации права не удается, то, как отмечают некоторые авторы, на помощь неудовлетворенному интересу приходит соответствующая правоприменительная дея-

тельность¹¹.

В процессе отбывания и исполнения уголовного наказания не всегда должным образом обеспечивается право осужденных и сотрудников исправительного учреждения на безопасность, что способствует совершению пенитенциарных преступлений.

Субъектами пенитенциарных преступлений являются осужденные и сотрудники исправительных учреждений. Следует отметить, что преступления против жизни и здоровья, совершенные сотрудниками УИС в отношении осужденных, не являются заметными в общей массе пенитенциарных преступлений, чего нельзя сказать о многочисленных коррупционных преступлениях. Однако не следует забывать о том, что правовые последствия в виде привлечения к юридической ответственности может претерпевать и другой субъект пенитенциарных преступлений – осужденный. В случае совершения им преступления, направленного на лишение жизни, причинение вреда здоровью сотрудника УИС, другого осужденного или иного лица, находящегося на территории ИУ, в отношении него выносится правоприменительный акт. Так, по данным ФСИН России, количество нападения осужденных на сотрудников службы в 2020 г. оказалось в 20 раз больше числа случаев неправомерного применения силы со стороны представителей ведомства.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что в УИС право осужденных на личную безопасность реализуется более эффективно по сравнению с аналогичным правом сотрудников УИС. Под механизмом реализации права осужденных на личную безопасность следует понимать совокупность последовательно организованных правовых средств, направленных на обеспечение личной безопасности осужденного в период отбывания уголовного наказания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102129631> (дата обращения: 10.01.2021).

² См.: О безопасности : федер. закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (дата обращения: 10.01.2021).

³ См.: Чиннова М. В. Дефиниции в нормативно-правовых актах : учеб. пособие. Киров, 2010. С. 85.

⁴ См.: Быков Б. А. Теоретические проблемы определения видов безопасности в Российской Федерации // Уголов.-исполнит. система: право, экономика, упр. 2017. № 1. С. 38; Efstathios T. F. Human and national security: a relation of contradiction or commonality? // Southeast European and Black Sea Studies. 2011. Vol. 11, no. 4. P. 370.

⁵ См.: Neira-Alegria Case. URL: http://www.worldcourts.com/iacthr/eng/decisions/1995.01.19_Neira_Alegria_v_Peru.pdf (дата обращения: 10.01.2021).

⁶ См.: Mijalkovic S., Molosevic G. Correlation Between Economic, Corporate And National Security // Megatrend Review. 2011. Vol. 8 (2). P. 38.

⁷ См.: Там же.

⁸ См.: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31866/ (дата обращения: 10.01.2021).

⁹ См.: Бакулин В. К. Классификация оснований обеспечения личной безопасности осужденных // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Самара, 2020. С. 221–226.

¹⁰ См.: Обзор обращений граждан. URL: <http://www.fsin.gov.ru/news/arhive.php> (дата обращения: 30.01.2021).

¹¹ См.: Проблемы теории права и правореализации : учеб. / отв. ред. Л. Т. Бакулина. М., 2017. С. 189.

¹ См.: Strategiya nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102129631> (data obrashheniya: 10.01.2021).

² См.: O bezopasnosti : feder. zakon ot 28.12.2010 № 390-FZ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (data obrashheniya: 10.01.2021).

³ См.: Chinnova M. V. Definicii v normativno-pravovy'x aktax : ucheb. posobie. Kirov, 2010. S. 85.

⁴ См.: By'kov B. A. Teoreticheskie problemy' opredeleniya vidov bezopasnosti v Rossijskoj Federacii // Ugolov.-ispolnit. sistema: pravo, e'konomika, upr. 2017. № 1. S. 38; Efstathios T. F. Human and national security: a relation of contradiction or commonality? // South-east European and Black Sea Studies. 2011. Vol. 11, no. 4. P. 370.

⁵ См.: Neira-Alegria Case. URL: http://www.worldcourts.com/iacthr/eng/decisions/1995.01.19_Neira_Alegria_v_Peru.pdf (data obrashheniya: 10.01.2021).

⁶ См.: Mijalkovic S., Molosevic G. Correlation Between Economic, Corporate And National Security // Megatrend Review. 2011. Vol. 8 (2). P. 38.

⁷ См.: Там же.

⁸ См.: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31866/ (data obrashheniya: 10.01.2021).

⁹ См.: Бакулин В. К. Klassifikaciya osnovanij obespecheniya lichnoj bezopasnosti osuzhden-ny'x // Penitenciar'naya bezopasnost' : nacional'ny'e tradicii i zarubezhny'j opyt' : materi-aly' vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem. Samara, 2020. S. 221–226.

¹⁰ См.: Обзор обращений граждан. URL: <http://www.fsin.gov.ru/news/arhive.php> (data obrashheniya: 30.01.2021).

¹¹ См.: Problemy' teorii prava i pravorealizacii : ucheb. / otv. red. L. T. Bakulina. M., 2017. S. 189.

Некоторые особенности работы со следами преступлений, совершенных с использованием беспилотных летательных аппаратов на территориях исправительных учреждений

Е. Г. АЛЕКСАНДРОВА – аспирант кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия

Статья посвящена такому следственному действию, как осмотр места происшествия в рамках расследования преступлений, совершенных при использовании беспилотных летательных аппаратов на территориях исправительных учреждений. Обосновывается необходимость привлечения специалистов различных областей науки, техники и ремесла с целью выявления большего количества следов и недопущения их утраты. Перечисляются объекты и следы, которые потенциально можно обнаружить при проведении осмотра места происшествия. Приводится алгоритм проведения осмотра места происшествия с учетом специфики совершения преступления с использованием беспилотного летательного устройства. Предлагаются эффективные способы сохранения следов для последующего назначения судебных экспертиз.

Ключевые слова: след; следы преступления; беспилотный летательный аппарат; расследование; назначение экспертиз.

12.00.12 – Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, оперативно-розыскная деятельность.

Для цитирования: Александрова Е. Г. Некоторые особенности работы со следами преступлений, совершенных с использованием беспилотных летательных аппаратов на территориях исправительных учреждений. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 1 (11), с. 93–96. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-93-96.

Some features of work with traces of crimes committed with using unmanned aerial vehicles in the territories of correctional institutions

E. G. ALEKSANDROVA – Postgraduate Student of the Department of Forensic Enquiry and Criminalistics of the Russian State University of Justice

The article is devoted to such an investigative action as an inspection of the scene of the incident as part of the investigation of crimes committed when using unmanned aerial vehicles in the territories of correctional institutions. The necessity of attracting specialists from various fields of science, technology and craft is substantiated in order to identify a larger number of traces and prevent their loss. The list of objects and traces that can potentially be found during the inspection of the scene is presented. An algorithm for conducting an inspection of the scene is given taking into account the specifics of the commission of a crime using an unmanned aerial device. Effective ways of preserving traces for the subsequent appointment of forensic enquiries are proposed.

Key words: trace; traces of a crime; unmanned aerial vehicle; investigation; appointment of examinations.

12.00.12 – Forensic science, forensic activity, operational search activity.

For citation: Aleksandrova E. G. Some features of work with traces of crimes committed with using unmanned aerial vehicles in the territories of correctional institutions. *Ius publicum et privatum* : online scientific and practical journal of private and public law, 2021, no. 1 (11), pp. 93–96. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-93-96.

В настоящее время происходит активное распространение среди граждан беспилотных летательных устройств. Одновременно с этим увеличивается число их использования в противоправных целях. По данным управления режима и надзора Федеральной службы исполнения наказаний, на территории Российской Федерации беспилотные летательные аппараты (далее – БПЛА) незаконно применяются для доставки осужденным в учреждения уголовно-исполнительной системы Российской Федерации запрещенных предметов: телефонов, зарядных устройств, сим-карт, наркотических средств, психотропных веществ и алкогольной продукции. В связи с этим соответствующими органами предпринимаются меры, направленные на пресечение указанных правонарушений и преступлений, в частности внедряются системы противодействия БПЛА. В то же время приобретает значимость проведение всестороннего, полного и объективного расследования преступлений, совершаемых с использованием БПЛА на территориях исправительных учреждений. В рамках данной статьи будут рассмотрены некоторые особенности работы со следами такого вида преступления, как незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, совершенного с использованием БПЛА на территории учреждений уголовно-исполнительной системы.

Важное место в теории криминалистики и судебной экспертизы занимает понятие «след», которое рассматривается в широком и узком смыслах. В широком смысле следами являются любые, всевозможные и разнообразные последствия события преступления: изменение обстановки на месте преступления, изменения свойств и качеств предметов и др.¹ К данной категории следов относятся типичные, наиболее часто встречающиеся следы и их комплексы, характерные для каждого из видов преступлений. Однако это разнообразие следов не может быть ограничено использованием только криминалистических познаний. Для учета всей имеющейся информации на месте совершения преступления необходимо привлечение специалистов из различных областей наук.

К предмету изучения криминалистического учения о следах относится малая часть

всего разнообразия следов. В первую очередь необходимо рассмотреть классификацию следов в узком смысле, которую дал Б. И. Шевченко². Он предложил понимать под следом отображение морфологических особенностей внешнего строения объекта, имеющего устойчивые пространственные границы, образующиеся в результате взаимодействия, связанного с событием преступления. В 1947 г. Б. И. Шевченко сформулировал общую классификацию следов, которую усовершенствовал в 1975 г., где подразделил следы по механизму образования на объемные и поверхностные. Позднее были разработаны иные классификации следов такими учеными, как Г. Л. Грановский³, Р. С. Белкин⁴, Н. П. Майлис⁵ и многие другие. В настоящее время под следом в узком смысле понимают причинно-связанное остаточное явление, имеющее отношение к событию преступления, которое представляет собой материально фиксированное отображение на одном объекте свойств строения другого объекта.

Прежде чем приступить к рассмотрению комплекса следов, которые необходимо обнаружить на месте совершения незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, реализуемого с использованием БПЛА на территориях учреждений уголовно-исполнительной системы, выделим особенности данного вида преступления, установленные в ходе изучения отчетов Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний:

1. Основным способом обнаружения и перехвата посылок, незаконно доставляемых с использованием БПЛА, является патрулирование прилегающих к исправительным учреждениям и следственным изоляторам территорий.

2. Частыми причинами изъятия БПЛА и доставляемых грузов выступают ошибки пилотов, а также технические проблемы устройств. В ходе полета беспилотного летательного устройства на небольшой высоте (до 20 м) происходили столкновения с малозаметными преградами – проводами, антеннами, металлическими растяжками, громоотводами и т. п. Аварийность гражданских БПЛА составляет 0,04 % от количества полетов. Полагаем, что ночью процент

аварийности беспилотного летательного аппарата значительно повышается.

3. В настоящее время отсутствуют эффективные универсальные системы противодействия БПЛА, решающие вопросы их обнаружения, пеленга и нейтрализации, которые можно было бы приобрести по доступной цене. Экспериментальные исследования подтверждают необходимость проверки разработанных комплексов противодействия беспилотным летательным устройствам, так как при практическом применении систем обнаруживаются недостатки, не позволяющие эффективно и своевременно противодействовать им. Однако именно технические системы противодействия беспилотным летательным аппаратам в настоящее время являются единственным эффективным средством обнаружения совершающегося преступления.

Перейдем к рассмотрению основных следственных ситуаций, возникающих при расследовании незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, совершенного с использованием БПЛА на территории учреждений уголовно-исполнительной системы, от которых зависит, какие объекты и следы могут быть обнаружены при осмотре места происшествия:

1. Обнаружен груз, сброшенный с беспилотного летательного аппарата. Указанная ситуация типична, когда груз в силу разных обстоятельств не попадает в руки осужденных. Это может быть падение на участки территории учреждений, куда доступ осужденных исключен, или осуществлены активные действия оперативных групп по своевременной локализации участка.

2. Обнаружен беспилотный летательный аппарат с грузом на его борту. Данная ситуация имеет место, когда БПЛА потерпело крушение, не достигнув цели. Падение груза возможно на любом участке территории учреждения или за его пределами. Обнаружение беспилотника может быть случайным или (при его видеонаблюдении и использовании различных систем) закономерным.

3. Обнаружен пульт управления беспилотного летательного аппарата, подключенный к устройству. В качестве устройства чаще всего выступают телефоны, планшеты и ноутбуки. Указанная ситуация возможна в случаях, когда оперативная группа по определенным причинам оказалась близко к оператору, управляющему беспилотным устройством. В этом случае оператор сбрасывает пульт управления как улику своих противоправных действий.

При проведении такого следственного действия, как осмотр места происшествия на беспилотном летательном аппарате и пульте дистанционного управления, могут быть обнаружены следующие виды следов:

– запаховые следы человека на литий-ионном аккумуляторе и флеш-носителе беспилотного летательного устройства, а также на корпусе пульта дистанционного управления;

– дактилоскопические следы на корпусе беспилотного летательного устройства и пульте дистанционного управления;

– цифровые следы на внутренней памяти беспилотного летательного устройства, флеш-носителя и устройства, к которому был подключен пульт дистанционного управления, в виде фото-, видео- и лог-файлов.

Для обнаружения, фиксации и изъятия следов расследуемого события предлагается следующий алгоритм действий:

1. Изолировать участок местности или здания, где обнаружен сброшенный груз, беспилотный летательный аппарат и/или пульт управления.

2. Без перемещения груза беспилотного летательного устройства или пульта управления производится фотосъемка обнаруженного объекта и места его обнаружения. Фотосъемка выполняется с использованием четырех стандартных приемов фотографии и иных правил фотосъемки.

3. Упаковывание объектов. Для того чтобы уменьшить риск повреждения или уничтожения дактилоскопических следов, объект необходимо поднимать за элементы крепления: веревку, провод, ленту или жгут. Если такие элементы отсутствуют, то прикасаться к объекту можно только в тех местах, где имеются следы удара о грунт или иной объект. Например, это могут быть места деформаций с налипшей травой, элементами грунта или асфальта. Сотрудник, который готовит упаковку и застилает бумагу, работает в стерильных медицинских одноразовых перчатках, чтобы не повредить дактилоскопические следы и не оставить свои запаховые следы. Для упаковки БПЛА может быть использована одноразовая стерильная операционная простынь, которая связывается за четыре угла сверху объекта. Запечатывание объектов производится осторожно, чтобы избежать их перемещения внутри упаковки.

4. После расположения груза в упаковке необходимо его сфотографировать и далее транспортировать в соответствующее учреждение.

Отметим, что для работы с объектами по выявлению имеющихся следов требуется привлечение специалиста-криминалиста с соответствующими технико-криминалистическими средствами и при необходимости специалистов иных областей наук. Например, у криминалистов имеется жидкость для нейтрализации клеящих свойств липкой стороны клейких лент для выявления на ней потожировых следов рук. На флеш-носителе информации и литий-ионном аккумуляторе беспилотного летательного аппарата могут быть сохранены запаховые следы человека, которые специалист-криминалист должен упаковать герметично, чтобы не допустить их утрату.

Важно после изъятия следов или объектов-следоносителей своевременно и в правильной последовательности назначить судебные экспертизы и передать соответствующие объекты. Пример правильной последовательности назначения экспертиз:

- экспертиза запаховых следов;
- трасологическая экспертиза;
- биологическая экспертиза;
- компьютерно-техническая экспертиза;
- портретная экспертиза.

Заметим, что экспертиза запаховых следов редко назначается правоохранительными органами. Однако данный вид экспертизы эффективно решает идентификационные задачи, в связи с чем нельзя игнорировать

экспертизу запаховых следов при наличии соответствующих объектов. Также недопустимо назначение трасологической и иных видов экспертиз до проведения экспертизы запаховых следов (если назначение таковой предполагается), так как запаховые следы обладают летучестью, ограниченное время сохраняются на объектах, а также легко уничтожаются под воздействием неблагоприятных условий окружающей среды.

Таким образом, при расследовании преступлений, совершаемых с использованием беспилотных летательных аппаратов на территориях исправительных учреждений, следует тщательно производить осмотр места происшествия с привлечением соответствующих специалистов. Необходимо понимать, что помимо традиционных трасологических следов на беспилотных летательных аппаратах, пультах дистанционного управления и устройствах, присоединяемых к пультам дистанционного управления, могут сохраняться запаховые следы человека и цифровые следы, которые имеют важное доказательственное значение для правильного разрешения уголовного дела. При обнаружении объектов с потенциальной возможностью сохранения на них следов важно не только выявить материальные следы, но и правильно изъять, предупредив их уничтожение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ляер Л. Л. К вопросу о криминалистическом учении о механизмах слеодообразования // Юрид. вестн. Самар. ун-а. 2016. Т. 2, № 4. С. 92.

² См.: Шевченко Б. И. Научные основы современной трасологии / под ред. Е. У. Зицер. М., 1947. С. 48.

³ См.: Грановский Г. Л. Основы трасологии. 2-е изд. М., 2006. С. 225.

⁴ См.: Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М., 2000. С. 145.

⁵ См.: Майлис Н. П. Основы дактилоскопии : курс лекций. М., 2016. С. 86.

¹ Sm: Lyaer L. L. K voprosu o kriminalisticheskom uchenii o mekhanizmah sledoobrazovaniya // Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta 2016. S. 92.

² Sm: Shevchenko B. I. Nauchnye osnovy sovremennoj trasologii / pod red. E.U. Zicer. M., 1947. S. 48.

³ Sm: Granovskij G. L. Osnovy trasologii. 2-e izd. M.: Nauka, 2006. S. 225.

⁴ Sm: Belkin R. S. Kriminalisticheskaya enciklopediya. M.: Megatron XXI, 2000. S. 145.

⁵ Sm: Majlis N. P. Osnovy daktiloskopii: Kurs lekcij. M.: RGUP, 2016. S. 86.

Компьютерная этика и киберэтика в судебно-экспертной деятельности

О. С. ЗАЛИВОХИНА – аспирант кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия

О. С. КУЧИН – профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент, академик РАЕ, заслуженный деятель науки и техники РАЕ

В статье рассматриваются вопросы этического характера, связанные с процессом информатизации судебно-экспертной деятельности. В последние годы в связи с развитием компьютерной техники ученые и философы начали говорить о новых направлениях учения о морали. Компьютерно-этическая и киберэтическая тематика особенно актуальна как для криминалистики, так и для судебной экспертологии, поскольку данные области науки и практической деятельности тесно связаны с использованием информационных технологий. Автор анализирует связь современных учений о нравственности с методологией судебно-экспертной деятельности и компетенцией эксперта. Также через призму киберэтики и компьютерной этики в статье освещаются проблемы ответственности эксперта, оценки информации, обеспечения безопасности в Интернете. Делается вывод о необходимости внедрения положений современной компьютерной этики в структуру этики судебного эксперта.

Ключевые слова: киберэтика; компьютерная этика; информатизация; судебная экспертиза; экспертная деятельность; криминалистическая техника.

12.00.12 – Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, оперативно-розыскная деятельность.

Для цитирования: Заливохина О. С., Кучин О. С. Компьютерная этика и киберэтика в судебно-экспертной деятельности. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 1 (11), с. 97–102. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-97-102.

Computer ethics and cyberethics in forensic expert activity

O. S. ZALIVOKHINA – Postgraduate Student of the Department of Forensic Science and Criminalistic of the Russian State University of Justice

O. S. KUCHIN – Professor of the Department of Forensic Expertise and Criminalistic of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Associate Professor, Academician of RANH, Honored Worker of Science and Technology of RANH

The article deals with ethical issues related to the process of informatization of forensic expert activity. In recent years in connection with the development of computer technology scientists and philosophers began to talk about new directions in the teaching of morality. Computer ethical and cyber-ethical topics are especially relevant both for forensic science and for forensic expertology, since these areas of science and practice are closely related to the use of information technology. The author analyzes the connection of modern teachings on morality with the methodology of forensic expert activity and the competence of an expert.

Also through the prism of cyberethics and computer ethics, the article highlights the problems of expert responsibility, information assessment and Internet security. It is concluded that it is necessary to introduce the provisions of modern computer ethics into the structure of the ethics of a forensic expert.

Key words: cyber ethics; computer ethics; informatization; forensic examination; expert activity; forensic technique.

12.00.12 – Forensic science, forensic activity, operational search activity.

For citation: Zalivokhina O. S., Kuchin O. S. Computer ethics and cyberethics in forensic expert activity. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 1 (11), pp. 97–102. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-97-102.

Настоящий этап развития человечества часто характеризуют как информационный. Это связано со многими процессами в обществе, однако решающую роль играет внедрение во все сферы социальной жизни компьютерных технологий. Неудивительно, что с появлением новых технологий возникли и новые проблемы, в том числе этического характера.

Еще в 1950-х гг. Н. Винер обратил внимание на то, что активное использование информационных технологий неизбежно приведет к появлению новой ветви этики со своими специфическими моральными ценностями и принципами¹.

В данный момент для описания области знаний, занимающейся этическими проблемами, связанными с процессами информатизации общества, используют термины «информационная этика», «киберэтика» и «компьютерная этика». При этом данные понятия нередко выступают в качестве синонимов, хотя содержание их не тождественно.

На сегодняшний день существует несколько информационно-этических теорий, среди которых можно выделить теорию глобальной информационной этики, теорию инфосферы и др.² Так, основной тезис информационного подхода к этическим проблемам сводится к тому, что компьютерные технологии являются инструментом глобализации общества. Помимо этого, они все больше проникают не только в область трудовой деятельности человека, но и в сферу повседневности. Соответственно, информационная этика – это не прикладная область философской этики, рассматривающая узкий круг вопросов в системе «человек – компьютер», а новая форма существования этики как таковой, определенная стадия ее закономерного развития³. Более того, некоторые авторы, в частности Л. Флориди, рассматривают информационную этику как онтоцентричную теорию, задача которой за-

ключается в оценке информации с моральной точки зрения. При этом каждый объект по своей природе является информационным и существует в информационной сфере, а информация и есть бытие⁴. Таким образом, информационная этика выступает наиболее общим понятием.

Далее следует остановиться на киберэтике. Данное учение занимается этическими и социальными проблемами, возникающими в обществе как ответ на появление и развитие всемирной компьютерной сети, глобального киберпространства. Прежде всего это касается нравственных принципов поведения человека в Интернете, реализации и защиты его прав и свобод в киберпространстве.

Наконец, компьютерная этика анализирует с точки зрения морали и нравственности элементы и связи в системе «человек – технология». Сюда можно отнести проблемы этического оправдания применения компьютерной технологии, личной ответственности пользователя при возникновении программных ошибок и др.⁵

Судебно-экспертная деятельность является именно той сферой, которую на современном этапе невозможно представить без компьютерных технологий. Новые технологии не только играют важную роль в методологии экспертных исследований, но и становятся их объектами. В этой связи представляется необходимым рассмотреть ряд проблем киберэтического и компьютерно-этического характера, связанных с профессиональным трудом эксперта.

В качестве первой проблемы можно выделить вопрос допустимости современных компьютерных технологий в методологии экспертного исследования. К основным критериям допустимости экспертных методов (в том числе основанных на использовании различных технических средств) в литературе относят научную обоснованность, законность, безопасность, эффективность

и экономичность⁶. Иногда в числе требований к методам наряду с законностью выделяют также и этичность⁷. При производстве предварительного расследования, действительно, следует разграничивать процессуально-этическую (связанную с законным получением доказательственной информации в соответствии с нормами Конституции Российской Федерации, международных пактов о правах человека, УПК РФ и других нормативных актов) и собственно-этическую (связанную исключительно с нравственной позицией специалиста, следователя или дознавателя относительно гуманности, культуры и цели применения методов получения информации) сторону допустимости использования тех или иных методов и научно-технических средств⁸. Однако применительно к судебно-экспертному исследованию граница дифференциации требований законности и этичности метода видится весьма размытой. Критерий этичности в этом случае будет относиться не столько к содержанию и условиям применения метода, сколько к корректности поведения эксперта при взаимодействии с коллегами – членами комиссии экспертов и лицами, присутствующими при производстве экспертизы.

С другой стороны, критерий этичности тесно связан с таким нравственным качеством эксперта, как научная добросовестность. Научная добросовестность, в частности, означает, что эксперт проводит полное и всестороннее исследование объекта, осознанно используя современные достижения научно-технических средств, приемов и методов⁹. Соответственно, требование научной обоснованности методов экспертного исследования также может быть рассмотрено через призму киберэтики и компьютерной этики. В настоящее время компьютерные технологии являются неотъемлемой частью любого экспертного исследования, их внедрение должно способствовать не только оптимизации труда эксперта, но и повышению объективности экспертных выводов, например за счет выполнения вспомогательных расчетов по известным формулам и алгоритмам с помощью специализированного программного обеспечения, автоматизации сбора и обработки экспериментальных данных. Иными словами, использование компьютерной технологии должно минимизировать риск возникновения экспертных ошибок. Однако, как справедливо отмечается в литературе, наблюдается и обратная тенденция. Так, Е. Р. Россинская к числу экспертных ошибок,

способных послужить причиной получения недостоверных выводов эксперта, относит использование неадекватных математических моделей и компьютерных программ, применение нелегальных компьютерных программ, отсутствие у эксперта навыков работы с компьютерными средствами и системами¹⁰. В этой связи необходимо отметить, что если использование нелегального программного обеспечения с точки зрения компьютерной этики однозначно является неприемлемым, то неспособность эксперта оценить адекватность той или иной программы объекту и условиям исследования, грамотно ее применить и проанализировать результаты относится, скорее, к проблеме компетенции и компетентности эксперта. Безусловно, в современных реалиях изменился подход к подготовке экспертных кадров: образовательные программы для судебных экспертов включают не только профильные дисциплины по родам (видам) исследований, но и курсы математики, информатики и компьютерных технологий в профессиональной деятельности. В то же время идея расширения компетенции эксперта до уровня программиста с практической точки зрения представляется утопичной. Поэтому весьма актуальной видится компьютерно-этическая проблема ответственности эксперта за возникновение программных ошибок при использовании им компьютерных технологий. С одной стороны, эксперт является пользователем, а не разработчиком той или иной компьютерной программы, поэтому не может отвечать за корректность ее кода, алгоритмов и работы в целом. С другой стороны, эксперт является субъектом исследования, ответственным за его ход и результаты, включая используемые методы и технические средства.

Исходя из вышеизложенного, рациональным видится следующий вариант решения данной этической проблемы. Эксперт не может нести ответственность за ошибки, допущенные при разработке, установке, настройке, проверке программы и (или) устройства техническим специалистом, однако он должен предпринять все зависящие от него действия, чтобы выявить эти ошибки и не допустить их возможного влияния на объективность полученных результатов исследования. Так, представляется, что эксперт должен не только владеть навыками работы с программой или оборудованием, но и убедиться в наличии лицензии на использование данной компьютерной программы, сертификата качества и свидетельства о

поверке оборудования, апробации используемого метода или технического средства в экспертной практике. Кроме того, эксперт должен неоднократно проверять все вводимые и полученные данные, соотнося их с объектом и условиями исследования, а также с результатами применения альтернативных методов. Эксперту не следует пренебрегать помощью технических специалистов при возникновении сомнений в корректности функционирования применяемого оборудования. Факт того, что судебный эксперт не владеет достаточными знаниями для самостоятельного выявления и решения возможной технической проблемы, не является подтверждением некомпетентности эксперта. Напротив, игнорирование подобных сомнений может являться свидетельством профессиональной деформации эксперта, его некритичного подхода к себе и результатам исследования.

Еще одним важным аспектом, связанным с использованием компьютерной техники в судебно-экспертной деятельности, выступает проблема оценки экспертом информации, полученной посредством современных технологий. Прежде всего речь идет об использовании сети Интернет в качестве источника информации, необходимой для экспертного исследования. Следует отметить, что действующее законодательство прямо не устанавливает никаких ограничений прав эксперта в части использования информационных ресурсов справочного характера. Тем не менее информационное обеспечение судебно-экспертной деятельности должно строиться в соответствии с принципами, регламентированными федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности» и процессуальным законодательством. Соответственно, информационные ресурсы, используемые экспертом, должны отвечать критерию достоверности. Обращаясь к тому или иному электронному ресурсу, эксперт должен обратить внимание на его вид (портал, электронная библиотека, блог и т. п.), источник информации (государственный орган, организация, частное лицо), его статус и известность, порядок размещения и проверки данных. При работе с электронными ресурсами, не являющимися официальными изданиями, эксперту надлежит особенно тщательно проверять достоверность полученной информации, например, путем сопоставления данных из разных источников.

С другой стороны, проблема доверия эксперта информации, полученной посред-

ством современных технологий, имеет и другое выражение, связанное с компьютеризацией мышления судебного эксперта. Интеграция компьютерных технологий в структуру профессиональной деятельности призвана избавить эксперта от рутинной, поддающейся алгоритмизации части исследования. Однако этот процесс имеет и обратную сторону: трансформации подвергается сама познавательная деятельность эксперта. При работе со сложной, наукоемкой техникой у эксперта может возникнуть ложное чувство уверенности в достоверности результатов, полученных с ее помощью, утрачивается критический подход к выводам. Компьютер начинает восприниматься в качестве субъекта познания, в то время как судебный эксперт, напротив, теряет навыки творческого мышления и самостоятельного решения задач. В этой связи необходимо акцентировать внимание на том, что компьютер является не более чем средством исследования. Каждый объект судебной экспертизы уникален, и даже типовая, на первый взгляд, задача может потребовать неординарного подхода к ее решению. Безусловно, в современных реалиях судебный эксперт обязан владеть навыками работы с компьютерной техникой на высоком уровне, однако способность к эвристическому мышлению и умение анализировать результаты своей работы по-прежнему остаются важнейшими качествами судебного эксперта.

Следующей проблемой, требующей своего рассмотрения в рамках настоящего исследования, является киберэтическая проблема, связанная с деятельностью судебного эксперта в киберпространстве. Очевидно, что в настоящее время компьютерные технологии выступают не только средством профессиональной деятельности, но и необходимым компонентом частной жизни человека. Коммуникация посредством сети Интернет постепенно вытесняет все иные виды. Например, на государственном уровне созданы, функционируют и продолжают развиваться системы электронного правосудия и электронного правительства, позволяющие пользователю удаленно взаимодействовать с государственными органами. Однако наиболее стремительно развивается частный сектор, в котором особое место занимают различные социальные сети, форумы и иные платформы, используемые для обмена информацией между пользователями.

Тотальное проникновение компьютерных технологий как в сферу профессиональ-

ной деятельности, так и в частную жизнь человека породило проблему обеспечения безопасности данных. Каждый пользователь оставляет в сети Интернет информационный след, создавая для себя потенциальную опасность стать жертвой «утечки» персональных данных, которыми могут воспользоваться злоумышленники. Кроме того, в средствах массовой информации регулярно появляются сообщения о попадании в открытый доступ личной информации пользователей социальных сетей.

Еще более серьезной данная проблема становится, когда жертвой злоумышленника становится должностное лицо, наделенное властными полномочиями, в частности сотрудник правоохранительных органов. В целях минимизации рисков, связанных с распространением персональных данных, 26 июня 2020 г. был утвержден новый Кодекс этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, предписывающий сотруднику, в частности, воздерживаться от публичного размещения на страницах в социальных сетях и других ресурсах фотографий и видеозаписей, позволяющих определить его персональные данные и данные других сотрудников.

Хотя далеко не все судебные эксперты обладают статусом должностного лица, применительно к судебно-экспертной деятельности проблема безопасности в сети Интернет является не менее актуальной. Владение личной информацией о судебном эксперте способно послужить тем рычагом давления, которым может воспользоваться злоумышленник в целях получения нужных результатов экспертизы. Между тем следует отметить, что в силу специфики организации судебно-экспертной деятельности

в Российской Федерации на сегодняшний день отсутствует единый кодекс этики судебного эксперта. Отдельные ведомства, учреждения и организации, в том числе негосударственные, предпринимают попытки по созданию внутренних этических кодексов. Например, в настоящее время утвержден Этический кодекс государственных экспертов судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации, Кодекс этики судебного эксперта межрегиональной общественной организации по развитию экспертной и судебно-экспертной деятельности «Межрегиональный Общественный Экспертный Совет» и др. Однако анализ данных документов показывает, что в большинстве своем они не содержат никаких предписаний и рекомендаций, относящихся к сфере информационных технологий, что представляется существенным упущением.

Таким образом, внедрение в профессиональную деятельность современных информационных технологий не только позволило облегчить работу судебных экспертов за счет автоматизации решения некоторых задач, но и породило ряд проблем, связанных с допустимостью использования компьютеризированных методов и средств экспертного исследования, ответственностью эксперта за возникновение программных ошибок, оценкой информации, полученной посредством информационных технологий, поведением судебного эксперта в Интернете. Все эти вопросы должны получить разрешение не только с правовой, психологической, но и с этической точки зрения. В современных реалиях этика судебного эксперта не может развиваться, не затрагивая вопросы киберэтического и компьютерно-этического характера.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Wiener N. The Human Use Of Human Beings: Cybernetics And Society. Boston, 1954. С. 105

² См.: Манжуева О. М. Информационная этика современного общества // Изв. Томск. политех. ун-та. 2013. № 6. С. 288–291.

³ См.: Этика : энцикл. слов. / под ред. Р. Г. Апресяна, А. А. Гусейнова. М., 2001. С. 389.

⁴ См.: Галинская И. Л. Компьютерная этика, информационная этика, киберэтика // Россия и соврем. мир. 2001. № 2. С. 84–85.

⁵ См.: Там же. С. 79–83.

⁶ См.: Проткин А. А., Коляманов Р. А. Требования, предъявляемые к методам судебной экспертизы // Вестн. Москов. ун-та МВД России. 2012. № 3. С. 207–208.

⁷ См.: Давиденко П. А., Абакумов Р. Г., Наумов А. Е. Непосредственная и опосредованная методология проведения судебной строительно-технической экспертизы, проблемы и эффективность применения // Инновац. экономика: перспективы развития и совершенствования. 2017. № 2 (20). С. 60–61.

⁸ См.: Романов В. И., Шалимов А. Н. Этика предварительного следствия с применением научно-технических средств // Вестн. экономики, права и социологии. 2013. № 4. С. 142–143.

⁹ См.: Майлис Н. П. Этические нормы в экспертной деятельности // Вестн. Москов. ун-та МВД России. 2011. № 9. С. 163–164.

¹⁰ См.: Россинская Е. Р. Гносеологические и деятельностные экспертные ошибки при использовании в производстве судебных экспертиз современных технологий // Там же. 2015. № 3. С. 19–22.

¹ Sm.: Wiener N. The Human Use Of Human Beings: Cybernetics And Society. Boston, 1954. S. 105

² Sm.: Manzhueva O. M. Informacionnaya e'tika sovremennogo obshhestva // Izv. Tomsk. politex. un-ta. 2013. № 6. S. 288–291.

³ Sm.: E'tika : e'ncikl. slov. / pod red. R. G. Apresyana, A. A. Gusejnova. M., 2001. S. 389.

⁴ Sm.: Galinskaya I. L. Komp'yuternaya e'tika, informacionnaya e'tika, kibere'tika // Rossiya i sovrem. mir. 2001. № 2. S. 84–85.

⁵ Sm.: Tam zhe. S. 79–83.

⁶ Sm.: Protkin A. A., Kolyamanov R. A. Trebovaniya, pred'yavlyaemy'e k metodam sudebnoj e'kspertizy' // Vestn. Moskov. un-ta MVD Rossii. 2012. № 3. S. 207–208.

⁷ Sm.: Davidenko P. A., Abakumov R. G., Naumov A. E. Neposredstvennaya i oposredovannaya metodologiya provedeniya sudebnoj stroitel'no-texnicheskoj e'kspertizy', problemy' i e'ffektivnost' primeneniya // Innovacz. e'konomika: perspektivy' razvitiya i sovershenstvovaniya. 2017. № 2 (20). S. 60–61.

⁸ Sm.: Romanov V. I., Shalimov A. N. E'tika predvaritel'nogo sledstviya s primeneniem nauchno-texnicheskij sredstv // Vestn. e'konomiki, prava i sociologii. 2013. № 4. S. 142–143.

⁹ Sm.: Majlis N. P. E'ticheskie normy' v e'kspertnoj deyatel'nosti // Vestn. Moskov. un-ta MVD Rossii. 2011. № 9. S. 163–164.

¹⁰ Sm.: Rossinskaya E. R. Gnoseologicheskie i deyatel'nostny'e e'kspertny'e oshibki pri ispol'zovanii v proizvodstve sudebny'x e'kspertiz sovremenny'x tehnologij // Tam zhe. 2015. № 3. S. 19–22.

DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-103-106

УДК 342.9

Применение термина «деликт» в науке административного права

Я. В. ВАСИЛЬЕВА – доцент кафедры административного и финансового права Северо-Западного института (филиала) Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук

Статья посвящена анализу современного состояния науки административного права по вопросу административно-правовой терминологии. Рассматриваются мнения ученых о содержании термина «деликт» с целью конкретизации толкования и консолидации его в теории права как правовой категории. Анализируются предлагаемые наукой доктринальные определения понятия «административный деликт» и допустимость его употребления в сфере административной ответственности. Автором делается вывод о широком значении рассматриваемого термина, отсутствии тождественности понятию «административное правонарушение».

Ключевые слова: административно-деликтное право; административный деликт.

12.00.14 – Административное право, административный процесс.

Для цитирования: Васильева Я. В. Применение термина «деликт» в науке административного права. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 1 (11), с. 103–106. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-103-106.

Application of the term «tort» in the science of administrative law

YA. V. VASILIEVA – Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law of the North-West Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), PhD. in Law

The article is devoted to the analysis of the current state of the science of administrative law on the issue of administrative and legal terminology. The article considers the opinions of scientists on the content of the term “tort” in order to specify the interpretation and consolidate it in the theory of law as a legal category. The article analyzes the doctrinal definitions of the term “administrative tort” proposed by science and the admissibility of its use in the sphere of administrative responsibility. The author comes to the conclusion about the broad meaning of the term in question, its lack of identity to the concept of administrative offense.

Key words: administrative tort law; administrative tort.

12.00.14 – Administrative law; administrative process.

For citation: Vasilieva Ya. V. Application of the term «tort» in the science of administrative law. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 1 (11), pp. 103–106. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-103-106.

Одним из наиболее актуальных и динамично развивающихся направлений современного административного права и законодательства является административно-деликтное право¹. Большой интерес у исследователей вызывают прежде всего про-

блемы совершенствования специального научного терминологического инструментария в области административной ответственности, административных правонарушений, административного принуждения в целом, который и предлагается объединить

в рамках административно-деликтного права и, по сути, отождествить с ним.

Следует подчеркнуть, что понятия «законодательство об административных правонарушениях» и «административно-деликтное законодательство» достаточно неоднородны. Согласно ст. 1.1 КоАП РФ законодательство об административных правонарушениях состоит из КоАП РФ и принимаемых в соответствии с ним законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях. Принятие в субъектах Российской Федерации законов об административных правонарушениях является восполнением пробелов в российском федеральном законодательстве, а также средством реализации полномочий субъектов Российской Федерации и их конституционного права в области нормативного правового обеспечения по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, их исключительного ведения, в том числе по вопросам местного самоуправления. Административно-деликтные законы субъектов Российской Федерации призваны обеспечить неотвратимость административной ответственности физических, должностных и юридических лиц за нарушения законов и иных нормативных правовых актов в случаях, не установленных федеральным законодательством.

Однако КоАП РФ и региональные законы об административной ответственности содержат далеко не все составы административных правонарушений, частично указанный вид ответственности регламентирован и другими законодательными актами. Таким образом, административно-деликтное законодательство – понятие более широкое и содержит в себе все законодательные акты, включающие составы административных правонарушений. Тем самым действующее административно-деликтное законодательство нельзя признать полностью кодифицированным, что затрудняет ознакомление с ним граждан и должностных лиц, его применение, а также и борьбу с административными правонарушениями. Указанный вид законодательства остается громоздким и запутанным. При этом в современной России в условиях развития модели административного конституционализма, которая обуславливает всестороннюю защиту прав и свобод граждан в сфере публичного управления², необходимость решения проблемы законодательного закрепления нового понятийного аппарата обозначилась наиболее остро.

Важнейшим научным вопросом является употребление термина «деликт» в науке административного права. Так, профессор А. А. Гришковец³ поднимает данную терминологическую проблему. Действительно, в науке встречаются ситуации разночтения терминов, в результате чего одно явление может быть охарактеризовано совершенно по-разному, вплоть до противоречий. Допустима ли в науке такая ситуация? С одной стороны, у каждого ученого есть право новаторства и публикации собственного видения какой-либо проблемы, так как наука – это полет творческой мысли. С другой стороны, у науки имеется некая основа, фундамент, который складывался из опыта целых поколений и прошел утверждение временем. Данную часть науки вполне можно охарактеризовать как традиционная. Представляется, что раздел науки, который именуется терминологией, должен быть включен именно в традиционную ее часть. Это означает, что исторически сложившиеся термины не должны быть подвержены произвольному пересмотру, так как для общего взаимопонимания необходимо использовать термины в их однозначном значении.

Частным проявлением обозначенной проблемы является применение пришедшего к нам из римского права термина «деликт» в науке административного права. Деликт (от лат. *delictum*) – всякое недозволенное действие, нарушение, вина, проступок, правонарушение, влекущее за собой какое-либо наказание.

Самостоятельно термин «деликт» в законодательстве Российской Федерации не закреплен и не нашел применения, но широко используется в научно-правовой литературе. Деликт (причиненный вред) может быть как частного (проступки в отношении отдельных физических лиц), так и публичного или общественного характера (вторжение в сферу интересов государства).

В целях конкретизации толкования и консолидации его в теории права как правовой категории ученые предлагают доктринально его определить. Так, например, М. Н. Кобзарь-Фролова называет деликт виновным противоправным деянием (действием, бездействием) индивидуального или коллективного субъекта, наносящим вред государственным, общественным интересам и интересам личности и выражающимся в неисполнении своих обязанностей и обязательств, запрещенным соответствующей правовой нормой под угрозой наказания⁴.

Данный термин активно используют такие авторы, как С. Ф. Кечекьян, С. С. Алексеев, Г. А. Аксененок, Л. В. Коваль, А. В. Кирин, В. А. Круглов и др.

Так, П. Е. Спиридонов, рассуждая о понятии «административный деликт», указывает следующее: «если проанализировать термин “административный деликт” с позиции того, что “административный” обозначает принадлежность к сфере государственного управления, а “деликт” – правонарушение, то под административным деликтом следует понимать любое правонарушение, связанное с государственным управлением. Из этих правонарушений следует исключить преступления, предусмотренные Уголовным кодексом Российской Федерации, и дисциплинарные проступки, совершаемые в рамках трудовых правоотношений. Следовательно, остаются административные правонарушения и административно-дисциплинарные проступки, которые можно объединить общим термином “административный деликт”». Продолжая анализ, П. Е. Спиридонов определяет административный деликт как общественно вредное, противоправное, виновное и наказуемое действие (бездействие), не влекущее привлечения к уголовной ответственности. В случае привлечения к ответственности юридических лиц административный деликт – общественно вредное, противоправное и наказуемое действие (бездействие), так как говорить о субъективной стороне в указанной ситуации сложно⁵.

В. А. Круглов определяет административно-деликтное право как «совокупность правовых норм, установленных высшим органом законодательной власти и определяющих, какие общественно опасные деяния являются административными правонарушениями, устанавливающих основания и условия административной ответственности, взыскания, которые могут быть применены к лицам, совершившим административное правонарушение»⁶. При этом в указанном определении автор избегает использовать термин «административный деликт», а использует законодательное понятие «административное правонарушение», что, на наш взгляд, не является последовательной позицией. Если подотрасль, отрасль права обозначается через конкретный термин, то и в содержании научного труда должно быть обоснование и определение избранного термина.

Ю. И. Попугаев применяет понятие деликта ко всем видам юридической ответственности:

«в основе разделения деликтов на разновидности (уголовный, гражданский, административный) лежат такие критерии, как классификация, степень общественной опасности (вредности) последствий и характер субъективной стороны»⁷. Автор ограничивается понятием деликта как правонарушения и исключает его гражданско-правовое происхождение и природу. Ученый констатирует факт происхождения данного термина в среде частного права, но применяет его ко всем видам юридической ответственности.

Действительно, для употребления термина «деликт» в сфере административного права недостаточно ограничиваться лишь переводом данного термина с латинского языка, следует учитывать его происхождение и принадлежность к науке римского и частного права.

С другой стороны, термины «административный деликт», «административное деликтное право», «административно-деликтное законодательство» являются устоявшимися для ученых-административистов. В административно-правовой доктрине деликт однозначно воспринимается как синоним правонарушения⁸.

Интерес представляет позиция Р. В. Наторных, который предлагает не ограничивать применение понятия «административный деликт» только к административному правонарушению, но распространить его использование на любое причинение вреда охраняемым законом общественным отношениям в сфере публичного управления⁹.

Кроме того, к термину «деликт» обращаются ученые и других отраслей публичного права. Так, например, конституционалисты рассматривают конституционный деликт как основание конституционной ответственности¹⁰, специалисты в сфере уголовного права – как основание преступления¹¹.

Таким образом, термин «административный деликт» следует рассматривать как широкое понятие, которое:

- во-первых, по своему объему значительно шире и не тождественно понятию административного правонарушения;
- во-вторых, образует обособленную разновидность вреда и юридической ответственности за пределами гражданской ответственности, возникающей вследствие вреда (ущерба), причиняемого гражданским правоотношениям («*delictum privatum*»), и за пределами уголовной ответственности, возникающей вследствие вреда, причиненного уголовно наказуемым деянием;

– в-третьих, затрагивает отношения имущественного характера, то есть обуславливает возникновение у причинителя вреда в сфере публичного управления обязанности

возмещения материального и морального ущерба (вреда) в пользу потерпевшего либо восстановления нарушенного права.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: Нагорных Р. В. Теоретические модели построения системы российского административного права // Вестн. Гроднен. гос. ун-та им. Янки Купалы. Сер. 4 : Правоведение. 2020. Т. 10, № 3. С. 38–48.

² См.: Он же. Эволюция административно-правовой науки и ее задачи в современных условиях // Право, государство, управление: общетеоретические и отраслевые аспекты. Томск, 2020. С. 147–162.

³ См.: Гришкoveц А. А. Допустим ли термин «деликт» в науке административного права? // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А. И. Каплунова. СПб., 2020. С. 295–303.

⁴ См.: Кобзарь-Фролова М. Н. Соотношение правонарушения, проступка, преступления и деликта // Вестн. Рос. тамож. акад. 2010. № 1. С. 50–57.

⁵ См.: Спиридонов П. Е. Административно-деликтные правоотношения и их особенности // Сибир. юрид. обозрение. 2019. Т. 16, № 4. С. 538–544.

⁶ См.: Круглов В. А. Административно-деликтное право : учеб. пособие. Минск, 2003. С. 11.

⁷ См.: Попугаев Ю. И. О деликте, деликтизации и совершенствовании административно-деликтного нормотворчества // Вестн. экон. экном. безопасности. 2016. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-delikte-deliktizatsii-i-sovershenstvovanii-administrativno-deliktного-normotvorchestva> (дата обращения: 24.05.2020).

⁸ См., например: Никулин М. И. Предупреждение административных правонарушений (деликтов) и снижение административной деликтности // Власть и упр. на Востоке России. 2012. № 2 (59). С. 145–149.

⁹ См.: Нагорных Р. В., Васильева Я. В. Нормы административно-деликтного права и законодательства // Вестн. Перм. ин-та ФСИН России. 2020. № 3 (38). С. 84–90.

¹⁰ См., например: Федюнин С. С. Конституционный деликт как основание конституционной ответственности депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. : Право. 2011. № 1 (10). С. 79–85; Трофимова Г. А. Конституционно-правовая ответственность Правительства РФ: основные деликты // Конституц. и муницип. право. 2010. № 2. С. 45–51.

¹¹ См.: Васкэ Е. В. О мотивации совершения деликтов несовершеннолетними преступниками // Приволж. науч. журн. 2009. № 2 (10). С. 218–224; Ситникова А. Подготовка к преступлению как вневидимый уголовно-правовой деликт // Уголов. право. 2007. № 4. С. 63–66.

¹ Sm.: naprimer: Nagornyh R.V. Teoreticheskie modeli postroeniya sistemy rossijskogo administrativnogo prava // Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni YAnki Kupaly. Seriya 4. Pravovedenie. 2020. T. 10. № 3. S. 38–48.

² Sm.: Nagornyh R.V. Evolyuciya administrativno-pravovoy nauki i ee zadachi v sovremennyh usloviyah // V knige: Pravo. gosudarstvo. upravlenie: obshcheteoreticheskie i otraslevye aspekty / Nacional'nyj issledovatel'skij tomskij gosudarstvennyj universitet, yuridicheskij institut. Tomsk, 2020. S. 147–162.

³ Sm.: Grishkovec A.A. Dopustim li termin «delikt» v nauke administrativnogo prava? Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-processual'nogo prava [Elektronnyj resurs]: sbornik statej po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Sorokinskie chteniya), 27 marta 2020 goda / pod obshch. red. d-ra yurid. nauk, prof. A. I. Kaplunova. S. 295–303.

⁴ Sm.: Kobzar'-Frolova M.N. Sootnoshenie pravonarusheniya, prostupka, prestupleniya i delikta // Vestnik Rossijskoj tamozhennoj akademii. 2010. № 1. S. 50–57.

⁵ Sm.: Spiridonov P.E. Administrativno-deliktnye pravootnosheniya i ih osobennosti // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2019. T. 16. № 4. S. 538–544.

⁶ Sm.: Kruglov V.A., Administrativnoe-deliktное pravo. Uchebnoe posobie. - Mn.: Izd-vo MIU, 2003. S. 11.

⁷ Sm.: Popugaev YU.I. O delikte, deliktizacii i sovershenstvovanii administrativno-deliktного normotvorchestva // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2016. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-delikte-deliktizatsii-i-sovershenstvovanii-administrativno-deliktного-normotvorchestva> (data obrashcheniya: 24.05.2020).

⁸ Sm.: naprimer: Nikulin M.I. Preduprezhdenie administrativnyh pravonarushenij (deliktov) i snizhenie administrativnoj deliktности // Vlast' i uprav. na Vostoke Rossii. 2012. № 2 (59). S. 145–149.

⁹ Sm.: Nagornyh R.V., Vasil'eva YA.V. Normy administrativno-deliktного prava i zakonodatel'stva // Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii. 2020. № 3 (38). S. 84–90.

¹⁰ Sm.: naprimer: Fedyunin S.S. Konstitucionnyj delikt kak osnovanie konstitucionnoj otvetstvennosti deputatov zakonodatel'nyh (predstavitel'nyh) organov gosudarstvennoj vlasti sub'ektov Rossijskoj Federacii // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2011. № 1 (10). S. 79–85. Trofimova G.A. Konstitucionno-pravovaya otvetstvennost' Pravitel'stva RF: osnovnye delikty // Konstituc. i municipal'noe pravo. 2010. № 2. S. 45–51.

¹¹ Sm.: Vaske E.V. O motivacii soversheniya deliktov nesovershennoletnimi prestupnikami // Privolzhskij nauchnyj zhurnal. 2009. № 2 (10). S. 218–224. Sitnikova A. Prigotovlenie k prestupleniyu kak vnestadijnyj ugovolno-pravovoj delikt // Ugolovnoe pravo. 2007. № 4. S. 63–66.

DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-107-111

УДК 342.951

Принципы контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд

М. С. ГОРЧАКОВА – магистрант 3 курса факультета психологии и права ВИПЭ ФСИН России

В статье поднимается актуальный вопрос совершенствования принципов отечественной контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Проведен анализ отдельных принципов, представленных в научной литературе, но не закрепленных в законодательстве. Автор приходит к выводу о том, что соблюдение принципов осуществления государственных заказов гарантирует возможность совершенствования данной сферы, делает возможным осуществление всесторонней, эффективной, адаптивной к изменениям экономической ситуации закупочной деятельности государства, его органов и учреждений.

Ключевые слова: государственное управление; административное право; административно-правовое регулирование; государственные закупки; контрактная система; принципы контрактной системы.

12.00.14 – Административное право; административный процесс.

Для цитирования: Горчакова М. С. Принципы контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 1 (11), с. 107–111. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-107-111.

Principles of the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs

M. S. GORCHAKOVA – 3rd Year Undergraduate Student of the Faculty of Psychology and Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article raises the topical issue of improving the principles of the domestic contract system in the procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs. The analysis of certain principles presented in the scientific literature, but not enshrined in the legislation, is carried out. The author comes to the conclusion that adherence to the principles of implementing government orders guarantees the possibility of improving this area, makes it possible to implement a comprehensive, efficient, adaptive to changes in the economic situation, procurement activities of the state, its bodies and institutions.

Key words: public administration; administrative law; administrative and legal regulation; state procurements; contract system; principles of the contract system.

12.00.14 – Administrative law; administrative process.

For citation: Gorchakova M. S. Principles of the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 1 (11), pp. 107–111. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-107-111.

В настоящее время отечественная контрактная система является ключевым инструментом управленческого воздействия на экономику, она призвана экономно расходовать бюджетные средства, поддерживать отечественного производителя и

реализовывать потенциал малого предпринимательства. Так, современной задачей российской государственной политики является повышение эффективности государственных расходов на всех уровнях.

На данном этапе происходит преобразование институтов гражданского и административного права. Ранее контрактная система представляла собой лишь частно-правовой институт, теперь же, приобретая двойственный характер, рассматривается через призму административно-правового регулирования¹ и фактически содержит преобладающий объем административно-правовых норм. В связи с этим вопросам совершенствования административно-правовых основ отечественной контрактной системы в сфере государственных и муниципальных закупок уделяется самое пристальное внимание.

Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ) нормативно установлены принципы контрактной системы в сфере закупок (ст. 6). Будучи исходными правовыми основаниями, они предназначены для формирования единообразной правоприменительной практики в сфере государственного заказа и применения административно-правовых норм на основе единых сущностных начал административно-правового регулирования. Вместе с тем в научной литературе выделяют отдельные специфические принципы контрактной системы, не получившие своего законодательного закрепления. Проведенный нами анализ различных источников позволил выделить следующие принципы контрактной системы в сфере закупок:

1. Принцип обеспечения качества. Как известно, главным критерием отбора поставщика в соответствии с Законом № 44-ФЗ является цена, а преимущественным способом его определения – электронный аукцион, в котором качество товара имеет второстепенное значение. Заказчик не может по каким-либо причинам получить продукцию, которая бы обладала характеристиками, необходимыми ему для осуществления в полной мере своей деятельности. Следовательно, если государственный заказчик не может закупить необходимую продукцию, то он не сможет выполнить в полной мере обязательства, накладываемые на него обществом, предоставляя услуги, не соответствующие потребностям общества. Неэффективность

государственных заказчиков приводит к серьезным проблемам, так как их деятельность распространяется на сферы, имеющие тесную связь с государством. Для обеспечения эффективности контрактной системы необходимо стремиться к качественной, а не ценовой конкуренции. Поэтому следует уделять большее внимание качественным характеристикам предмета закупки, что позволит не только сэкономить бюджетные средства в долгосрочной перспективе, но и избежать негативных последствий поставки некачественных товаров, работ и услуг.

2. Принцип экономичности и рациональности отражает способы формирования административно-правовых механизмов, которые направлены на обеспечение максимальной экономичности, рациональности, а также эффективности государственного заказа. Действие его проявляется в основном на этапах планирования, формирования и размещения государственного заказа. Принцип экономичности и рациональности призван минимизировать объемы расходимых средств при сохранении установленного уровня качества поставляемых продуктов. Серьезной проблемой действующего законодательства является рассмотрение эффективности государственного заказа с позиции финансовой экономии без учета совокупности экономических эффектов. Экономичность и рациональность служат моделью, позволяющей минимизировать объемы используемых средств при сохранении установленного уровня качества товаров, услуг, работ. В научных публикациях верно отмечается, что возможность экономии бюджетных средств посредством снижения закупочных цен при проведении конкурсных процедур служит значимым аргументом в пользу модели государственных закупок, установленной законом². Вместе с тем представляется, что прямая экономия при осуществлении закупки того или иного товара, работы, услуги должна сопоставляться с экономией, возникающей при дальнейшем их использовании (данного товара, результата выполненной работы, оказанной услуги) на протяжении всего срока службы.

3. Принцип поддержки национального товаропроизводителя предполагает предоставление российским производителям товаров, работ и услуг различного рода преимуществ перед иностранными производителями. Реализация данного принципа имеет важное социально-правовое значение и направлена на стимулирование развития национальной экономики и под-

держку российских товаропроизводителей. Поддержка отечественных производителей является одной из целей предусмотренного Законом № 44-ФЗ национального режима, который представляет собой запреты и ограничения, применяемые в закупках товаров, работ и услуг, произведенных в иностранных государствах. Другие цели указанного национального режима (развитие российской экономики, обеспечение национальной безопасности, запрет на иностранную продукцию двойного назначения) подтверждают важность и значимость рассматриваемого принципа.

Наряду с осуществлением государственной поддержки национального товаропроизводителя в рамках функционирования контрактной системы следует закрепить принцип государственной поддержки товаропроизводителей, активно участвующих в социальных проектах государства, реализации отдельных его функций, в том числе в форме государственно-частного партнерства (например, предоставление преимуществ при госзакупках организациям-работодателям, квотирующим и выделяющим рабочие места для лиц предпенсионного возраста, лиц, освободившихся из мест лишения свободы, осужденных к наказанию в виде исправительных работ, и т. п.).

4. Принцип безопасности. В настоящее время в связи с осложнением политической ситуации в мире возникает потребность в защите интересов российского государства, в том числе и в контексте обеспечения и развития оборонного потенциала в условиях усиления внешних угроз. Решение данной непростой задачи непосредственно связано с развитием института государственных закупок. При этом повышение уровня конкуренции, привлечение к государственным закупкам все большего числа участников неизбежно порождает определенные риски, связанные с исполнением сторонами своих обязательств, что в конечном итоге влияет на уровень экономической безопасности государства³. В то же время принципы экономической целесообразности, результативности и эффективности в расходовании публичных денежных фондов, а также опыт применения различных механизмов обеспечения экономической безопасности государственных структур показали продуктивность применения контрактной системы государственных закупок, основанной на принципах доступности и конкуренции ее участников. Значимость достижения безопасности контрактной системы обуслов-

лена также и тем, что именно с помощью контрактной системы осуществляется непосредственное ресурсное обеспечение ключевых государственных процессов – обороноспособности, функционирования всех органов государственной и муниципальной власти, регулирования социально-экономических процессов в долгосрочной перспективе. В связи с этим возникает необходимость предупреждения возникновения возможных угроз и рисков взаимодействия государства и бизнеса в целях устойчивого стратегического развития национальной экономики и обеспечения государственной безопасности.

5. Принцип конкретности. Одним из основных недостатков Закона № 44-ФЗ является то, что его нормы не в полной мере учитывают особенности отдельных групп и видов товаров, работ и услуг, из чего вытекают и многие другие проблемы. Установление единых и общих правил размещения заказов без учета отраслевой специфики, отсутствие регламентации заказов на сложную, редкую продукцию является пробелом действующего законодательства, в итоге понижающим эффективность и рациональность реализации государственной политики в области госзаказа. На основании ст. 22 Закона № 44-ФЗ действует порядок формирования начальной максимальной цены контракта. Среди прочих методов указан метод сопоставимых рыночных цен. Нормативных и иных документов, согласно которым устанавливалась бы цена на ту или иную продукцию в том или ином регионе (районе) Российской Федерации (источников для формирования начальной максимальной цены контракта), не установлено. Как справедливо отмечается в научной литературе, на сегодняшний день при формировании начальной максимальной цены контракта в южной части России можно брать цены, которые установились в северных регионах, Сибири и т. п.⁴ Возникают ситуации, когда заказчик устанавливает слишком завышенные цены, например, при проведении строительно-монтажных работ, возведении зданий и сооружений.

Необходимо установить источники формирования начальной максимальной цены контракта в зависимости от региона (района) для исключения коррупционной составляющей и, следовательно, изменить часть третьей статьи двадцать второй, изложив ее в следующей редакции: «При применении метода сопоставимых рыночных цен (анализа рынка) информация о ценах товаров,

работ, услуг должна быть получена с учетом сопоставимых с условиями планируемой закупки коммерческих, региональных и (или) финансовых условий поставок товаров, выполнения работ, оказания услуги».

6. Использование оптимальных форм и технологий размещения государственного заказа. В связи с обязанностью совершения почти всех процедур государственного заказа возникла проблема правового обеспечения Единой информационной системы (ЕИС), которая зачастую из-за технических сбоев и загруженности выходит из строя. Информационные ресурсы также не успевают вовремя обновляться, поэтому некоторые операции проводятся вручную, на что затрачивается большое количество времени. В результате сложившейся ситуации появились некоторые трудности при проведении проверок заказчиков и производимых закупок, что может привести к большому числу сговоров и нарушений контрактного законодательства. Следовательно, существует риск неисполнения государством своей социальной обязанности перед гражданами Российской Федерации в части соблюдения принципа открытости и прозрачности осуществления государственных закупок. В связи с этим следует поддержать точку зрения тех авторов, которые предлагают создать несколько информационных ресурсов для равномерного и бесперебойного приема информационных резервов, а также обеспечить возможность размещения сведений о закупочных процессах на региональном и муниципальном направлениях в системах заказчиков на личных интернет-сайтах с перенесением данной информации в Единую информационную систему (ЕИС)⁵.

7. Комплексность использования процедур государственного заказа. Контрактная система представляет собой совокупность различных элементов, которые должны взаимодействовать между собой, образуя единый комплекс, – именно таким образом достигается успешное ее функционирование. Должно обеспечиваться комплексное использование всех процедур контрактной системы начиная от планирования государственного заказа и заканчивая нормирова-

нием, обоснованием закупки и созданием определенной документации. Контрактная система в целом является эффективным инструментом финансового снабжения только при комплексном использовании всех ее процедур и методов. В настоящее время не все возможности контрактной системы используются в полной мере (например, выходит из строя единая информационная система, а официальный сайт государственных закупок работает с техническими перебоями).

8. В число принципов в сфере осуществления закупок также видится целесообразным включить принцип комплексности нормативно-правового регулирования контрактной системы и закупочной деятельности, поскольку объем нормативных источников в данной области очень велик: в настоящее время действует множество правовых актов, нормативов затрат и методических рекомендаций по данным вопросам, что существенно затрудняет их изучение и практическое применение. Количество таких актов должно быть минимизировано, в том числе за счет их консолидации, исключения дублирования правовых норм, а также избегания случаев установления на подзаконном уровне (ведомственные акты и методические рекомендации) правовых норм, принятие которых входит в компетенцию законодателя. Вместе с тем предлагаемый нами принцип, скорее, охватывает вопросы не построения самой контрактной системы, а ее правового регулирования, поэтому вернее было бы отнести его к принципам правового (административно-правового) регулирования контрактной системы в сфере закупок.

Таким образом, четкость и обоснованность принципов контрактной системы в сфере государственных и муниципальных закупок, их неукоснительное соблюдение создают условия для совершенствования данной системы, делают возможным осуществление всесторонней, эффективной, адаптивной к изменениям экономической ситуации закупочной деятельности государства, его органов и учреждений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Саберова М. Ш., Ханин С. В. Принцип открытости и прозрачности в законодательстве о контрактной системе // Юрид. техника. 2020. № 14. С. 336–339.

² См.: Пожидаева В. В. Административно-правовое регулирование государственного заказа в Российской Федерации // Науч. сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки. 2016. № 10 (46). С. 214–222. URL: [https://sibac.info/archive/social/10\(46\).pdf](https://sibac.info/archive/social/10(46).pdf) (дата обращения: 13.10.2020).

³ См.: Шибанова А. А. Обеспечение экономической безопасности системы государственных закупок в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. эконом. наук. СПб., 2020. 22 с.

⁴ См.: Коновалова З. А. Организационно-правовые проблемы в сфере закупок // Проблемы в рос. законодательстве. 2017. № 3. С. 406–412.

⁵ См.: Балтутите И. В., Давудов Д. А. Современные проблемы в сфере контрактной системы государственных и муниципальных закупок // Правовая парадигма. 2019. Т. 18, № 1. С. 105–111.

¹ См.: Saberova M. Sh., Xanin S. V. Princip otkry`tosti i prozrachnosti v zakonodatel`stve o kontraktnoj sisteme // Yurid. tekhnika. 2020. № 14. S. 336–339.

² См.: Pozhidaeva V. V. Administrativno-pravovoe regulirovanie gosudarstvennogo zakaza v Rossijskoj Federacii // Nauch. soobshhestvo studentov XXI stoletiya. Obshhestvenny`e nauki. 2016. № 10 (46). S. 214–222. URL: [https://sibac.info/archive/social/10\(46\).pdf](https://sibac.info/archive/social/10(46).pdf) (data obrashheniya: 13.10.2020).

³ См.: Shibanova A. A. Obespechenie e`konomicheskoy bezopasnosti sistemy` gosudarstvenny`x zakupok v Rossijskoj Federacii : avtoref. dis. ... kand. e`konom. nauk. SPb., 2020. 22 s.

⁴ См.: Konovalova Z. A. Organizacionno-pravovy`e problemy` v sfere zakupok // Problemy` v ros. zakonodatel`stve. 2017. № 3. S. 406–412.

⁵ См.: Baltutite I. V., Davudov D. A. Sovremenny`e problemy` v sfere kontraktnoj sistemy` gosudarstvenny`x i municipal`ny`x zakupok // Pravovaya paradigma. 2019. Т. 18, № 1. С. 105–111.

Ценностные основы административного права

Н. А. Мельникова – доцент кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

С. В. Потылицына – магистрант 2 курса факультета психологии и права ВИПЭ ФСИН России

В статье раскрывается аксиологический подход к административному праву, анализируются формы воплощения ценностных основ административного права. Дается характеристика одной из существующих классификаций видов ценностных ориентаций, в рамках которой выделяют такие формы, как общественные целевые ценности и идеалы, предметно воплощенные ценности, личностные, экзистенциальные ценности. Авторами проведен анализ содержания каждой из групп ценностей с учетом особенностей их толкования. Сформулированы теоретические положения о ценностных основах административного права, обоснована социальная роль и значение отрасли. Особое внимание уделено предмету административного права и действующему административному законодательству в современных условиях, обозначены возможные направления их дальнейшего развития с учетом ценностных ориентаций, имеющих общее и отраслевое значение.

Ключевые слова: ценность; административное право; формы воплощения ценностей; общественные целевые ценности и идеалы; предметно воплощенные ценности; личностные экзистенциальные ценности.

12.00.14 – Административное право, административный процесс.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Для цитирования: Мельникова Н. А., Потылицына С. В. Ценностные основы административного права. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 1 (11), с. 112–116. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-112-116.

Value bases of administrative law

N. A. Melnikova – Associate Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor;

S. V. Potylitsyna – Undergraduate of the Faculty of Psychology and Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article reveals an axiological approach to administrative law, analyzes the forms of embodiment of the value foundations of administrative law. A characteristic is given of one of the existing classifications of types of value orientations, within the framework of which such forms as social target values and ideals, objectively embodied values, personal, existential values are distinguished. The authors analyzed the content of each of the groups of values, taking into account the peculiarities of their interpretation. The theoretical provisions on the value foundations of administrative law are formulated, the social role and importance of the industry are substantiated. Particular attention is paid to the subject of administrative law and the current administrative legislation in modern conditions, the possible directions of their

further development are outlined, taking into account the value orientations that have general and sectoral significance.

Key words: value; administrative law; forms of embodiment of values; social target values and ideals; objectively embodied values; personal existential values.

12.00.14 – Administrative law, administrative process.

12.00.01 – Theory and history of law and state; history of doctrines about law and state.

For citation: Melnikova N. A., Potylitsyna S. V. Value bases of administrative law. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 1 (11), pp. 112–116. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-112-116.

В обычной жизни смысл ценности заключается в значимости, важности, пользе или полезности чего-либо. С древних времен человечество интересуется проблема ценностей как философская категория. К ней обращаются, когда люди задаются вопросом о пользе и вреде, справедливости и незаконности, идеале, совершенстве, счастье, добре¹. Без ценностного подхода невозможно определить назначение права в общечеловеческом развитии.

В современной науке все чаще обращаются к обсуждению ценности административного права. Развитие аксиологического подхода позволяет сконцентрировать внимание на ключевых позициях данной отрасли права, тем самым способствуя повышению социальной значимости административного права, развитию административного правосознания населения, признанию административного права каждым индивидом и появлению самостоятельности и интеллектуальной активности при реализации своих прав и свобод.

Несомненно, наука служит интересам совершенствования любого элемента системы права. Из этого следует, что ценностный подход административного права как науки напрямую обусловлен признанием ценности отрасли административного права.

Постулат о том, что вопрос о ценностях в контексте отрасли имеет конкретное решение, отличное от решения общетеоретической проблемы ценностей, является идентичным для ряда работ, посвященных аксиологии административного права².

Анализ юридической литературы показывает, что интерпретация административно-правовых ценностей зависит от различных критериев, в частности от исторических этапов существования отрасли. И, как следствие, данные позиции влияют на предмет административно-правового регулирования³. В основе современного толкования ценностных ориентиров административного права, безусловно, лежат общечелове-

ческое понимание прав, свобод человека и гражданина, осознание необходимости совершенствования системы государственного управления, развития социальных институтов. Так, В. А. Юсупов утверждает, что административное право необходимо человеку для создания основы «благоприятного» изменения не только общества и государства, но и экономики страны и ее планов по построению интернациональных хозяйственных отношений. Административно-правовые нормы не только способствуют упорядочиванию конкретной сферы отношений, но и содействуют разрешению общесоциальных трудностей, конфликтов, остросоциальных тем и вопросов. При этом важной характеристикой административного права является то, что оно задействует свои ресурсы в оберегании и росте общекультурных ценностей нации, гарантирует каждому человеку и гражданину реализацию права на комфортное и безопасное существование. Поэтому основу социальной ценности административного права составляет обеспечение прав и свобод человека и гражданина⁴.

Для удобства восприятия подхода В. А. Юсупова к пониманию ценностных основ административного права представим описанные идеи схематично.

В аксиологии права особое внимание уделяется существующим формам воплощения ценностей, на которых базируются ценности конкретных отраслей права.

Авторы, изучающие проблему ценности административного права, едины в вопросе классификации форм существования ценностей. Выделяют три направления в их систематизации: общественные целевые ценности и идеалы, предметно воплощенные ценности, личностные, экзистенциальные ценности⁵. Остановимся на их характеристике.

Общественные целевые ценности и идеалы – это базовая, стартовая модель ценностей, содержание которой раскрывается на

том основании, что любая ценность зарождается внутри социального сообщества. Поэтому социальная ценность выступает

в форме идеала как собирательное отражение коллективного опыта, включающего опыт отдельного человека и всего общества.

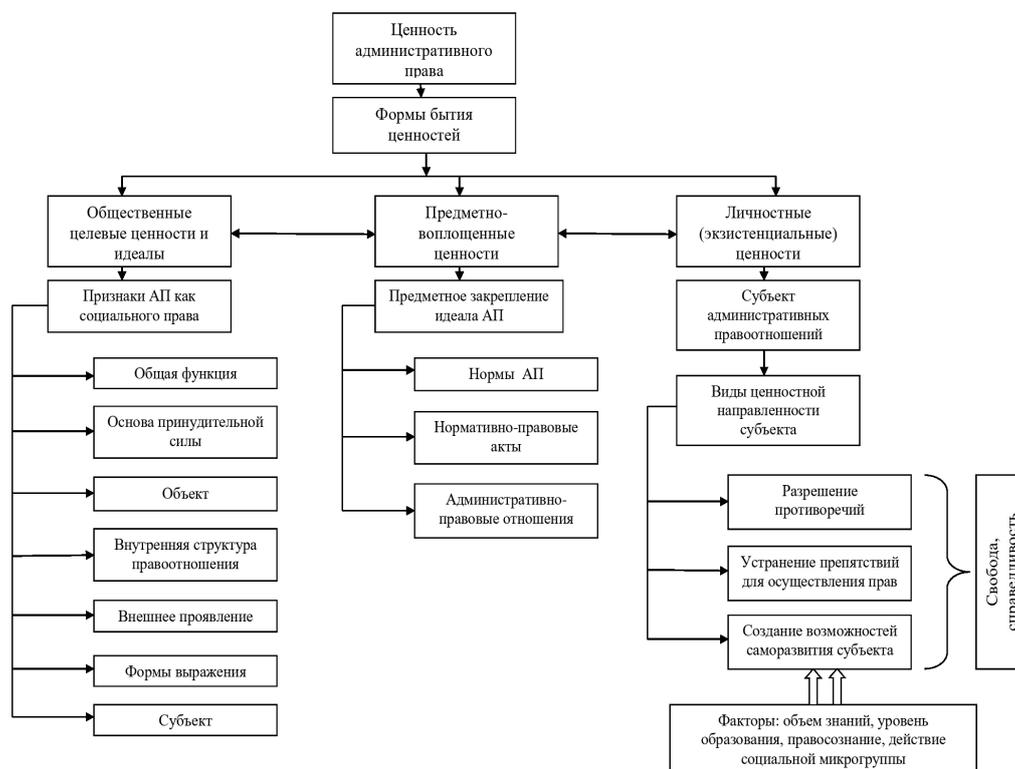

Рис 1. Ценностные основы административного права

Процесс развития человека как существа разумного придал таким социальным ценностям, как справедливость, свобода и равенство, характер правовых ценностей. Впоследствии они трансформировались в основные принципы права и присутствуют в правосознании человека в качестве правовых идеалов⁶. Поскольку административисты не придумывают ценности, а заимствуют их из реальной жизни и ценностей той среды, в которой это право зародилось и существует, можно утверждать, что административное право – это социальное право. Как справедливо отмечает Г. Д. Гурвич, в этимологическом понимании социального права находится точка соприкосновения трех столпов – «общества, права и государства»⁷.

Заслуженный юрист В. А. Юсупов объясняет особенности данной формы проявления ценности науки административного права. При данных условиях создается платформа для формирования базисных терминологических основ отрасли административного права как права социального, общественно важного. Это позволяет разработанные научные взгляды претворять в

реальной отрасли права: в административных нормах, отношениях и практике их реализации⁸.

Стереотип об административном праве как подлинно социальном праве в правосознании отдельного гражданина и общественном правосознании складывается в случае, когда нормы административного права отвечают действительным общественным потребностям. Безусловно, что смысл анализируемой модели проявления ценности данной отрасли права – это формирование административного правосознания гражданина.

Предметно воплощенные ценности подразумевают, что общественные идеалы должны быть не отвлеченными, а претворяться в материальных продуктах, произведениях, конструктах, актах поведения конкретных людей, где ценность обнаруживается в видимых проявлениях.

Если в нормах административного права, механизмах их применения и реальных административно-правовых отношениях, то есть в предмете данной отрасли права, закреплён идеал, то начинается предметное воплощение ценности⁹. Помимо этого,

предметное воплощение ценности должно проявляться в научных концепциях административного права, направленных на благо отдельной личности, общества и всего государства в целом. Несомненно, результатом применения всех административных норм должна быть реализация и защита прав и свобод человека и гражданина.

По мере того как новые жизненные реалии порождают новые идеалы, происходит переоценка ценностей. Вслед за изменившимися ценностными идеалами происходит также трансформация предметно воплощенных ценностей. Так, следует обратить внимание на генезис предмета административного права, а именно на его расширение. От общих положений, обслуживающих интересы аппарата государственного управления (что характерно для советского государства, административно-командной системы управления), административно-правовые нормы получили новое направление воплощения – защита частных интересов (развитие института административной юстиции, возможности реальной защиты прав, свобод отдельных граждан в споре с государственными, муниципальными органами). Подтверждающим фактом является принятие соответствующих нормативных правовых актов, в частности Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015.

В настоящее время особое внимание в рамках административного законодательства отводится вопросам противодействия коррупции. Считается, что административно-правовые средства позволяют обеспечить своевременное выявление коррупциогенных факторов и профилактику коррупционных преступлений¹⁰. Примером этому может служить институт антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов органов исполнительной власти, система запретов и ограничений на государственной службе.

Несмотря на развитую систему современного административного законодательства, назрела необходимость критического осмысления и научного анализа сложившейся практики административного правоприменения, а также объективной оценки эффективности административно-правовых норм с учетом происходящих изменений, конституционных требований. Так, на данный момент обнародована новая концепция Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Личностные, экзистенциальные ценности – это элементы структуры личности, устойчивые источники побуждений. Исходя из того что предметное воплощение ценностей происходит непосредственно в деятельности людей, которые транслируют эти ценности, будучи ими движимы, неизбежно признание существования ценностей в структуре мотивации личности.

Довольно разнообразно выглядят личные экзистенциальные оценки административного права. Их неоднородность обусловлена влиянием существующего багажа правовых знаний, понимания насущных социальных потребностей, образованности (уровня освоения различных образовательных программ) субъекта административного права. Также инспирируют личные экзистенциальные оценки административного права ценностные ориентации референтной группы человека (семья, трудовой коллектив, друзья и т. д.), степень развития личного административного правосознания.

Аксиологическая аргументация административного права создает базу для воспитания ценностно-положительного отношения к праву его адресатов, способствует тому, что именно эта основа становится первопричиной соблюдения норм права, а не угроза административного принуждения.

Для каждого человека смысл и авторитетность данной отрасли права сводится к разработке и совершенствованию административно-правовых механизмов защиты, обеспечения и результативной практики реализации прав, свобод, законных интересов и обязанностей человека и гражданина.

Один из способов обеспечения справедливости и свободы человека обосновал Б. А. Кистяковский. Ему принадлежит постулат о неразрывной связи идеалов административного права (справедливости и свободы) и его дисциплинирующего свойства¹¹.

Непосредственно сама личность становится ценностью для административного права только в том случае, когда ее действия соотносятся с понятием идеала в административном праве.

Н. Н. Алексеев, соотнося идеи права и конкретной личности, пришел к выводу, что в каждом из нас есть и положительные, и отрицательные ценности. В каждом из нас есть часть добра и зла. Отсюда становится понятно, что к известному утверждению, что «личность сама по себе есть ценность и даже высшая из ценностей», необходимо отнестись с определенной долей скепсиса¹².

Отличительной чертой изучаемого подхода к административному праву является тезис о циркуляции ценностного содержания между общественным правосознанием, нормами административного права и административно-правовыми деяниями.

Таким образом, можно утверждать, что ценностные основы административного

права тесно связаны с тем, что в его фундаменте заложены общественные ценности и идеалы, его предназначение заключается в оптимальном регулировании общественных отношений, служении обществу, государству и каждому человеку в отдельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Дробницкий О. Г. Мир оживших предметов. М., 1967. С. 6.

² См., например: Медведицкова Л. В. Права и свободы человека и гражданина как высшая ценность общества и государства // Актуальные проблемы философии и социологии права. Волгоград, 2005. С. 25–27; Штатина М. А. Целеполагание и ценностные ориентации в административном праве // Актуальные проблемы публичного права в России и за рубежом : материалы всерос. науч.-практ. конф. М., 2011. С. 235–245; Юсупов В. А. Философия административного права. Волгоград, 2009. 220 с.

³ См.: Нагорных Р. В. Обособление предмета правового регулирования административного права // *Ius publicum et privatum*. 2020. № 4 (9). С. 10–13.

⁴ См.: Юсупов В. А. Философия административного права. С. 35.

⁵ См.: Жеребцов А. Н. Очерк истории становления и развития науки российского административного права (часть 1) // Вестн. КРУ МВД России. 2016. № 1 (31). С. 31. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ocherk-istorii-stanovleniya-i-razvitiya-nauki-rossiyskogo-administrativnogo-prava-chast-1> (дата обращения: 27.12.2020).

⁶ См.: Философия права : учеб. / под ред. О. Г. Данильяна. М., 2005. С. 112.

⁷ См.: Баятова М. С. Особенности взаимоотношений общества, права и государства в концепции «социального права» Г. Д. Гурвича // Вестн. Курган. гос. ун-та. 2015. № 5 (39). С. 39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vzaimootnosheniy-obschestva-prava-i-gosudarstva-v-kontseptsii-sotsialnogo-prava-g-d-gurvicha> (дата обращения: 28.01.2020); Гурвич Г. Д. Философия и социология права : избр. соч. СПб., 2004. С. 55.

⁸ См.: Юсупов В. А. Административное право как социальная ценность // Вестн. Урал. ин-та экономики, управления и права. 2009. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnoe-pravo-kak-sotsialnaya-tsennost> (дата обращения: 17.12.2020).

⁹ См.: Там же.

¹⁰ См.: Варов А. И., Житков А. А. К вопросу о понятии коррупции // Уголовное наказание в России и за рубежом: проблемы назначения и исполнения (к 10-летию принятия Европейских пенитенциарных правил) : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. / под общ. ред. П. В. Голодова. Вологда, 2017. Ч. 1. С. 38–41.

¹¹ См.: Кистяковский Б. А. Философия и социология права. СПб., 1999. 800 с.

¹² См.: Гречушникова Ю. С. Правовые ценности в концепции Н. Н. Алексеева // Право, общество, государство: проблемы теории и истории : сб. материалов всерос. науч. студ. конф. М., 2016. С. 137–141.

¹ Sm.: Drobniczkij O. G. Mir ozhivshix predmetov. M., 1967. S. 6.

² Sm., naprimer: Medvediczкова L. V. Prava i svobody` cheloveka i grazhdani-na kak vy`sshaya cennost` obshhestva i gosudarstva // Aktual`ny`e problemy` filosofii i sociologii` prava. Volgograd, 2005. S. 25–27; Shtatina M. A. Celepolaganie i cennostny`e orientacii v administrativnom prave // Aktual`ny`e problemy` publichnogo prava v Rossii i za rubezhom : materialy` vseros. nauch.-prakt. konf. M., 2011. S. 235–245; Yusupov V. A. Filosofiya administrativnogo prava. Volgograd, 2009. 220 s.

³ Sm.: Nagornyy`x R. V. Obosoblenie predmeta pravovogo regulirovaniya ad-ministrativnogo prava // *Ius publicum et privatum*. 2020. № 4 (9). S. 10–13.

⁴ Sm.: Yusupov V. A. Filosofiya administrativnogo prava. S. 35.

⁵ Sm.: Zherebczov A. N. Oчерk istorii stanovleniya i razvitiya nauki rossij-skogo administrativnogo prava (chast` 1) // Vestn. KRU MVD Rossii. 2016. № 1 (31). S. 31. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ocherk-istorii-stanovleniya-i-razvitiya-nauki-rossiyskogo-administrativnogo-prava-chast-1> (data obrashheniya: 27.12.2020).

⁶ Sm.: Filosofiya prava : ucheb. / pod red. O. G. Danil`yana. M., 2005. S. 112.

⁷ Sm.: Bayutova M. S. Osobennosti vzaimootnoshenij obshhestva, prava i gosudarstva v koncepcii «social`nogo prava» G. D. Gurvicha // Vestn. Kurgan. gos. un-ta. 2015. № 5 (39). S. 39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vzaimootnosheniy-obschestva-prava-i-gosudarstva-v-kontseptsii-sotsialnogo-prava-g-d-gurvicha> (data obrashheniya: 28.01.2020); Gurchich G. D. Filosofiya i sociologiya prava : izbr. soch. SPb., 2004. S. 55.

⁸ Sm.: Yusupov V. A. Administrativnoe pravo kak social`naya cennost` // Vestn. Ural. in-ta e`konomiki, upravleniya i prava. 2009. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnoe-pravo-kak-sotsialnaya-tsennost> (data obrashheniya: 17.12.2020).

⁹ Sm.: Tam zhe.

¹⁰ Sm.: Varov A. I., Zhitkov A. A. K voprosu o ponyatii korrupcii // Ugolov-noe nakazanie v Rossii i za rubezhom: problemy` naznacheniya i ispolneniya (k 10-letiyu prinyatiya Evropejskix penitenciarny`x pravil) : sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. : v 2 ch. / pod obshh. red. P. V. Golodova. Volog-da, 2017. Ch. 1. S. 38–41.

¹¹ Sm.: Kistyakovskij B. A. Filosofiya i sociologiya prava. SPb., 1999. 800 s.

¹² Sm.: Grechushnikova Yu. S. Pravovy`e cennosti v koncepcii N. N. Alekseeva // Pravo, obshhestvo, gosudarstvo: problemy` teorii i istorii : sb. materialov vseros. nauch. stud. konf. M., 2016. S. 137–141.

О совершенствовании административно-правового регулирования в области кадрового обеспечения деятельности органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания

Р. В. НАГОРНЫХ – профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Статья посвящена проблеме совершенствования административно-правового регулирования в области кадрового обеспечения уголовно-исполнительной системы в условиях современного этапа административной реформы в нашей стране. Автором обоснованы предложения о необходимости принятия новых Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 г. и Концепции кадровой политики уголовно-исполнительной системы до 2030 г. Утверждение данных документов следует рассматривать как важнейшее практическое направление проведения нового этапа административной реформы, обусловленного внесением поправок в Конституцию Российской Федерации в 2020 г.

Ключевые слова: государственное управление; административно-правовое регулирование; кадровая политика; кадровая функция; уголовно-исполнительная система.

12.00.14. – Административное право; административный процесс.

12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность;

Для цитирования: Нагорных Р. В. О совершенствовании административно-правового регулирования в области кадрового обеспечения деятельности органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 1 (11), с. 117–120. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-117-120.

On improving administrative and legal regulation in the field of staffing the bodies and institutions executing criminal sentences

R. V. NAGORNYKH – Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

The article is devoted to the problem of improving administrative and legal regulation in the field of staffing of the penal system in the current stage of administrative reform in our country. The author substantiates proposals on the need to adopt new Concept for the development of the penal system until 2030 and the Concept of personnel policy of the penal system until 2030. The approval of these documents should be considered as the most important practical direction for a new stage of administrative reform, due to the amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020.

Key words: public administration; administrative and legal regulation; personnel policy; personnel function; penal system.

12.00.14. – Administrative law; administrative process.

12.00.11. – Judicial activities, prosecutorial activities, human rights and law enforcement activities;

For citation: Nagornykh R.V. On improving administrative and legal regulation in the field of staffing the bodies and institutions executing criminal sentences. *Ius publicum et privatum* : online scientific and practical journal of private and public law, 2021, no. 1 (11), pp. 117–120. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-117-120.

Кадровая функция как элемент структуры организационно-правового механизма реализации кадровой политики государственного управления оказывает системное влияние на реализацию основных целей и задач правоохранительной деятельности государства. Функция кадрового обеспечения деятельности органов государственного управления, осуществляющих правоохранительную деятельность, является разновидностью обеспечивающих функций, обладает как общими, так и специальными признаками.

В теоретическом плане функции органов управления были достаточно подробно рассмотрены в советский период такими учеными, как И. Л. Бачило, Б. М. Лазарев, В. М. Манохин, М. Н. Перфильев, Г. И. Петров, Л. Л. Попов, Ю. А. Розенбаум, Б. С. Украинцев и др. На современном этапе проведения конституционной и административной реформ проблемы функций органов государственного управления приобрели новое значение и также являются предметом теории административного права и практики административной деятельности органов исполнительной власти¹.

Наиболее точное определение функций органов управления дано Б. С. Украинцевым: это комплекс взаимосвязанных, определенных в статусе органа и основанных на непрерывном обмене информацией организационно-правовых воздействий органа, его структурных подразделений, служащих, которые обеспечивают объекты управления политической, экономической, плановой, методической ориентацией, материальными, техническими, трудовыми и другими ресурсами, в конечном счете организующих достижение целей, стоящих перед системой управления².

Кроме того, как справедливо отмечала И. Л. Бачило, рассматривая функции органа управления в качестве целенаправленной деятельности организационно-правового характера по обеспечению объектов управления различными ресурсами, необходимыми для решения задач, стоящих перед системой управления, нормы права, опре-

деляющие содержание и формы ресурсно-целевой деятельности, являются нормами, формирующими функции органа управления³. Эта позиция имеет важное методологическое значение и принципиально верна, поскольку в условиях становления конституционной демократии и правового государства в нашей стране роль и значение правовых механизмов существенно возрастают.

Исходя из того, что любая функция органа управления обладает признаками системного явления (правовыми, организационно-структурными, информационными, материально-техническими и т. п.), их возможно рассматривать и в отношении функции кадрового обеспечения органа управления, в том числе и в сфере исполнения уголовных наказаний.

Основное содержание функции кадрового обеспечения уголовно-исполнительной системы сводится к целенаправленной деятельности по формированию и комплектованию учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, квалифицированным, профессионально подготовленным к выполнению поставленных задач кадровым составом, что подразумевает правовое регулирование и организацию этой деятельности.

Вопрос о роли права в определении и регулировании кадровой функции в уголовно-исполнительной системе связан с большим значением правовых норм, закрепляющих кадровую функцию управления и обеспечивающих ее реализацию через правоотношения. В процессе осуществления функции кадрового обеспечения деятельности УИС возникают вполне определенные правоотношения и юридические факты, вызывающие к реализации права и обязанности органа управления как субъекта административно-управленческой деятельности в области кадрового обеспечения. В своей совокупности они составляют специальный раздел правового статуса органа управления или его структурных подразделений. Применительно к деятельности пенитенциарной системы они проявляются в правомочиях в области кадрового обеспечения учреждений и органов, исполняющих уго-

ловные наказания. Именно поэтому четкое нормативное установление правомочий исполнительных учреждений и органов в области формирования и реализации кадровой политики и кадрового обеспечения является одним из наиболее перспективных направлений повышения эффективности административно-управленческой деятельности в сфере исполнения уголовных наказаний. Правовое регулирование и организация кадровой работы в уголовно-исполнительной системе имеют принципиальное значение с точки зрения оказания положительного воздействия на работоспособность коллективов служащих, повышения их заинтересованности в успешном выполнении своих служебных обязанностей.

В последнее время задачи совершенствования правового регулирования кадрового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы решались путем внесения изменений в УИК РФ, Закон Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»⁴, где определены общесистемные требования (принципы, цели, задачи деятельности уголовно-исполнительной системы и др.) к процессу исполнения уголовных наказаний и персоналу. Кроме того, в рамках Федерального закона от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» в целом урегулированы правоотношения, связанные с поступлением на службу, ее прохождением и прекращением, а также с определением правового положения (статуса) сотрудников.

Вместе с тем за пределами правового регулирования пенитенциарной деятельности остается значительный пласт общественных отношений в области внутриведомственной кадровой политики, которая должна определять стратегические цели, задачи и основные направления работы с кадрами на долгосрочную перспективу.

Следует также обратить внимание и на то, что развитие системы и структуры кадров аппарата управления (институирование их организационного и профессионального состава, правил формирования, изменения учета, оценки динамики и развития структуры, штатов, номенклатур; порядок разделения и учета ответственности в руководстве органа, правила использования времени

и т. д.) осуществляется посредством норм, не только устанавливающих статус субъектов управления и правила работы, но и регулирующих правовой механизм, позволяющий контролировать эти элементы (ресурсы) управления, удерживать их в определенном состоянии⁵. В связи с этим реализация основных направлений кадровой политики в уголовно-исполнительной системе требует юридического закрепления не только организационно-правовых основ деятельности ее субъектов, но и правовых механизмов контроля за их деятельностью⁶.

В условиях нового этапа конституционной и, соответственно, административной реформы крайне важным является четкое распределение между субъектами управления уголовно-исполнительной системы полномочий, связанных с осуществлением контроля за всеми уровнями и звеньями управления.

Таким образом, внутриведомственная кадровая политика уголовно-исполнительной системы, как и любой другой отраслевой системы государственного управления, включает в себя пять основных организационных подсистем:

1. Организационно-штатное обеспечение (организационное построение, штатную численность, оптимизацию и эффективность управления, комплектование кадров и др.).

2. Профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации кадров.

3. Воспитание кадров (привитие высоких стандартов профессиональной культуры и законопослушного поведения, профилактика фактов насилия и произвола, коррупционных правонарушений, воспитание чувства патриотизма, служебного долга, психологическое сопровождение профессиональной деятельности)⁷.

4. Социальную защиту кадров (гарантии, льготы и компенсации)⁸.

5. Контроль и надзор в области кадрового обеспечения УИС⁹.

Перечисленные группы общественных отношений внутриведомственной кадровой политики в уголовно-исполнительной системе входят в сферу административно-правового регулирования в пределах административно-правового института государственной службы.

В качестве первоочередного шага в области совершенствования кадровой деятельности в уголовно-исполнительной системе следует рассматривать осуществ-

вление разработки и принятия документов стратегического характера, позволяющих определить концептуальные направления развития как всей системы исполнения уголовных наказаний, так и подсистемы ее кадрового обеспечения. Речь идет прежде всего о принятии Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 г. и Концепции кадровой политики уголовно-исполнительной системы до 2030 г., а также о проведении корректировки действующей в настоящее время Концепции феде-

ральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 годы)»¹⁰ в части совершенствования системы кадрового обеспечения. Принятие такого рода документов следует рассматривать как важнейшее практическое направление проведения нового этапа административной реформы в уголовно-исполнительной системе, обусловленного внесением поправок в Конституцию Российской Федерации в 2020 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: Попов Л. Л. Ренессанс государственного управления в России: избранное. М., 2015; Воронина Л. И., Костина С. Н., Томильцев А. В. Функции и услуги в системе государственного и муниципального управления : моногр. / под общ. ред. проф. Т. М. Резер. Екатеринбург, 2017. 139 с.; Юсупов В. А. Государственное управление как объект административно-управленческого права // Философия соц. коммуникаций. 2020. № 1–2 (50–51). С. 48–51.

² См.: Украинцев Б. С. Самоуправляемые системы и причинность. М., 1972. С. 43.

³ См.: Бачило И. Л. Функции органов управления (правовые проблемы оформления и реализации). М., 1976. С. 73.

⁴ См.: Ведомости СНД и ВС. 1993. № 33. Ст. 1316.

⁵ См.: Бачило И. Л. Организация советского государственного управления. Правовые проблемы / отв. ред. Лазарев Б. М. М., 1984. С. 119.

⁶ См., например: Зубарев С. М. О содержании целей и принципов контроля в государственном управлении // Административ. право и процесс. 2016. № 11. С. 10–15.

⁷ См., например: Мельникова Н. А. Административно-правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в уголовно-исполнительной системе // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС : сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. (г. Воронеж, 26 мая 2016 г.). Воронеж, 2016. С. 346–349.

⁸ См., например: Кирилловский О. В., Мельникова Н. А. Правовое регулирование мер социальной защиты в отношении защищаемых лиц из числа сотрудников уголовно-исполнительной системы и пути его совершенствования // Вестн. Перм. ин-та ФСИН России. 2020. № 2 (37). С. 78–83.

⁹ См., например: Зубарев С. М. Теория и практика контроля за деятельностью персонала пенитенциарной системы : моногр. М., 2006. С. 330.

¹⁰ Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 годы) : концепция Федер. целевой программы (утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 23.12.2016 № 2808-р) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 2, ч. 2. Ст. 413.

¹ Sm., naprimer: Popov L. L. Renessans gosudarstvennogo upravleniya v Rossii: izbrannoe. M., 2015; Voronina L. I., Kostina S. N., Tomil'cev A. V. Funkcii i uslugi v sisteme gosudarstvennogo i municipal'nogo upravle-niya : monogr. / pod obshh. red. prof. T. M. Rezer. Ekaterinburg, 2017. 139 s.; Yusupov V. A. Gosudarstvennoe upravlenie kak ob`ekt administrativno-upravlencheskogo prava // Filosofiya socz. komunikacij. 2020. № 1–2 (50–51). S. 48–51.

² Sm.: Ukraincev B. S. Samoupravlyaemy'e sistemy' i prichinnost'. M., 1972. S. 43.

³ Sm.: Bachilo I. L. Funkcii organov upravleniya (pravovy'e problemy' oformleniya i realizacii). M., 1976. S. 73.

⁴ Sm.: Vedomosti SND i VS. 1993. № 33. St. 1316.

⁵ Sm.: Bachilo I. L. Organizaciya sovetskogo gosudarstvennogo upravle-niya. Pravovy'e problemy' / отв. red. Lazarev B. M. M., 1984. S. 119.

⁶ Sm., naprimer: Zubarev S. M. O soderzhanii celej i principov kon-trolya v gosudarstvennom upravlenii // Administrativ. pravo i process. 2016. № 11. S. 10–15.

⁷ Sm., naprimer: Mel'nikova N. A. Administrativno-pravovy'e sredstva preduprezhdeniya i presecheniya korrupcii v ugolovno-ispolnitel'noj siste-me // Aktual'ny'e problemy' deyatel'nosti podrazdelenij UIS : sb. materia-lov vseros. nauch.-prakt. konf. (g. Voronezh, 26 maya 2016 g.). Voronezh, 2016. S. 346–349.

⁸ Sm., naprimer: Kirilovskij O. V., Mel'nikova N. A. Pravovoe regu-lirovanie mer social'noj zashhity' v otnoshenii zashhishhaemy'x licz iz chisla sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy' i puti ego sovershenstvova-niya // Vestn. Perm. in-ta FSIN Rossii. 2020. № 2 (37). S. 78–83.

⁹ Sm., naprimer: Zubarev S. M. Teoriya i praktika kontrolya za deyatel' -nost'yu personala penitenciarnej sistemy' : monogr. M., 2006. S. 330.

¹⁰ Razvitie ugolovno-ispolnitel'noj sistemy' (2017–2025 gody') : kon-cepciya Feder. celevoj programmy' (utv. rasporyazheniem Pravitel'stva Ros. Federacii ot 23.12.2016 № 2808-r) // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federa-cii. 2017. № 2, ch. 2. St. 413.